

ВЕСТНИК

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 13	2012	ВОСТОКОВЕДЕНИЕ
Выпуск 4	Декабрь	АФРИКАНИСТИКА

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ. ИЗДАЕТСЯ С АВГУСТА 1946 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

РОССИЯ И ВОСТОК

<i>Желтов А. Ю.</i> Россия и Африка — история и современность	3
<i>Самойлов Н. А., Ли Суйань.</i> Образ Советского Союза в китайских учебниках 1950-х годов	14

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

<i>Илюшина М. Ю.</i> Трактат аль-Бакламиши об искусстве стрельбы из лука	23
<i>Фирсова В. С.</i> Индийцы в Японии: прошлое и настоящее	29
<i>Шухман Е. О.</i> Первое издание конкорданции к Еврейской Библии (По экземплярам из коллекции Института восточных рукописей РАН)	37
<i>Юлгушева А. Х.</i> Род бану Хадждадж в политической истории ал-Андалуса.....	46

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Корнильева Т. И.</i> Шаньшу как жанр китайской литературы	54
<i>Суворов М. Н.</i> Реализм и модернизм в художественной прозе стран Аравии.....	61
<i>Тептюк П. С.</i> Вариативность канона макамы в позднем средневековье («Законо- ведная макама ал-‘Аббаса», XVI век)	69



САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ОСНОВАН В 1724 ГОДУ
1824 – ГОД ВЫХОДА В СВЕТ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ УНИВЕРСИТЕТА

© Авторы статей, 2012

© Издательство

Санкт-Петербургского университета, 2012

Фролова М. В. Яванская мифология в современном индонезийском романе Буди Сарджоно «Ньяи Роро Кидул — богиня Южных морей»	76
--	----

ГЕОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОСТРАНСТВА И КОДЫ КУЛЬТУР АЗИИ И АФРИКИ

Дьяков И. М. Проблема высшего образования в контексте развития африканского континента	82
Зеленев Е. И. Геокультура и хронокультура: противостояние.....	88
Кириллова А. А. Светильник менора и его элементы.....	95
Рыбаков В. М. Взятка и подобные взятке преступления в традиционном китайском праве.....	104

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Боголюбов А. М., Боголюбова Н. М. Россия и Восток. Особенности межкультурного взаимодействия в эпоху Нового времени. Рецензия на коллективную монографию РОССИЯ и ВОСТОК: Феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время. Коллективная монография / отв. ред. Н. Н. Дьяков, Н. А. Самойлов. СПб.: СПбГУ, Восточный факультет; Изд-во «Студия НП-Принт», 2011. 392 с.....	111
Дьяков Н. Н. Протестные движения в арабских странах. Предпосылки, особенности, перспективы. Материалы конференции «Круглого стола». Центр цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН (30 мая 2011 года) / отв. ред. И. В. Следзевский, А. Д. Саватеев. URSS. М., 2012. 124 с.....	117
Аннотации	120
Abstracts	124
Сведения об авторах.....	128
Перечень статей.....	129
Contents.....	132

РОССИЯ И ВОСТОК

УДК 94

А. Ю. Желтов

РОССИЯ И АФРИКА — ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Россия и Африка. Исторический экскурс

Еще в 1723 г. Петр Первый отправил два корабля российского флота под общим командованием вице-адмирала Даниэля Вильстера из Ревеля на Мадагаскар (и если удастся, далее в Индию) с целью установления контактов с одним из пиратских вождей, обосновавшихся на острове и искавших покровительства сильных европейских держав, в частности, соперника Петра в Европе — шведского короля Карла. К сожалению, шторм не позволил кораблям выйти из Балтийского моря, и экспедиция была отложена. Российские корабли в первый раз пересекли экватор только в начале XIX в. [1, с. 11–12].

Отечественная наука проявила интерес к африканским языкам уже в XVIII в. В одной из рукописей М. В. Ломоносова, посвященной родству языков, упоминается готтентотский язык; есть сведения, что ученый интересовался системой эфиопского письма. В знаменитом четырехтомном издании «Сравнительный словарь всех языков и наречий по азбучному порядку расположенный» (СПб., 1790–1791) содержится материал по 33 языкам народов Африки [2].

Начало же преподавания африканских языков в России можно отнести к первой трети XIX в., когда в 1829 г. в Харьковском университете Б. А. Дорн (1805–1887) ввел курс древнеэфиопского языка — геэз. В дальнейшем развитие эфиопской филологии связано с Петербургским университетом, профессором которого был академик Дорн. Традиции эфиопистики мирового уровня развивали далее такие выдающиеся ученые — университетские профессора, как академик Б. А. Тураев (1868–1920), академик И. Ю. Крачковский. С изучения эфиопского языка начинал свою творческую деятельность известный гебраист и семитолог П. К. Коковцов (1861–1941). Русская наука по праву гордится достижениями в области египтологии и коптологии. Огромную роль в мировой науке сыграли В. С. Голенищев; профессор Петербургского университета, член-корреспондент Академии наук О. Э. Лемм (1856–1918), начавший в 1887 г. преподавание египтологических дисциплин и коптского языка; его ученик Б. А. Тураев, возглавивший созданную впервые в России в 1918 г. специальную университетскую

кафедру египтологии. Деятельность этих и других ученых не только создала основу для дальнейших исследований в области египтологии и эфиопской филологии, но и позволила на этой основе перейти к изучению языков и культур Тропической и Южной Африки. Таким образом, российская африканистика, как и европейская в целом, зародилась в недрах классического востоковедения. Нельзя не отметить и российские экспедиции в Африку (главным образом северо-восточную) В. В. Юнкера, А. К. Булатовича, Н. С. Гумилева, В. А. Догеля. Африканский цикл Н. С. Гумилева оказал влияние на формирование своеобразного «романтизированного» взгляда на Африку у российской интеллигенции. Наиболее ярко романтическое отношение к Африке проявилось в стихотворении Н. С. Гумилева «Вступление» [3, с. 71–72]:

Оглушенная ревом и топотом,
Облеченная в пламя и дымы,
О тебе, моя Африка, шопотом
В небесах говорят серафимы...

Многие русские моряки и путешественники (в том числе известный писатель И. А. Гончаров) оставили воспоминания о южноафриканском порте Кейптаун, который был главным транзитным портом на юге Африки.

Особые отношения складывались у России с христианской Эфиопией: дипломатические отношения между странами были установлены в 1898 г.; Россия оказывала Эфиопии существенную военную помощь, в Аддис-Абебе был открыт русский госпиталь.

Вскоре после Октябрьской революции 1917 г. советские политики и идеологи стали уделять особое внимание «колониальным странам и народам», рассматривая их как мощный потенциал «мировой революции». В Москве и Ленинграде были созданы различные учреждения (образовательные и исследовательские), где изучались актуальные политические и социально-экономические проблемы Африки, велась подготовка кадров для стран Востока и Африки. Своеобразным отражением миссионерского подхода к африканистике в советских условиях было стремление найти союзников в классовой борьбе с империализмом и пропаганда марксистско-ленинской идеологии (вместо стремления донести до местного населения «слово Божие» у миссионеров), что также предполагало знание местных языков. Правда, весьма поверхностное взаимодействие с африканскими реалиями (оно затрагивало, в основном, различные слои местной элиты) приводило иногда к появлению поверхностных, сильно идеологизированных, тенденциозных публикаций. Следует отметить и позитивные для науки аспекты идеологического интереса к Африке в СССР: создаются научные институты, в Африку выезжают специалисты (правда, преимущественно с практическими, а не научными целями). При этом советская политика в Африке, в отличие от европейской, не была направлена на получение экономической выгоды, ограничиваясь главным образом стремлением к идеологическому влиянию. Этот момент может оказать положительное влияние на перспективу современных отношений России с Африкой, формирование которых, видимо, должно опираться на взаимовыгодное социально-экономическое сотрудничество и культурные обмены. В отношении России у африканцев нет негатива, связанного с колониализмом и колониальной эксплуатацией. К 1981 г. в Советском Союзе прошли обучение около 100 тысяч африканских студентов и подготовлено около 700 кандидатов и докторов наук, построены такие значимые объекты, как Политехнический институт в Конакри, госпиталь в Адис-Абебе и т. д.

Для формирования эффективной практической африканистики принципиальным представляется базирование практических рекомендаций бизнесу или властным структурам на серьезных научных исследованиях, хорошем знакомстве с африканскими реалиями, что и является одной из задач подготовки африканиста. Экономическая практика и политические решения должны базироваться на научном знании, наука же не должна подстраиваться под конъюнктурные политические решения.

Что касается академической науки и высшего образования, здесь, параллельно с глубоко политическими предпочтениями властей, началось активное освоение культурно-исторического наследия африканцев, изучение языков, истории и культур народов Африки, т.е. закладывались основы отечественной африканистики. Соответственно, формируется комплексный историко-филологический подход в африканистике. Правда, сфера его применения в Африке к югу от Сахары ограничивается тремя основными регионами, где до прихода европейцев существовала письменная традиция: Эфиопия, восточноафриканское побережье (суахили), район Северной Нигерии (хауса). Именно на основе данного подхода и формируется петербургская-ленинградская африканистика. Не случайно именно амхарский, суахили и хауса были первыми языками Африки к югу от Сахары, преподавание которых началось в Ленинградском университете. Именно здесь по инициативе известного ассириолога и специалиста по общему языкознанию А. П. Рифтина (1900–1945), замечательного лингвиста, арабиста и полиглота Н. В. Юшманова (1896–1946) и египтолога Д. А. Ольдерогге (1903–1987) в 1934/35 учебном году в преподавание впервые были введены африканские языки (суахили, хауса, амхарский) и другие учебные дисциплины, связанные с Африкой. В 1939 г. состоялся первый выпуск профессионалов-африканистов в нашей стране. В 1944/45 учебном году в Ленинградском университете был воссоздан Восточный факультет. В его составе была организована кафедра египтологии и африканистики, которую возглавил член-корреспондент Академии наук, профессор Н. В. Юшманов. После его безвременной кончины (2 апреля 1946 г.) по представлению академика И. Ю. Крачковского заведующим кафедрой стал Д. А. Ольдерогге, впоследствии член-корреспондент Академии наук. В первые трудные послевоенные годы им удалось привлечь в университет крупных ленинградских египтологов, а также своих учеников. Вместе с Т. Л. Тютрюмовой и И. П. Строгановой они создавали по существу новую кафедру, которая вскоре получила нынешнее название — кафедра африканистики.

В рамках классической филологической традиции находится и интерес к различным письменным источникам об Африке, работа над которыми была инициирована Д. А. Ольдерогге. Очевидно, что данная традиция остается актуальной и в наше время. Ярким представителем этого направления был Андрей Алексеевич Жуков, работавший на материале суахилийской письменной традиции. Однако традиционная филология в ее применении к африканскому материалу имеет очевидные ограничения. Подавляющее большинство регионов и языков оказываются за рамками данного метода — отсутствуют письменные памятники. Понимание данной проблемы привело к инициированному еще Д. А. Ольдерогге интересу к исследованию этнографии и языков — дисциплин, которые существенно меньше, чем, например, филология или история, зависят от наличия письменных источников. Это нашло свое отражение в большом количестве языковых занятий в учебных планах кафедры, созданию словарной группы в Кунсткамере. Интерес к этнографии подкреплялся существовавшей в России традицией этнографического описания народов Кавказа, Средней Азии, Сибири и Дальнего Востока. Определенным этапным

моментом было введение на кафедре африканистики преподавания языков манде. Именно это направление является и сейчас наиболее развитым с собственно лингвистической точки зрения, главным образом благодаря руководимой В.Ф.Выдриным лингвистической экспедиции в Западную Африку, которая работает с 2001 г. В лингвистическом направлении африканских исследований заложен большой потенциал — в Африке распространено около 2000 языков (около 1/3 всех языков мира), многие из которых не описаны или недостаточно описаны. При этом собственно лингвистический подход небесполезен и для языков с относительно старой письменной традицией — возможность классического филологического анализа текстов на хауса, суахили или амхарском не исключает необходимости тщательного анализа, например, системы тонов в хауса, суахилийской именной классификации или амхарского синтаксиса. Несомненно требует интенсификации и этнографическое направление африканистики [4].

Видимо, можно сказать, что формирование африканистики в Москве больше находилось под влиянием идеологического направления и меньше связано с классической и востоковедной традицией. При этом, очевидно, можно говорить о тенденции, а не о жестком противопоставлении. На современном этапе противопоставление московской и петербургской африканистики, в принципе, вряд ли конструктивно. Гораздо важнее личностный фактор и традиции определенных направлений. Для лингвистов подобное противопоставление, например, вообще не характерно, да и вряд ли возможно. Между кафедрами африканистики в Москве и Петербурге установились тесные дружеские отношения. Заведующая кафедрой африканистики ИСАА в Москве профессор Н.В.Громова, как и целый ряд московских африканистов, — выпускница петербургской кафедры африканистики.

Россия и Африка в современном мире и глобализационные процессы

Современное состояние российско-африканских отношений характеризуется сочетанием самых разнообразных факторов и векторов развития. Постсоветские годы характеризовались ослаблением внимания к Африке и, соответственно, ослаблением роли России на африканском континенте. Так, например, в странах Африки было закрыто 9 дипломатических представительств. Помимо собственных социально-экономических проблем России, наиболее значимая причина ослабления ее связей с Африкой — бедственное экономическое положение населения подавляющего большинства стран Африканского континента. В 53 африканских государствах в 2000 г. проживало 11% населения Земли (600 млн человек), но на них приходилось лишь 5% мирового производства и 2,2% глобальной торговли. В мире, по критериям ООН, всего 49 стран относятся к группе наименее развитых, имеющих наибольшую (относительно) внешнюю задолженность и наименьший в структуре населения удельный вес лиц с образованием или владеющих квалификацией. Из них 34 — это государства Африки, половина населения которой живет в условиях «абсолютной бедности» (доход менее 1 долл. в день) [5, с. 292]. Хотя среднедушевой ВВП в России в 2008 г. составил почти 16 тыс. долл. по паритету покупательной способности, и по этому показателю Россия явно ближе к Польше (17,5 тыс. долларов), чем к Бангладеш (1,4 тыс. долларов) и африканским странам, у России и Африки есть сходные внутриэкономические проблемы. Наряду с зависимостью от сырьевого сектора, это неблагоприятный социальный фон для экономической деятельности: по наиболее известному и авторитетному в мире Индексу экономической свободы Института Фрэнклинского (Канада) (основывается на персональном

выборе в процессе координируемого рынками добровольного обмена, возможностях входа на рынки и конкуренции на них, защищенности личности и собственности от агрессии) Россия в 2007 г. заняла 83-е место (6,5 баллов из 10 возможных) из 141. Кения, Уганда, Намибия и Гана нас опередили [6].

Торговля России со странами Африки распределена неравномерно — из 7 млрд долл. США общего товарооборота с регионом в 2009 г. более 5 млрд долл. приходится на торговлю с государствами Северной Африки (в том числе Египет — 2 млрд долл., Алжир — 1,4 млрд, Марокко — 0,8 млрд, Тунис — 0,5 млрд долл.). Показатели торговли со странами континента южнее Сахары скромнее, товарооборот России с ними в 2009 г. составил всего около 2 млрд долл. При этом более 50% в совокупном товарообороте составляет доля традиционных партнеров, с которыми действуют двусторонние межправительственные комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству (ЮАР, Нигерия, Намибия, Ангола). Однако в целом на сегодняшний день российское экономическое присутствие в странах Африки выглядит довольно скромно. В 2008 г. доля торговли с Африкой составляла 1,14% в общем товарообороте России (1,32% по экспорту и 0,81% по импорту). В 2009 г. аналогичный показатель составлял 1,49% (1,77% по экспорту и 0,99% по импорту). Аналогичная ситуация наблюдается в области инвестиций — в середине 2000-х годов на долю Африки приходилось лишь около 1,5% российских инвестиций, и сейчас их доля все еще скромна [7]. Весьма ограниченный характер товарооборота России с Африкой (7 млрд) особенно отчетливо виден при сравнении с товарооборотом других стран, например, Турции — 20 млрд долл. США, Китая — 107 млрд.

В то же время в последние годы наблюдается рост интереса России к Африке в различных сферах, прежде всего в политической и экономической области. В последние годы крупные компании принимают все более активное участие в борьбе за африканские источники сырья. Это РУСАЛ (бокситы в Гвинее, покупка акций алюминиевых заводов в Африке), «АЛРОСА» (алмазы в Анголе), «Ренова» (марганец в ЮАР), «Норильский никель», «ЛУКОЙЛ» и другие [8]. Активизация России на африканском континенте проявляется и в интенсификации политических контактов — российские лидеры (Д. Медведев, В. Путин, М. Фрадков, С. Кириенко) посетили ряд африканских стран с официальными визитами.

В интервью газете «Взгляд» Михаил Маргелов, спецпредставитель Президента Российской Федерации по сотрудничеству со странами Африки, отметил, что Африканский континент находится ныне среди приоритетов российской политики. «Последние годы наша страна активно возвращается в Африку. В качестве спецпредставителя президента РФ по Африке планирую, прежде всего, сосредоточить внимание на вопросах и проблемах экономического сотрудничества, потому что и Россия, и страны Африканского континента могут и должны быть друг для друга выгодными экономическими партнерами» [9]. По словам сенатора, многие годы экономическое сотрудничество серьезно отстает от взаимодействия в других областях, поэтому он намерен активизировать работу в формате «восьмерки» и «двадцатки», «так как не первый год эта тема — одна из ключевых для международных встреч этого уровня». «Африка — это не только всемирная кладовая, в недрах которой вся таблица Менделеева, но и источник мировых проблем, вызванных, помимо регулярно называемых причин, еще и пренебрежением к происходившему на континенте после окончания холодной войны» [9].

Следует отметить, что было бы неправильно связывать интерес к Африке исключительно с экономическими интересами использования ее природных ресурсов. В по-

следнее время ученым-гуманитариям опять приходится все активнее объяснять обществу и власти смысл и необходимость собственного существования. Представляется, что все же наука должна объяснять власти, что делать, а не наоборот. Обратное направление неперспективно. Африканист нужен не только для того, чтобы рассказать, где в Африке есть нефть и алмазы и с кем их лучше вместе добывать. Африканист, востоковед, любой другой ученый-гуманитарий, изучающий языки, культуры, общества, приобретает через осознание других картин или «образов мира» [10] своеобразное «многомерное» мышление. А без определенной критической массы людей с таким многомерным мышлением вряд ли может развиваться современное «инновационное» постиндустриальное общество. В этом и состоит глубинная, а не поверхностная «практичность» африканистики и гуманитарной науки. Причем задача координирования различных, существующих в многомерной шкале координат «образов мира» (религиозного и секулярного, христианского и мусульманского, традиционного и постмодернистского, глобального и культурно специфического) является необходимым условием существования человечества в современном глобализированном информационном пространстве. Проблема понятия «общечеловеческих ценностей» (к сожалению, в современном научном и политическом дискурсе воспринимаемого преимущественно в критически-насмешливом ключе) состоит не в их отсутствии, а в неадекватности приравнивания к ним ценностей только одного из «образов мира» и исключительной сложности их формулирования и структурирования в многомерном пространстве всех существующих «образов мира». Однако представляется, что сложность задачи не аргумент для отказа двигаться в сторону адекватного решения.

В принципе «уход» России из Африки в экономической и политической сферах сопровождался появлением новых возможностей в культурно-научной области. Большая часть студентов и практически все преподаватели кафедры африканистики СПбГУ, например, в последнее время получили возможность ездить в Африку с научными и учебными целями, что было почти невозможно ранее.

В традиции ленинградской-петербургской африканистики всегда важным был принцип изучения Африки не только как отдельного объекта, но как своеобразной модели традиционного общества, в которой можно увидеть и понять многие механизмы, которые существуют и в российском обществе, но существенно менее заметны. То, что в Африке может функционировать как доминирующий элемент «стадиальной гетерогенности» социума или культуры, в России может уходить в ее рудиментарные составляющие, продолжающие, однако, функционировать в синхронных системных срезах нашего общества. Изучение «более яркого» африканского материала часто позволяет увидеть и понять эти рудиментарные составляющие. Так, например, понятие стадиальной гетерогенности, возможно, возникло у Н. М. Гиренко на основании изучения специфики колониального общества в Восточной Африке [11].

Дискуссии по проблемам глобализации в Африке обычно приобретают достаточно острый характер. Можно отметить две основные причины этого. Во-первых, данная проблема связана с оценкой актуальных геополитических событий и необходимостью формулирования некоторых практических рекомендаций и ориентиров, что ведет к проявлению в научной дискуссии политических предпочтений исследователя. Во-вторых, говоря о глобализации в Африке, российский исследователь неизбежно имеет в виду и место России в этом процессе, что еще больше обостряет политическое восприятие проблемы. Можно встретить определение современной России как «Африки

севера». Однако более конструктивной представляется ситуация, когда политика следует рекомендациям науки, а не наука обслуживает политические интересы.

В своем довольно сдержанном варианте критика глобализации опирается на тот факт, что африканские страны (а возможно, и Россия) оказываются в рамках современного экономического и геополитического процесса отнюдь не в выигрышном положении по сравнению с экономически более развитыми странами. Однако даже при критическом восприятии данных процессов невозможно игнорировать их объективный и, видимо, неизбежный характер. Процесс глобализации в современном виде в значительной мере является следствием информационной революции и создания единого информационного пространства. При этом современная глобализация отнюдь не первый в истории человечества пример укрупнения существующих социальных и культурных образований, хотя и превосходит империи древности и средневековья, а также колониальные системы нового и новейшего времени по степени вовлеченности всех регионов в единые процессы. Подобное понимание объективности и неизбежности процесса при существующих серьезных проблемах, с ним связанных, может привести к выводу о том, что то, что получается на практике, — плохо, но, вроде, и по-другому невозможно. Вследствие чего возникает либо своеобразный эсхатологический пессимизм, либо научный релятивизм: если то, что является объективной тенденцией и, следовательно, должно быть «прогрессивным», имеет очевидные негативные последствия, то, соответственно, нельзя говорить ни о «прогрессе», ни о развитии, по крайней мере как универсально применимых понятиях.

Существуют и более радикальные формы критики современных глобализационных процессов. В качестве альтернативы глобализации, например, предлагаются различные разновидности патриотических или национальных идей и «архаика» как способ неконфликтного сосуществования человека и окружающей среды.

Однако возникает вопрос, кто или что служит объектом патриотизма? Культура, при узком понимании ее как литературы, живописи, театра и т.д.? Но если человек действительно любит Пушкина и Есенина, то, скорее всего, ему будут близки Байрон с Гете, а не русскоязычное творчество группы «Руки вверх». Этнос? Но при подобном подходе невозможно избежать ксенофобии и агрессивного национализма: бей чужих, а свои права по определению. Более привлекательным, на первый взгляд, выглядит активно культивируемый сейчас патриотизм государственный. При этом забывается, что государство всегда представлено не некой абстрактной идеей «своей страны», а конкретной политикой находящейся у власти в данный момент политической элиты. Если оно предпринимает действия, целесообразные для успешного социально-биологического воспроизводства, то патриотизм не нужен — нужно обращение к обычному здравому смыслу сограждан. Патриотизм нужен неэффективной политике и политикам. Как остроумно заметил М. Жванецкий, патриотизм нужен для того, чтобы объяснить нам, почему мы должны жить хуже, чем другие, и при этом гордиться этим. В Африке подобный государственный патриотизм можно наблюдать в Кот д'Ивуаре, где с изменением в неблагоприятную сторону цен на основной экспортный продукт — какао — значительная часть населения, представленная мигрантами из соседних стран, где были менее комфортные экономические условия, превратилась в ненужных конкурентов, а следовательно, в «неграждан», или «некоренных ивуарийцев».

Для определенного времени — периода формирования национальных государств — государственный патриотизм, видимо, был вполне позитивным фактором, но в современном информационном пространстве человек не может ощущать себя

живущим в самой прогрессивной стране — как это происходило еще не так давно с нами — если знает, что в соседних странах уровень детской смертности в несколько раз ниже, а уровень жизни в несколько раз выше. Получается, что если в моей стране существуют проблемы с уровнем жизни, и от этого страдают мои соотечественники, а я знаю, что у соседей с этим уровнем все в порядке, то патриотично винить в этом соседей, а не собственное правительство.

Кроме того, удержать патриотизм в рамках только одного — государственного — измерения представляется невозможным. Если в любом внешнем конфликте я поддерживаю свою страну (т.е. свою правящую элиту), потому что она своя, а не того, кто прав, исходя из моих личных представлений о справедливости, то и в любом внутреннем конфликте я буду опираться не на общие для всех нормы, а на стремление найти виновных среди «чужих». Причем для многонациональных государств, которыми являются большинство африканских стран и Россия, данная позиция представляется наиболее опасной. Это очевидный путь к ксенофобии со всеми вытекающими последствиями. Не случайно активное развитие националистических и ксенофобных идей «снизу» сочетается с казалось бы противоположной по направленности идеей государственного патриотизма «сверху».

Что касается архаики как альтернативы современности, то здесь, видимо, можно говорить о симпатичном поэтическом образе «золотого века» полной гармонии человека с природой, а не о реальности. По-настоящему архаического общества практически не осталось. И в Африке — тоже. А насчет большей гармонии с природой (т.е. более успешного сохранения и воспроизводства естественной среды обитания) в тех обществах, которые могут быть восприняты как более архаичные, возникают сильные сомнения. «Архаичная» Африка истребила (правда, с активной помощью европейцев) всех слонов в Западной Африке, вырубил или сожгла огромные массивы лесов, а экстенсивное скотоводство по меньшей мере не способствовало приостановлению опустынивания Сахеля. «Неархаичная» же Германия вернула к экологической норме практически уничтоженный Рейн.

Таким образом, можно заключить, что «сдержанная критика» объективна, но не конструктивна, патриотизм устарел и, к тому же, весьма опасен, а архаика наивна. Не представляется перспективной и идея «биполярного мира», т.е. своеобразная глобализация, поделенная на два лагеря. Любое из возможных сегодня бинарных противопоставлений — Север и Юг, Запад и Восток, христианство и ислам — в случае превращения в доминирующий фактор международных отношений может привести к трагическим последствиям. Биполярность обычно заканчивалась мировой войной (Антанта и Тройственный союз, Антигитлеровская коалиция и страны Оси). При современном уровне вооружения мировая война станет, очевидно, последней.

Предлагать конструктивные идеи по определению сложнее, чем критиковать. Все же попытаемся структурировать некоторые позитивные идеи. Прежде всего следует отметить, что объективное описание системы международных отношений не может быть простым. Любая простая схема типа противопоставления «одно-» и «многополярного» мира, богатого Севера и бедного Юга, христианской и исламской цивилизаций будет, при всей реальной актуальности данных противоречий, весьма далека от действительно научного взгляда на современный мир. Хотелось бы вспомнить введенное Н.М. Гиленко понятие «стадиальной гетерогенности» [12, 13]. Каждое синхронное состояние любого общественного явления представляет собой сложную систему элементов, одни

из которых относятся к предшествующим стадиям его развития, другие являются синхронно доминирующими, а третьи представляют собой проявление новых форм или отношений. Если применить данный подход к описанию структуры современных геополитических отношений, то субъектами данных отношений могут являться:

- 1) отдельные этнические, конфессиональные, социальные группы (конфликты внутри государственных образований);
- 2) государства;
- 3) блоки, образованные по различным принципам (Евросоюз, НАТО, СНГ, Организация Исламских Государств, ОПЕК, Африканский союз и т. д.);
- 4) международные организации глобального характера (ООН, ЮНЕСКО, ВТО и т. д.).

Сложность современного состояния как раз и объясняется переплетением разноразрядных интересов и противоречий. К задачам науки относятся описание этого сложного переплетения, выявление системных связей между различными элементами и, вероятно, выработка некоторых критериев разграничения того, что в современной жизни рудиментарно, а что инновационно, что считать позитивными, а что — негативными тенденциями. Очевидно, что данная задача, особенно в последнем ее аспекте, весьма сложна. Ведь при многоуровневом характере современных отношений позитивное для одного субъекта может быть противоположным образом оценено с точки зрения другого.

Исходя из этого попытаемся сформулировать такой набор характеристик, который может быть воспринят однозначно негативно или позитивно, по крайней мере, всеми участвующими в обсуждении учеными-африканистами.

Негатив	Позитив
Политика «двойных стандартов» на всех уровнях — по отношению к личности, этнической/социальной группе, государству и т. д.	Одинаковые «правила игры» для всех.
Сохранение существующего неравноправного доступа к экономическому и культурному продукту на всех уровнях (государство/ планета), попытка его насильственного перераспределения в свою пользу.	Постепенное выравнивание государств, регионов, индивидуумов в праве доступа к экономическому и культурному продукту при естественном сохранении различий, связанных с количеством затраченных для этого усилий, на основе стирания политических, экономических границ для проявления активности личности.
Деградация: — экологический кризис, — демографический кризис (в любую сторону), — экономический кризис, — отсутствие ресурсов для производства нематериального («духовного») продукта.	Успешное воспроизводство: — воспроизводство среды обитания, — воспроизводство населения при сохранении «качества жизни» и среды обитания, — высокий уровень жизни, — наличие временных и энергетических ресурсов для создания духовного продукта (культурное воспроизводство).

Изменение характеристик в позитивную сторону, отраженную в правом столбце, и есть то, что можно было бы назвать развитием.

Вполне понятная утопичность достижения характеристик из правого столбца в ближайшем будущем и их возможная конфликтность друг с другом (например, воспроизводство среды обитания и высокий уровень жизни) не ставит под сомнение их

определения как позитивных тенденций. Развитие — это не точка, которой можно достичь, а вектор, точнее, сумма векторов.

Глобализация, если понимать под этим термином не политику конкретных стран (например, США, Китая или России), которая преследует как раз национальные или блоковые интересы, а процесс укрупнения социальной среды активности каждой личности и выхода этой активности за рамки государства, вполне соотносится с правым столбцом и, следовательно, может быть охарактеризована как инновационная, позитивная тенденция. Многие характеристики левого, «негативного» столбца являются следствием недостаточного развития глобализационных процессов.

Таким образом, можно сказать, что Африка является «падчерицей» не глобализации, а ее недостаточного развития. Но это вовсе не означает призыв к ускоренной глобализации. Очевидно, что этот процесс не может идти в отдельно взятой стране (если сосед не следует общим правилам игры, а защищает исключительно свои частные интересы, то и мы не можем игнорировать наши). Задачи науки не ускорять, а объяснять и определять вектор. Вектор в сторону глобализации представляется значительно более конструктивным, чем движение в обратном направлении [14].

В завершение несколько слов о еще одном аспекте, который часто выводится за рамки обсуждения научных проблем, однако представляется дополнительным необходимым элементом анализа и проблем Африки, и проблем России, и проблем глобального характера.

Морально-нравственный фактор в оценке научных и политических проблем часто представляется еще менее «практичным», чем теоретическая многомерность подходов. Автору этого текста представляется, однако, что реальная практичность учета и этого измерения просто проявляется в существенно более далекой временной перспективе, чем опора на исключительно сегодняшнюю геополитическую оценку событий.

На одной из африканистических конференций мне пришлось участвовать в дискуссии об эффективности советской и российской внешней политики в Африке. На мой вопрос, какую внешнюю политику СССР — в Восточной Европе или в Африке — следует признать более успешной, мой оппонент ответил, что, конечно, более успешной была политика в Восточной Европе. Для меня данный вывод весьма сомнителен: в краткосрочной перспективе интенсивность советского влияния и контроля над регионом, конечно, была существенно выше в Восточной Европе, чем в Африке, но за этим последовало столь же интенсивное отмежевание от всего советского (и российского), причем не только на политическом уровне, но, что, возможно, более важно, на уровне общественного сознания и образа восприятия СССР и России. Ничего подобного не наблюдается в Африке: часто крайне низкая экономическая и политическая эффективность (иногда близкая к полной «бескорыстности») советских проектов в Африке не вызывали в африканских странах отношения к России как участнику постколониальной эксплуатации ее природных и человеческих ресурсов, образ России и отношение к ней в Африке были положительными. В долгосрочной перспективе этот «капитал» может оказаться важнее краткосрочных геополитических преимуществ. Представляется, что сотрудничество и помощь Африке должны базироваться не только на экономических и геополитических интересах, но и на понимании того, что если в Африке дети гибнут от голода и СПИДа, то игнорирование этого важно не только для Африки, но и для нас самих — равнодушные к этому в столь глобализованном современном пространстве имеет негативные последствия и для нашего общества. Здоровое общество не может не реагировать на

подобные факты. Франция может перекрыть границы и начать высылать иммигрантов, стремящихся из опасных или экономически менее успешных регионов в Европу, но надо понимать, что после этого это будет уже «другая» Франция — целенаправленное лишение доступа к экономическим благам на основании штампа в паспорте, национальности или цвета кожи вряд ли останется без отрицательных последствий не только для тех, кого этих благ лишают, но и для тех, кто является субъектом данного процесса.

В качестве своеобразного «манифеста» «нравственной геополитики» хотелось бы привести цитату из докладной записки Российского Императорского Министра-резидента в Абиссинии К.Н. Лишина от 12 июня 1902 г. по поводу возможности опеки российского правительства над организованным там российским искателем приключений отставным гвардии поручиком Н.С. Леонтьевым коммерческим обществом, законность деятельности которого была весьма сомнительной: «Эксплуатация нами богатств Экваториальных провинций без законного на это права могла бы иметь некоторый материальный успех, но нанесла бы страшный удар нашему моральному воздействию на Абиссинию. Кроме того, Императорское правительство, руководимое принципами законности и справедливости, не может допустить нарушения этих принципов Обществом, находящимся под его покровительством» [1, с. 229]. Я бы включил эту цитату в учебники, как по африканистике, так и по дипломатии.

Литература

1. Россия и Африка. Документы и материалы. XVIII в. 1960 г. Т. 1. Москва, 1999.
2. *Olderogge D. A.* The study of African languages in Russia // *St. Petersburg Journal of African Studies*. 1993. N 1. P. 113–123.
3. *Гумилев Н. С.* Собрание сочинений: в 4 т. / под ред. проф. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. Вашингтон: Изд. книжного магазина Victor Kamkin, Inc., 1964. Т. 2. URL: <http://ru.wikisource.org/wiki> (дата обращения: 07.05.2011).
4. *Zhelto A.* Teaching African Languages in St. Petersburg // *Symposium on Nordic contributions to African Languages*. Gothenburg, 2007.
5. *Гаврилов Ю. Н.* Россия и Африка // *Геополитика: учебник* / под общ. ред. В. А. Михайлова; отв. ред. Л. О. Терновская, С. В. Фокин. М.: Изд-во РАГС, 2007. С. 292–311.
6. *Маргелов М.* Африка ждет Россию // *Российская газета*. Центральный выпуск. 2009. № 4856. 26 февраля.
7. Россия и Африка развивают сотрудничество. URL: <http://ictsd.org/i/news/bridgesrus-sian/74856/>
8. *Васильев А. М.* Интервью директора Института Африки Алексея Васильева. Новое открытие Африки. URL: <http://www.civilg8.ru/6475.php>
9. Медведев назначил своего нового спецпредставителя по Африке. URL: <http://www.rtkorr.com/news/2011/03/21/225869.new> (дата обращения: 07.05.2011).
10. *Зеленев Е. И.* Концепция этнокультурного пространства и поля в современной парадигме восточного научного знания. СПб.: Издательство РГХА, 2010.
11. *Гиренко Н. М.* Колониальный режим и традиционные социальные институты (на примере Танзании) // *Советская этнография*. 1974. № 1. С. 50–69.
12. *Гиренко Н. М.* Синхрония и диахрония (к вопросу об интерпретации явлений культуры) // *Древние системы письма. Этническая семиотика*. М.: Наука, 1986. С. 6–27.
13. *Гиренко Н. М.* Принцип стадийной гетерогенности в обществе и закон Геккеля // *Вопросы этнической семиотики*. СПб.: Наука, 1999. С. 179–185.
14. *Желтов А. Ю.* Некоторые замечания к круглому столу «Глобализация в Африке» // *Африканский сборник* 2007. СПб.: Наука, 2008. С. 519–525.

Статья поступила в редакцию 18 июня 2012 г.

Н. А. Самойлов, Ли Суйань

ОБРАЗ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В КИТАЙСКИХ УЧЕБНИКАХ 1950-х годов

После победы революции 1949 г. в Китае началась работа по реформированию школьного и вузовского образования. Государство стало выделять большие средства на развитие народного просвещения и ликвидацию неграмотности (накануне революции 80% населения Китая было неграмотно). Впервые конституционно было закреплено право граждан на образование, были предоставлены гарантии его получения для выходцев из рабоче-крестьянской среды. В стране разрабатывались единые программы обучения, большое внимание уделялось подготовке учебников, учебных пособий и методических материалов. Была создана система образования взрослых, для чего организовывались производственные школы, позволявшие сочетать обучение с трудом. «В целом это направление модернизации соответствовало принятым в мире нормам индустриальной революции и привело к невиданному до того в Китае по масштабам распространению грамотности среди населения, в том числе и сельского» [1, с. 420].

На первом этапе развития КНР большая помощь в деле реализации новой современной образовательной модели была оказана Китаю со стороны Советского Союза. В 1950-х годах в КНР изучали советскую педагогическую теорию и опыт, накопленный СССР в области народного образования. В это время в Китае работали около 1000 советских преподавателей, а в советских учебных заведениях прошли подготовку более 10 тысяч студентов и специалистов из КНР.

Сотрудничество в сфере образования между СССР и Китаем стало развиваться буквально с первых же дней создания КНР.

30 марта 1950 г. Мао Цзэдун писал И. В. Сталину: «Мы просили советское правительство направить к нам для Пекинского народного университета и Нанкинского университета 60 профессоров и преподавателей. Я, будучи в Москве, по этому вопросу направил Вам лично письмо, в котором было изложено о квалификациях преподавателей. Пекинский университет сейчас набрал свыше 3000 студентов и уже начал проводить занятия. Но учебный план этого университета был построен из расчета того, что дисциплины будут читать советские преподаватели. Поэтому без советских преподавателей занятия этого университета нормально проводиться не могут. Просим Вашего распоряжения о быстром подборе профессоров и преподавателей согласно нашему плану и о скорейшем направлении их в Китай» [2, с. 42].

Большие успехи Китайской Народной Республики в деле народного просвещения производили сильное впечатление и оказывали влияние на многие страны Азии.

В результате проводившихся мероприятий и согласно основным положениям реформы 1951 г. в КНР была создана централизованная унифицированная система образования, финансирование которой полностью взяло на себя государство. Руководители КНР уделяли очень большое внимание созданию новых учебников. Один из видных

теоретиков социалистической системы образования в Китае Лу Динъи¹ после создания Нового Китая говорил: «Учебник должен быть составлен только государством, и только таким образом, чтобы содержание учебника совпадало с политикой нашего государства» [3]. Таким образом, учебники в КНР служили одним из инструментов проведения в жизнь политики Коммунистической партии и нового государства, выполняя не только образовательную и воспитательную функции, но и становясь средством политической пропаганды.

1950-е годы были ознаменованы активным сближением политических позиций КНР и Советского Союза. Союзнические отношения, базировавшиеся на основных положениях Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР, подписанного в 1950 г., определяли не только характер двусторонних связей, но и влияли на ситуацию в мире в целом. В КНР был популярен лозунг «Учиться у СССР», в широких слоях населения росли симпатии к Советскому Союзу.

Школьные учебники, выпускавшиеся в КНР в рассматриваемый период, а также сопутствовавшие им учебные пособия и методические разработки содержали большой объем материала, связанного с Советским Союзом, его историей, экономикой, культурой и современной жизнью. Лишь только научившись читать, китайские школьники узнавали первые элементарные сведения об СССР, о советской и русской культуре. С каждым годом круг их знаний расширялся. Содержание учебников способствовало формированию в сознании молодого поколения положительного образа СССР, что отвечало в то время основному внешнеполитическому курсу КПК и китайского правительства.

Составители китайских учебников, строго соблюдая основные идеологические установки политического курса КПК в отношении СССР, активно работали над созданием позитивного образа Советского Союза. Можно выделить и проанализировать несколько основных направлений конструирования этого образа.

1. Демонстрация успехов и достижений Советского Союза и описание жизни советского народа

В 1950-х годах в Китае широко популяризировался лозунг: «Сегодняшний СССР — завтрашний Китай». Освещение успехов советского народа в экономическом и культурном строительстве было необходимо не только в целях укрепления двусторонних союзнических отношений, но и для того, чтобы воодушевлять население Китая на строительство социализма, показывая ему, к какой цели нужно стремиться.

В одном из учебников «Язык и литература» («语文»)² был помещен очерк китайского писателя Фэн Чжи «Москва», наполненный восторженными отзывами и нескры-

¹ Лу Динъи (陆定一, 1906–1996) — видный китайский политический деятель, один из организаторов социалистического культурного строительства в КНР. До 1966 г. — зав. Отделом пропаганды ЦК КПК. В мае 1966 г., когда развертывалась «культурная революция», был подвергнут критике в рамках дела «антипартийной клики Пэн Чжэня — Ло Жуйцина — Лу Динъи — Ян Шанкуня». Его обвиняли в том, что он выступал против «творческого применения идей Мао Цзэдуна» и критиковал Сталина. Провел под арестом более 13 лет. После прихода к власти нового руководства КНР во главе с Дэн Сяопином Лу Динъи был в 1979 г. реабилитирован и кооптирован в состав Народного политического консультативного совета Китая, став его вице-председателем. В дальнейшем являлся членом Комиссии советников ЦК КПК.

² По своему содержанию, характеру и функциям учебники «语文» (дословно: «Язык и литература»), выпускаемые в КНР, аналогичны используемым в российской (и советской) начальной школе учебникам «Родная речь», при чтении которых российские учащиеся знакомятся с образцами русской и зарубежной литературы, фольклорными произведениями, сказками и т. д.

ваемой симпатией к СССР. В начале очерка Фэн Чжи³ описал свои впечатления о советской столице, потом подробно рассказал об успехах москвичей в области культуры и образования, о новациях в архитектуре.

Преследуя определенные дидактические цели, авторы учебника после данного текста добавили нечто вроде комментария для того, чтобы «помочь китайским учащимся хорошо понимать эту прозу»: 1. Советское великое социалистическое строительство проявилось во многих аспектах: политике, экономике, культуре и т. д., о чем невозможно рассказать полностью. Автор, приводя множество фактов, изображающих активность советского общества, демонстрирует пример прекрасного будущего всего человечества. 2. У обывателей в капиталистических странах сложился искаженный образ Советского Союза, они уверены, что СССР — бедная страна, люди там не свободны, компартия не уважает права личности. Но эта ложь опровергается фактами, которые свидетельствуют о том, что СССР богаче всех капиталистических стран и станет еще богаче. 3. Советская революция, как и китайская революция, добилась успеха, преодолев много трудностей. Советский народ идет впереди, является примером и старшим братом Китая. «Из этой прозы мы узнаём, как советский народ любит свою родину, много великих дел совершил он благодаря самозабвенному труду и необыкновенному уму. Мы должны учиться у советского народа» [4, ч. 2, урок 21].

Не ограничиваясь общими рассуждениями об успехах советского народа, авторы учебников стремились рассказать китайским учащимся о реальных научных и технических достижениях Советского Союза, что также способствовало формированию у них позитивного образа СССР.

В одном из учебников по языку и литературе, рассчитанному на учащихся вечерних профессиональных школ, были напечатаны стихи китайского поэта Го Сяоцуня, который выражал свою радость по поводу того, что СССР успешно запустил первый в мире искусственный спутник Земли, а современный самолет «Туполев» выполнял беспосадочные перелеты на тысячи километров. В тексте были приведены рисунки с изображением спутника и самолета. Для сравнения поэт упомянул и американский спутник, который, по его словам, был очень маленьким, летал не слишком высоко и связь с ним пропадала. В другом тексте — «Атомный ледокол имени В. И. Ленина» — был подробно описан первый атомный ледокол, который был построен в СССР и начал плавание в сентябре 1959 г. Китайским школьникам объясняли, что этот ледокол был самым мощным, самым быстрым, самым огромным, самым современным в мире. В тексте сказано: «Плавание атомного ледокола “Ленин” — это блестящий успех СССР в области мирного использования ядерной энергии и великая победа социалистического лагеря» [5, ч. 1, урок 26]. Можно найти и другие подобные тексты, например «Судоходный канал имени В. И. Ленина», в котором рассказывалось о грандиозном проекте строительства Волго-Донского канала [6, ч. 5, урок 11].

³ Фэн Чжи (冯至, 1905–1993) — китайский писатель, поэт и переводчик. В 1930-х годах учился в Германии (в Берлинском и Гейдельбергском университетах). В 1935 г. в Гейдельбергском университете ему была присуждена степень доктора философии. В 1936–1939 гг. работал в университете Тунцзи (Шанхай). В конце 1940-х и в 1950-х годах преподавал в Пекинском университете и университете Цинхуа. В 1950 г. в составе делегации посетил Венгрию, Чехословакию, ГДР, несколько дней провел в Москве. В 1951 г. опубликовал серию очерков «Записки о Восточной Европе». В дальнейшем занимал должность директора Исследовательского института иностранной литературы Академии общественных наук КНР.

2. Рассказы о дружбе между народами СССР и Китая, описание помощи Китаю со стороны Советского Союза

Типичным образцом подобных текстов, способствовавших созданию у молодого поколения китайцев образа советского народа — друга и «старшего брата» Китая, может служить статья «Великая дружба», напечатанная в учебнике русского языка, подготовленном Гиринским педагогическим университетом:

«Сейчас китайский народ под руководством Коммунистической Партии Китая быстрыми шагами идёт к социализму. В строительстве социализма советский народ оказывает нам большую помощь. Он является верным другом китайского народа. Между китайским и советским народом великая нерушимая дружба. У советского народа большой, передовой опыт. Нам надо хорошо учиться у него» [7, ч. 1, урок 14].

На конкретных примерах авторы учебников объясняли школьникам, что Советский Союз разгромил японскую Квантунскую армию и оказал большую помощь китайскому народу в деле освобождения Северо-Восточных районов Китая, многие советские воины отдали свою жизнь за свободу и независимость китайского народа. В учебнике, изданном в Шанхае в 1949 г., еще до официального провозглашения КНР, был напечатан текст «Своей грудью закрыть дзот противника», в котором рассказывалось про храброго советского солдата Василия, бросившегося на амбразуру японского дзота и повторившего подвиг Александра Матросова, и утверждалось, что «молодой, смелый Василий будет жить в сердце китайского народа всегда». Этот урок был иллюстрирован соответствующим рисунком [8, ч. 7, урок 33].

В данном учебнике также говорилось о том, что СССР не только помогал китайскому народу разгромить японского агрессора, но и оказывал большую помощь в восстановлении народного хозяйства, направляя в Китай высококвалифицированных специалистов, которые не жалея сил трудились на благо Нового Китая. В тексте «Глубокая дружба» речь шла о советском инженере, помогавшем китайским рабочим в Харбине ремонтировать железнодорожный мост через Сунгари. В ненастный день он спасает от гибели китайского рабочего, который неожиданно поскользнулся и чуть не упал с моста в реку, но сам при этом получает серьезную травму [8, ч. 7, урок 34].

Составители китайских учебников часто включали в них письма советских детей, полные тепла и задушевности. Китайские школы организовывали переписку учащихся с советскими ребятами.

3. Рассказы о выдающихся личностях России и СССР

Безусловно, в условиях того времени в китайских учебниках в первую очередь помещались рассказы о жизни и деятельности Ленина и Сталина. Особенно популярной была тема учебы Ленина-школьника, например, текст «Ленин в школе» [8, ч. 7, урок 4]. После прочтения текста учащимся предлагалось ответить на несколько вопросов с тем, чтобы проверить, как они уяснили текст. В учебники также включали хорошо известные советским школьникам рассказы Михаила Зощенко «Ленин и часовой», «Как Ленин учился» и др. [9, ч. 3, урок 5].

Включались в учебники и ленинские статьи, например «Великий почин», где Ленин разъяснял значение коммунистических субботников [6, ч. 5, урок 18], за которой следовал специально написанный рассказ «Ленин участвует в субботнике», который должен был помочь китайским учащимся понять эту статью.

Помимо рассказов о руководителях Советского государства, китайских учащихся знакомили с фактами из биографий тех личностей, которых в тот период особенно почитали в СССР.

Текст «Великий преобразователь природы — Мичурин» знакомил китайских школьников с научными достижениями русского биолога и селекционера И. В. Мичурина. Учащиеся узнавали, что вначале своей деятельности, в царское время, он испытывал много трудностей, но в дальнейшем советская власть по достоинству оценила его заслуги. А когда министерство сельского хозяйства США предложило ему переехать в Америку и обещало транспортировать его фруктовый сад в США на пароходе, Мичурин, будучи патриотом России, отказался от переезда: «Я — русский, никакой пароход не может увезти меня из моего отечества» [10, ч. 1, урок 4].

В учебниках физики и других китайских учебниках часто излагалась биография М. В. Ломоносова, печатались его портреты.

4. Примеры честности и патриотизма советских детей, которые должны были служить образцом для воспитания китайских учащихся

В китайских учебниках 1950-х годов можно найти много коротких поучительных текстов на эту тему.

В рассказе «Почтовый ящик» говорилось о том, что во время Великой Отечественной войны почтальон по ошибке опустил письмо одного фронтовика в почтовый ящик семьи Маши. Девочка, несмотря на ненастье, нашла нужный дом и передала конверт адресату. Впоследствии Маша получила письмо от гвардии лейтенанта Степанова: «Дорогая незнакомая девочка! Зимой ты передала моей семье письмо от меня с фронта. Ты даже не представляешь, какую помощь моей семье ты оказала. Если бы это письмо потерялось, я и мои родные очень расстроились бы. Спасибо тебе большое. Я верю, что ты обязательно станешь отличной советской гражданкой... » [8, ч. 7, урок 39].

В рассказе «Пионерский галстук» речь шла о мальчике Егорке, сыне смотрителя маяка, который живет на берегу реки Лены. Однажды папа ушел, а в это время начался паводок и свет на маяке погас. Кораблям, двигавшимся по реке, грозила опасность. Тогда Егорка на лодке добрался до маяка, зажег свет и накрыл фонарь красным пионерским галстуком. Капитаны, увидев красный луч, поняли, что случилось, и повели суда в правильном направлении [11, ч. 4, урок 11].

Мальчик — герой рассказа «Песня соловья» умел подражать голосам разных птиц с помощью свистка из коры березы. Во время войны он, используя звуки, похожие на свист и пение птиц, помог партизанам завести немцев в лес и уничтожить отряд фашистов [12, ч. 2, урок 17].

Составители китайских учебников стремились на этих примерах воспитывать у китайских школьников чувства ответственности и патриотизма.

5. Жизнеописания героев Гражданской и Великой Отечественной войн

В 1950-х годах в КНР, так же как и в Советском Союзе, одной из культовых героинь становится Зоя Космодемьянская. Поэтому рассказы о ней занимали особое место в школьных учебниках. В качестве основы для посвященных ей текстов были выбраны

очерк фронтового журналиста Петра Лидова «Таня», в котором он впервые рассказал о подвиге Зои Космодемьянской, и книга ее матери Л. Т. Космодемьянской «Повесть о Зое и Шуре», рассказывающая о двух ее детях — Героях Советского Союза. В воспитательных целях составители учебников предлагали учащимся ответить на вопросы: как Зоя боролась с германскими фашистами, что сказала Зоя перед смертью врагам и жителям деревни? Далее школьникам предлагалось повторить содержание прочитанного. В разделе «Как делать запись при чтении» объяснялись правила написания изложения и был дан образец: «Я прочитал “Повесть о Зое и Шуре”, содержание которой следующее: эта советская книга рассказывает о жизни двух советских героев. У них есть много полезных качеств характера: например, Зоя любит труд с детства, все время заботится о других, серьезно относится к работе и учебе, не боится поражений, строго спрашивает с себя и с товарищей. Зоя любила жизнь и посвятила свою жизнь родине... Зоя и Шура — хорошие примеры, которые придают мне смелости, помогают мне победить недостатки...» [11, ч. 4, урок 12].

В другом учебнике школьникам предлагалось прочитать текст выступления матери Зои на Всемирном конгрессе защитников мира в Париже⁴. Из этого выступления китайские школьники могли узнать многое о семье Зои и увлечениях, а также ее слова перед уходом на войну: «Мама, я поеду на фронт, участвовать в партизанском отряде. Ты знаешь, что фашисты угрожают Москве. Я больше не могу смотреть на это со стороны. Я горжусь тем, что сражаюсь с фашистами. Ты тоже гордись тем, что твоя дочь идет на фронт. Не со слезами провожай меня. Я стану героем, вернусь и увижусь с тобой, или умру как героиня. Но, мама, ты не печалься...» [13]. Мать Зои посещала город Далянь, где с ней встречались китайские школьники.

Китайские учебники также рассказывали про молодых героев Краснодона, о которых А. Фадеев написал роман «Молодая гвардия», и про популярного героя Гражданской войны В. И. Чапаева. Эти рассказы сопровождались картинками (например, Чапаев на лихом коне с шашкой наголо) [14].

Советский роман «Как закалялась сталь» был широко известен в то время в Китае и оказал большое влияние на несколько поколений китайцев. В одном из китайских учебников рассказывается, как герой этого романа Павел Корчагин вдохновил китайского инвалида войны Ли Циншаня на активную жизнь и пробудил стремление стать полезным человеком для общества.

Во время Корейской войны он был ранен и лишился зрения. В больнице друзья читали ему о Николае Островском и его роман «Как закалялась сталь». После чего Ли Циншань сказал: «Правильно. Я не должен падать духом. Я — коммунист и могу ещё быть полезным народу, как Островский». Он много учился и стал партийным секретарем фабрики. Рабочие любили Ли Циншаня и говорили: «Наш секретарь, хотя и без глаз, но видит лучше всех нас» [15, ч. 3, урок 15].

⁴ Первый Всемирный конгресс сторонников мира проходил 20–25 апреля 1949 г. одновременно в Париже и в Праге ввиду отказа французского правительства разрешить въезд на территорию Франции значительному числу делегатов. Участвовало более 2 тыс. делегатов из 72 стран.

6. Рассказы о видных деятелях китайской культуры и их любви к СССР

Рассказ «История о книге» повествует о том, как писатель Лу Синь распространял произведения советской литературы: «Разгром» А. Фадеева и «Железный поток» А. Серафимовича. Школьникам объясняли, что в период господства гоминьдана советские литературные произведения запрещались, издательства не могли их публиковать, а книжные магазины — продавать. Лу Синь перевел на китайский язык «Разгром» и потратил свои деньги, чтобы напечатать его и «Железный поток», который переводил известный переводчик советской литературы Цао Цзинхуа — друг Лу Синя. Поскольку книжные магазины боялись брать эти книги, Лу Синь выставил их на продажу в магазине своего знакомого японца, воспользовавшись тем, что власти не могли вмешиваться в иностранную торговлю. Однажды в тот книжный магазин зашел молодой человек, который очень хотел купить эти книги, но у него не хватило денег. Лу Синь сказал ему: «Вы можете заплатить всего лишь 1 юань за “Железный поток” в переводе моего друга, чтобы окупить себестоимость. А “Разгром” в моем переводе я дарю вам». Молодой человек был очень взволнован и поклонился Лу Синю [11].

В другом учебнике была помещена статья Лу Синя «Нас больше не обмануть», которую он написал в 1932 г., выразив свой гнев и возмущение по поводу нападок гоминьдановских властей на Советский Союз: «Нас слишком долго обманывали империализм и его приспешники. После Октябрьской революции они все время клеветуют на СССР, говорят, как беден СССР, как зол СССР, как разрушена культура в СССР. А сейчас факты разгромили их ложь....». Отвечая тем, кто утверждал, что в СССР не хватает товаров и люди стоят в очередях, Лу Синь иронизировал: «В капиталистических странах тоже существует очень длинная очередь — очередь безработных, а в Китае внутренняя война, агрессия иностранных государств и стихийные бедствия приносят жителям несчастья, и они стоят в длинной очереди — на смерть» [10, ч. 1, урок 7].

В учебниках 50-х годов Лу Синь представлен как защитник СССР, симпатизирующий советскому строю. Создание такого образа Лу Синя было целью составителей китайских учебников того времени.

7. Сравнение СССР с капиталистическими странами и с царской эпохой

В этом отношении показателен короткий текст «Труд», помещенный в учебнике русского языка, использовавшемся в техникумах, в котором Советский Союз сравнивался с капиталистическими странами, и китайским учащимся внушалось, что в мире есть лишь одна совершенная страна — СССР:

«Труд

В капиталистических странах трудящиеся не имеют права на труд. Там не было, нет и не будет возможности уничтожить безработицу. Жизнь трудящихся очень тяжела. В Советском Союзе нет и не будет безработицы. Все могут свободно жить и работать. Весь народ с большим энтузиазмом строит коммунизм. Партия очень заботится о жизни народа» [16, урок 38].

В целях сравнения жизни в СССР с жизнью стран капитализма активно использовались высказывания зарубежных коммунистов и тех, кто сочувствовал Советскому Союзу. В 1949 г. популярный американский певец Поль Робсон участвовал в работе

Первого всемирного конгресса сторонников мира в Праге, а затем посетил СССР, после чего Государственный департамент США аннулировал его заграничный паспорт, а комиссия по антиамериканской деятельности неоднократно вызывала его на допросы. Покидая СССР, он написал для «Пионерской Правды» статью «По ту сторону Тихого океана», рассчитанную на юных читателей. 16 мая 1950 г. она была перепечатана одной из центральных газет КНР — «Гуанмин жибао». Этот текст был использован в китайских учебниках под иным названием: «Я в США» («我在美国»):

«Я иду по улице в Москве, везде мне протягивают руки мои друзья и друзья моего народа. Я скоро вернусь на родину, в США. Когда я вернусь на родину, я побываю в каждом штате, расскажу о советском обществе бесчисленному количеству людей. Я был, есть, и буду преданным другом советского народа. Я буду рассказывать американским людям, как я поцеловал камень Сталинграда, как будто икону. Я буду рассказывать американским людям, что советский народ навсегда является другом Америки Франклина Рузвельта.

В Москве я чувствую себя очень хорошо. В мире нет земли, где могут дышать так свободно, как советские люди. Только в СССР вы можете понимать «достоинство и права человека». А в США «достоинство и права человека» всего лишь пустой звук» [10, ч. 1, урок 6].

Такой текст, по мнению составителей, должен был создать у учащихся негативный образ США и противопоставленный ему идеальный образ СССР.

Составители учебников превозносили советское общество не только путем сравнения СССР с капиталистическими странами, но и путем сравнения современной жизни советских людей с жизнью в царское время.

8. Ознакомление учащихся с литературными произведениями русских и советских писателей

В 1950-х годах в китайские школьные учебники было включено много произведений русской классики, например «Сказка о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина, «Пруд и река» И. А. Крылова, «Ванька» А. П. Чехова.

Учащиеся могли прочесть там и такие произведения советской литературы, как «Буревестник» М. Горького, фрагмент романа «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Знамя полка» (из сборника очерков Б. Полевого «Мы — советские люди») [17], рассказы украинского писателя О. Гончара, который в апреле 1950 г. посетил Китай [4].

Знакомство с русской и советской классикой давало возможность китайским школьникам с раннего детства знакомиться с культурными достижениями братского народа, укрепляло позитивный образ СССР, который активно формировался по всем указанным выше направлениям.

В тех условиях учебники играли важнейшую роль в пропаганде в Китае достижений СССР и в создании положительного образа великого союзника. Многие китайцы, которые были школьниками в 1950-х годах, до сих пор помнят рассказы о Советском Союзе, связывают с ними теплые воспоминания и добрые чувства. Положительный образ СССР сохраняется в сознании этого поколения и сегодня.

Литература

1. Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. К 60-летию КНР. М.: ФОРУМ, 2009.

2. Письмо Мао Цзэдуна И. В. Сталину с просьбой направить советских преподавателей в университеты Пекина и Нанкина [30 марта 1950 г.] // Китайская Народная Республика в 1950-е

годы. Сборник документов: в 2 т. / под ред. В. С. Мясникова. Т. 2: Друг и союзник нового Китая / сост. Е. Р. Курапова, В. С. Мясников, А. А. Чернобаев. М.: Памятники исторической мысли, 2010.

3. 《六十年，语文课改革与国家变迁》. URL: <http://book.ifeng.com/special/yuwenshu60/>

4. 《高级中学语文课本》，第2册，第2课。原编者、出版者：人民教育出版社，1952年9月原版，北京。修订者：中南人民出版社，1953年7月修订版，汉口。（Язык и литература: учебник для средней школы высшей ступени. Пекин: Издательство «Жэньминь цзяоюй чубаньшэ», 1952. Испр. и доп. изд.: Ханькоу: Издательство Чжуннань жэньминь чубаньшэ, 1953).

5. 上海市业余教育局编：《语文》职工工业余中等学校课本，第1册，第26课。上海：上海教育出版社，1960年。第1版。（Шанхайское бюро по вечернему образованию: Язык и литература: учебник для профессиональных средних школ. Шанхай: Издательство Шанхай цзяоюй чубаньшэ, 1960).

6. 《语文》，初级中学课本，第5册，第11课，北京：人民教育出版社编辑出版，1960年第1版。（Язык и литература: учебник для средней школы начальной ступени. Пекин: Издательство Жэньминь цзяоюй чубаньшэ, 1960).

7. 吉林师范大学共同俄语教研室编：《俄语教科书》(上册)，第14课，长春，1959 年。（Кафедра русского языка Гиринского педагогического университета: учебник русского языка. Чанчунь, 1959).

8. 上海临时课本编审委员会编：《语文》第7册，第33课，上海：上海联合出版社，1949年7月。（Шанхайский временный комитет по подготовке учебников: Язык и литература. Шанхай: Издательство Шанхай лянхэ чубаньшэ, 1949).

9. 《语文》，高级小学课本，第3册，第5课，北京：人民教育出版社编辑出版，1958年第1版。（Язык и литература: учебник для начальной школы высшей ступени. Пекин: Издательство Жэньминь цзяоюй чубаньшэ, 1958).

10. 《语文课本》，高级中学使用，第1册，第4课，北京：人民教育出版社，1952年。（Язык и литература: учебник для средней школы высшей ступени. Пекин: Издательство Жэньминь цзяоюй чубаньшэ, 1952).

11. 《语文》，高级小学课本，第4册，第11课，北京：人民教育出版社编辑出版，1958年第1版。（Язык и литература: учебник для начальной школы высшей ступени. Пекин: Издательство Жэньминь цзяоюй чубаньшэ, 1958).

12. 《语文》，高级小学课本，第2册，第17课，北京：人民教育出版社编辑出版，1957年第1版。（Язык и литература: учебник для начальной школы высшей ступени. Пекин: Издательство Жэньминь цзяоюй чубаньшэ, 1957).

13. 科斯莫捷米杨斯卡娅：《在巴黎和平大会上的演说》。登载于《语文》初级中学课本，第1册，北京：人民教育出版社编辑出版，1958年第1版。（Любовь Космодемьянская. Выступление на Всемирном конгрессе сторонников мира в Париже // (Язык и литература: учебник для средней школы начальной ступени. Ч. 1. Пекин: Издательство Жэньминь цзяоюй чубаньшэ, 1958).

14. 《俄语》，初级中学课本，北京：人民教育出版社出版，1964年第1版。河南人民出版社1965年重印。（Русский язык: учебник для средней школы начальной ступени. Пекин: Издательство Жэньминь цзяоюй чубаньшэ, 1964).

15. 《俄语》，初级中学课本，第3册，第15课，北京：人民教育出版社编写出版，1963年。（Русский язык: учебник для средней школы начальной ступени. Ч. 3, урок 15. Пекин: Издательство Жэньминь цзяоюй чубаньшэ, 1964).

16. 第一机械工业部教育局编：中等专业学校俄语教科书。第38课，1959年8月。（Отдел образования Первого министерства машиностроения: учебник русского языка для техникума. 1959).

17. 《语文》，高级中学课本，第2册，第18课，北京：人民教育出版社编辑出版，1958年第1版（Язык и литература: учебник для средней школы высшей ступени. Пекин: Издательство Жэньминь цзяоюй чубаньшэ, 1958).

Статья поступила в редакцию 18 июня 2012 г.

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 94

М. Ю. Илюшина

ТРАКТАТ АЛЬ-БАКЛАМИШИ ОБ ИСКУССТВЕ СРЕЛЬБЫ ИЗ ЛУКА

Тайбуга аль-‘Ашрафи аль-Бакламиши аль-Йунани (ум. в 1394 г.) — один из самых известных авторов сочинений по военной подготовке мамлюков. Ему принадлежат «Книга достаточная для стремящихся к познанию стрельбы из лука» («كتاب غنية الطلاب في معرفة رمي النشاب»), исследование и перевод которой по списку из Британского музея опубликовали в 1970 г. Дж.Д.Латам и В.Ф.Патерсон [1]¹, «Книга о войне, верховой езде и военных нравах» («كتاب في الجهاد والفروسية والفنون الأداب الحربية») — единственная рукопись этого трактата по данным К.Брокельмана хранится в Каире — и «Желанная цель и предел стремлений к сущности в науке стрельбы из лука» («بغنة المرامي وغاية المرام للمعاني في علم الرمي») [2, S. 135–136]. Сравнение текстов перевода «Книги достаточной...», выполненного Дж.Д.Латамом и В.Ф.Патерсоном (к сожалению арабский текст британской рукописи не вошел в упомянутую публикацию), и списка «Желанной цели...» из Национальной библиотеки Королевства Марокко в Рабате [3, л. 60а-92б] позволяет предположить, что эти две работы представляют собой редакцию, возможно, авторскую, одного и того же сочинения. Об этом свидетельствует композиция произведений, наличие одинаковых глав и частичное совпадение текстов.

Марокканский список «Желанной цели...» входит в рукописный сборник, который содержит несколько трактатов о военном искусстве. Первый из них занимает листы с 1а по 13б и называется «[Книга] ясная в науке о стрелах и стрельбе из лука» («الواضح في علم الرمي والنشاب»). Ее автор — ‘Абд-ар-Рахман б. ‘Ахмад ат-Табари (ум. в 1295 г.). Второй приписывается Бабеку б. Ардаширу аль-Фариси. В рукописи (листы с 15а по 21б) он представлен в передаче имама Тахира аль-Балхи и озаглавлен «Книга о науке стрельбы из лука...» («كتاب في علم الرمي وصفاته ومقاديره ومماراته»). Далее (листы 22а–33б и 34а–59а) следуют сочинение ‘Абу ‘Абдаллаха Мухаммада б. Йусуфа аль-‘Ахбари аш-Шафи‘и «Разъяснение о науке стрельбы из лука и первенстве» («الإيضاح في علم الرمي») и анонимный трактат «Книга о науке стрельбы из лука, преимуществе лука, тетивы и стрел...» («كتاب في علم الرمي وفي فضل القوس والوتر والنشاب ومعرفة»). («أصول ذلك وسقاية السلاح المهلكة للأعداء على نية الجهاد في سبيل الله»).

¹ Во введении к своей работе авторы подчеркивают, что основное внимание они сосредоточили на техническом аспекте мамлюкской науки стрельбы из лука [1, р. XXXII].

© М. Ю. Илюшина, 2012

«Желанная цель...» — последний трактат сборника (листы с 60а по 92б). На каждой странице (размером 27 × 18 см, материал — бумага) располагается 30 строк текста. Почерк — убористый, быстрый *наسخ*. Работа над списком была закончена в пятницу в 22-й день месяца ша'бана 853 г.х., что соответствует 10 октября 1449 г. Переписчик — Мухаммад б. аль-Хайри аш-Шафи'и. Выше приведена пагинация, данная в каталоге. Если следовать нумерации страниц в самой рукописи, то начало трактата приходится на 115-ю, а конец — на 181-ю страницу.

Название сочинения и имя автора размещено на отдельной, первой странице трактата:

كتاب
بغية المرامي و غاية المرام للمعاني في علم الرمي
تأليف الامام العالم سيف الدين
طبيغا الاشر في البكلمشي
اليوناني تعمده الله تعالى
برحمته و غفر له
ولجميع المسلمين
اجمعين
بلطفه وجوده
ومنه وكرمه
امين

Книга 'Желанная цель и предел стремлений к сущности в науке стрельбы из лука'. Сочинение имама ученого Сайф-ад-Дина Тайбуги аль-'Ашрафи аль-Бакламиши аль-Йунани, да направит на него Всевышний Бог Свое милосердие, да простит Он его и всех-всех мусульман в благодати Своей, щедрости, милости и великодушии. Аминь [3, с. 115].

Затем следуют традиционная *басмала* и вводная часть. В ней автор поместил аяты Корана и хадисы, в которых упоминается верховая езда, военное мастерство, но главным образом — искусство стрельбы из лука. Далее аль-Бакламиши сообщает, что написал *касиду*, ставшую пособием для всех, кто стремится постичь это искусство, и сопроводил ее комментариями и разъяснениями [3, с. 119].

В первую часть помещен текст поэмы. Она тоже начинается с восхваления Всевышнего и превознесения достоинств меткой стрельбы. Упомянуто название *касиды*. Оно совпадает с заглавием всего сочинения:

وسميتها بغية المرامي * و غاية المرام للمعاني

И назвал я ее «Желанная цель
и предел стремлений к сущности» [3, с. 120].

Следующие *бейты* посвящены султану Ша'бану (1363–1376), который оказывал покровительство аль-Бакламиши. Далее изложена техника стрельбы из лука и даны последние указания для учеников:

* فاحفظ الاصول بالاتفان	* لانها صحت بالامتحان
* واصبر على الادمان يا حكيم	* فكل صعب هان بالادمان
* واحرص على الوفا والتحرير	* من قبل قصد الصيب والرهان
* اياك ترك الرمي في ابتدائه	* من خجل التقصير والنقصان
* وكل من يترك حين يخطي	* عن درجات الفضل ذاك واني
* وتعب التعليم اسهل يا فتى	* من شقوة الجهل مدي الزمان

والامر يصعب ثم يرجع هينا * لذا جسور ليس بالجبان
 فاخترى وسل اهل الفنون دايما * وذل ذو الجهل للكسلان

Запомни тщательно основы,
 Их верность испытанье доказало.
 Терпи и непрестанно упражняйся, о мудрец,
 Все трудности прогонит постоянство.
 Прежде, старайся лук натягивать и целиться,
 Чем меткости достичь и получить награду,
 Смотри, не оставляй стрельбы в начале [обученья],
 Стыдясь того, что сделал упущенье, иль не достало [сил].
 А всякий, кто, совершив ошибку, откажется
 [Подняться] по ступеням превосходства, тот слабак.
 Усталость в обучении легче, мальчик,
 Чем бедствие невежества на протяжении времен.
 Да, дело трудно, но потом легко
 Тому, кто смел — не малодушен.
 Пробуй, спрашивай у мастеров всегда,
 Незнающих оставь ленивцу [3, с.122–123].

Вторая часть сочинения содержит комментарий к тем бейтам поэмы, «которые нуждаются в пояснении» [3, с. 123]. Здесь речь идет о том, как изготавливают лук и стрелы, какими характеристиками (вес, длина и т. д.) они должны обладать, о приемах стрельбы, о том, что составляет основу этого искусства, о том, как следует держать лук, каким образом захватывать пальцами стрелу, натягивать тетиву, целиться, стрелять, даны специальные инструкции для всадников, рассказано об ошибках, которые допускают при стрельбе и о том, как их избежать, о том, как использовать арбалет, об особенностях стрельбы со стен крепости, о скачках [3, с. 123–151, 176]. Отдельная глава посвящена воспитанию в учениках терпения, упорства, прилежания — тех качеств, которые необходимы для того, чтобы добиться хорошего результата в стрельбе. Аль-Бакламиши особенно подчеркивает необходимость подчинения учителю, «иначе, — пишет он, — пропадешь, собьешься с пути... Наставник — основа всякой науки» [3, с. 152]. Не перечить и не возражать, не зазнаваться и не презирать товарищей, молчать, быть послушным, смиренным, безупречным в поведении и манерах, полностью преданным своему делу — вот обязанности каждого, кто познает искусство стрельбы из лука, будь он в начале этого пути или в конце [3, с. 152].

Особое внимание уделяется качествам, которыми должен обладать наставник. Первое из них — проницательность. Учитель должен, оценив телосложение, понять способности воспитанника, затем узнать, умен он или неразвит, восприимчив или противится обучению, предан ли истинной вере. Если ученик удовлетворяет всем требованиям, с него берут обязательство не стрелять ни в мусульманина, ни в того, с кем заключен договор², ни в собаку, ни в других четвероногих, если только они не цель на охоте и не те, кого нужно уничтожить, но и тогда не должно чинить обид и несправедливости.

Наставнику надлежит прилагать все силы, все свое усердие, чтобы передать знания воспитанникам. Он тренирует учеников, способствует дружбе между ними, побуждает к работе, ни одного не порицает в присутствии других и уделяет равное внимание

² То есть того, кто не принял ислам, но живет на территории мусульман на основе договора, уплачивая подушную подать.

каждому. Наставник должен обладать «силой слона, стремительностью льва, бесстыдством тигра и лисы, быть снисходительным и терпеливым к товарищам, спутником своим сделать меч, другом — копье, крепостью — меч, а нож — правой рукой... Основа же всего и залог благополучия — благочестие» [3, с. 154–155].

Воспитанию мужества посвящена последняя глава «Желанной цели...» — «О силе и отваге» («فصل في ذكر القوة والشجاعة»). Она начинается словами Корана (суры «Победа» и «Женщины») и их толкованием, соответствующим целям трактата: «Всевышний Бог сказал о верующих: "...яроостны против неверных, милостивы между собой"³. И сказал Всевышний: "Не ослабевайте в преследовании этих людей"⁴, то есть не проявляйте слабость, будьте неутомимы и не унывайте — вы превзойдете всех, если вы верующие» [3, с. 176]. Затем аль-Бакламиши переходит к преданию и вспоминает *хадисы о храбрости*, начиная с того, который содержится в двух самых авторитетных сборниках, составленных в IX в. аль-Бухари и Муслимом: «Сильный верующий лучше и любезнее Всевышнему Богу, чем верующий слабый, но в каждом — благо. Стремись к тому, что принесет тебе пользу, проси помощи у Бога и не будь слабым». Автор трактата обращает внимание своего читателя на то, что Пророк Мухаммад всегда говорил: «Боже упаси от трусости и лени!», и приводит различные высказывания о мужестве, в том числе слова знаменитого полководца Халида ибн Валида (ум. в 642 г.), отрывки из *касыд* арабских поэтов и стихи, которые приписываются халифу 'Али (656–661) [3, с. 176–180].

Обучение стрельбе из лука составляло неотъемлемую часть военной подготовки мамлюка, включавшей в себя также искусство верховой езды, владение копьем, фехтование и борьбу [4, с. 276]. Воспитание юного воина начиналось в *тибаке*. Это слово в хрониках мамлюкского периода использовалось для обозначения расположенных в каирской цитадели казарм и специальных школ для мамлюков.

Распределение по казармам происходило следующим образом: торговец, доставивший молодого раба, предъявлял свой товар самому султану. Нового мамлюка осматривали, и если он был здоров, передавали евнуху. Обычно мальчик — при Калауне (1280–1290) и калаунидах ко двору султана доставляли только совсем юных рабов — попадал в ту казарму, где содержались его соплеменники (في طبقة جنسه).

Обучение в *тибаке* начиналось с чтения Корана, для каждого отряда назначался факих. Ежедневно он преподавал мамлюкам письмо, основы шариата, руководил практическим освоением правил молитвы. К военным занятиям мальчики приступали по достижении совершеннолетия, при этом никто кроме наставника к общению с ними не допускался. Среди окончивших обучение были те, кто достигал высокого уровня знания фикха, мог слыть хорошим литератором или искусным счетоводом. Нередко султан лично контролировал уровень знаний воспитанников или внезапно являлся в *тибак* с проверкой.

Мамлюки не имели права покидать *тибак*, и лишь в правление султана аль-'Ашрафа Халиля им было разрешено выходить за пределы цитадели (только в течение дня). Командиры-евнухи бдительно следили за чистотой нравов воспитанников. Винозные в нарушении дисциплины строго наказывались [5, S. 65–66].

Подготовка мамлюкских воинов особенно интенсивно велась при Бейбарсе (1260–1277). В дальнейшем упражнения на *майдане* и воспитание воинов постепенно отхо-

³ Коран [48:29]. Перевод И. Ю. Крачковского.

⁴ Коран [4:105]. Перевод Г. С. Саблукова.

дили на второй план. В 1332/1333 г. султан ан-Насир Мухаммад, возможно, опасаясь возросшего военного потенциала своих эмиров, приказал уничтожить стрельбища, устроенные ими в окрестностях Каира, закрыть лавки, торгующие луками, и остановить производство стрел. При бурджитах, что отмечают все арабские историографы, положение в *тибаках* заметно изменилось в худшую сторону [1, р. XXXIV].

Аль-Макризи отмечает вопиющие случаи беспорядка, имевшие место уже в конце XIV в. В 1388 г., двадцать первого июня (в «Ас-Сулук» назван точный день: пятнадцатое число месяца джумада аль-ахира) аль-Малик аз-Захир Баркук (1382–1389) вызвал евнуха Бахадура — начальника султанских мамлюков. Бахадура не оказалось в крепости, его нашли в каком-то доме на берегу Нила пьяным и в таком виде доставили во дворец. Султан был вне себя от гнева, отослал Бахадура в Сафад, понизив до командира десятка [210. ص. 5. ج. 1997. المقریزی]. Баркук лично разбирал дела мамлюков, находившихся в *тибаке* каирской цитадели. Аль-Макризи сообщает о следующем происшествии: 4 ноября 1398 г. один из этих мамлюков продиктовал факиху *тибака* имена нескольких командиров, якобы замышлявших смуту. Султан вызвал упомянутых в записке лиц и сообщил им, в чем их обвиняют. Тогда мамлюки попросили сказать им, кто выдвинул обвинение. Доносчика привели и передали мамлюкам. После того как они ударили его «около тысячи раз» (فضربوه نحو الألف), несчастный сознался, что возвел напраслину из ненависти к одному из присутствовавших. В результате разбирательства был наказан и автор доноса, и факих, писавший под его диктовку [6, s. 431].

При сыне Баркука, султани Фарадже (1399–1405), значительно сократились расходы на содержание мамлюков (настолько, что многие должны были исключить из своего рациона мясо). Ко двору султана доставляли взрослых рабов, бывших у себя на родине моряками, кочегарами или даже водоносами. Фарадж считал, что обучение у факиха только портит их, и не интересовался воспитанием будущих воинов. В результате, как пишет хронист, мамлюки султана стали самыми низкими и порочными из людей, слабыми, невежественными и скупыми душой [5, s. 67].

В 1428 г., в правление султана аль-Ашрафа Барсбая (1422–1438), мамлюки, проживавшие в казармах каирской цитадели, разграбили дома нескольких эмиров, по дороге нападали на мусульман, забирая у них все, что возможно, и только у резиденции везиря их удалось остановить и уговорить вернуться в *тибак*. Причиной разбоя стала задержка жалованья на два месяца: мамлюки доложили об этом султану, и он велел им разорить дома тех, кто отвечал за ежемесячные выплаты содержания. День, как отмечает в своей хронике ‘Али б. Давуд аль-Джаухари ас-Сайрафи, был чудовищным и отвратительным. Похожий случай произошел в мае 1429 г.: мамлюки из *тибака* каирской цитадели разграбили дом везиря из-за того, что им на день или два прекратили выдачу мяса [7, s. 279, 188, 157, 147].

Определенные усилия для того, чтобы остановить медленный, но уже отчетливо видный процесс деградации военной подготовки мамлюков, прилагал один из последних бахритских правителей, аль-Ашраф Ша‘бан (1363–1376). Именно он поощрял творчество Тайбуги аль-Бакламиши, и ему был посвящен трактат «Желанная цель...». Довольно длительное (тринадцатилетнее) правление аль-Ашрафа Ша‘бана в целом можно охарактеризовать как наиболее заметную попытку восстановить стабильность в стране и укрепить могущество султана на фоне смуты, чехарды потомков ан-Насира Мухаммада и падения авторитета бахритской группировки мамлюков. В том же на правлении действовал и предпоследний бурджитский правитель Египта, Кансух аль-

Гури (1501–1516). В 1503 г. он пожелал возродить старинное искусство копейного боя, которое пришло в упадок еще при ан-Насире Хушкадаме (1461–1467) и было почти забыто к концу XV в. Один из эмиров стал му'аллимом, еще четверо — его помощниками, вскоре начались тренировки на ипподроме [8, s. 59–60].

Как отмечают современные российские ученые, исследующие проблему знания о прошлом и культурной идентичности, «историческая память всегда мобилизуется и актуализируется в сложные периоды жизни нации, общества или какой-либо социальной группы, когда перед ними встают новые трудные задачи или создается реальная угроза самому их существованию» [9, с. 7].

По-видимому, попытки аль-Ашрафа Ша'бана и Кансуха аль-Гури, пусть и тщетные, восстановить лучшие традиции воспитания будущих воинов, были связаны не только и, может быть, не столько со стремлением повысить уровень технической подготовки мамлюков. Едва ли создание литературных произведений на фоне неуклонного укрепления сообщества бурджитов и копейные состязания в ожидании надвигающегося османского войска, оснащенного огнестрельным оружием, можно рассматривать как серьезные шаги, направленные на изменение объективных характеристик армии. Скорее, оба султана, ставшие во главе государства в условиях политического и экономического кризиса, когда власть бахритов в первом случае и бурджитов во втором находилась под угрозой, стремились возродить то, что объединяло мамлюков, позволяло им чувствовать себя отличными от других, осознавать свою избранность, исключительность, то, чем они могли и должны были гордиться, а значит и побеждать.

Сочинения аль-Бакламиши, имевшие вполне конкретное практическое назначение, сыграли свою роль и в формировании и поддержании мамлюкской «коллективной идентичности», и в трансляции важных для них этических ценностей. В известной мере эти трактаты были частью того фундамента, на котором мамлюки после кризиса и поражения выстраивали новую цитадель своей власти. Они же стали ярким и значимым элементом сокровищницы многогранной культуры мамлюков.

Литература

1. Latham J. D., Paterson W. F. Saracen archery: an English version and exposition of a Mameluke work on archery (ca. A. D. 1368). London: The Holland Press, [1970]. xl, 219 p.
2. Brockelmann C. Geschichte der Arabischen Litteratur. 2. Bd. Berlin, 1902.
3. Bugjat al-marami wa gajat al-maram l-l-ma'ani fi 'ilm al-rami. Al-Hizanat al-'Amm. Raqm al-Mahtut: 1867/5.
4. Хотко С. Х. Генезис черкесских элит в султанате Мамлюков и Османской империи. Майкоп: Меоты, 1999. 280 с.
5. Al-Maqrizi, Taqi al-Din 'Ahmad b. 'Ali. Al-Mawa'iz wa-l-'i'tibar bi-l-zikri al-hitat wa-l-'athar al-ma'ruf bi-l-Hitat al-Maqrizi. Al-Qahira: Maktabat Madbuli, 1998. 3 'ajza'. Al-Juz al-thalith. 832 s.
6. Al-Maqrizi, Taqi al-Din 'Ahmad b. 'Ali. Kitab as-suluk li marifat duwal al-muluk. Beirut: Dar al-kutub al-'ilmiya, 1997. 8 ajza'. Al-Juz al-hamis. 464 s.
7. Al-Sairafi, 'Ali b. Dawud al-Jawhari. Nuzhat al-nufus wa-l-abdan fi tawarikh ahl az-zaman. Al-Juz al-thalith. Jumhuriya Misr al-'Arabiya: Matba'at dar al-Kutub, 1973. 567 p.
8. Ibn Iyas, Muhammad b. 'Ahmad al-Hanafi. Bada'i' al-Zuhur fi Waqa' i' al-Duhur. Istanbul: Matba'at al-Dawla, 1931. Al-Juz ar-rabi'. 502 s.
9. Репина Л. П. Память и знание о прошлом в структуре идентичности // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 21. Специальный выпуск: Исторические мифы и этнонациональная идентичность. М.: Издательство ЛКИ, 2007. С. 5–21.

Статья поступила в редакцию 18 июня 2012 г.

В. С. Фирсова

ИНДИЙЦЫ В ЯПОНИИ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

В последнее время появляется все больше статей и трудов, касающихся проблемы миграции в Японию и образованию в Японии иностранных диаспор. По понятным причинам большинство работ японских и иностранных исследователей рассматривают наиболее многочисленные иностранные общины в Японии: корейскую, китайскую общины, а также мигрантов «никкэйдзин», потомков японских эмигрантов в США и Южную Америку. На этом фоне миграция из Индии в Японию остается малоизученным явлением, несмотря на то что этот процесс начался более ста лет назад и в течение всего этого времени был важным социальным, экономическим и политическим фактором как для Японии, так и для самой Индии.

Япония и Индия имеют давнюю историю культурных и экономических связей. Первые достоверные данные об индийцах в Японии относятся к VIII в. н.э. Согласно исторически подтвержденному факту, первым индийцем, прибывшим в Японию, был буддийский священник Бодхисэна, который выполнил церемонию «открытия глаз Будды», т.е. освящения статуи Великого Будды в храме Тодайдзи в Наре, в 752 году н.э. В ряде легенд японского фольклора и буддийских легенд сэцува главными персонажами выступают буддийские святые из Индии. Однако сведений о какой-либо многочисленной миграции индийцев в Японию мы не имеем, в отличие, от корейцев и китайцев, которые переправлялись в Японию целыми общинами, основывая поселения. Географически удаленное положение двух стран препятствовало их прямому контакту, и индийская культура и немногочисленные индийцы проникали на японские острова через Китай и Корею.

Первые сведения о достаточно массовой миграции индийцев в Японию относятся к 1872–1873 гг. К сожалению, данных о количественном присутствии индийцев в Японии этого времени нет. В регулярной статистике индийцы начинают фигурировать лишь с 1901 г. [1, р. 5]. До этого времени они, вероятно, учитывались как англичане, поскольку Индия была Британской колонией. Тем не менее в различных документах того времени можно найти сведения о приехавших в Японию индийских предпринимателях, которые не только открывали здесь свое дело, но и приобретали участки земли и другую недвижимость, что указывало на их желание осесть в Японии.

Как правило, в Японии индийцы занимались экспортом японского шелка. Операции по закупкам были сосредоточены в нескольких портовых городах, где собиралось большинство иностранных торговцев. Судя по коммерческим справочникам того времени, несколько индийских фирм открыли свои филиалы в Иокогаме и Кобэ. Торговая сеть стремительно расширилась в первые двадцать лет XX в. Общее число индийских фирм к 1918 г. в Иокогаме достигло уже шестидесяти. В это число вошло, правда, и несколько синдхских фирм (хозяевами которых были предприниматели-синдхи, так называемые *sindworkis*, выходцы из провинции Синд, которая в настоящее время является территорией Пакистана), которые помимо японского шелка экспортировали также

японский антиквариат. Из различных справочников имен и названий торговых фирм мы можем узнать имена индийцев — владельцев фирм, подавляющее большинство которых были синдхами и парсами. Так, достоверно известно, что первым получил японское гражданство некий Кумадава Инпурэсу (вероятно, это деловой псевдоним). Он приехал в Японию еще до начала Японо-китайской войны и первым проложил дорогу для индийских торговцев шелком, а также внес значительный вклад в начало японо-индийских торговых отношений. Известно, что в начале эпохи Сёва (ок. 30-х годов XX в.) он вышел на пенсию и спокойно доживал свою жизнь в районе Сэнан [2, р. 61].

В 1921 г. была основана Ассоциация индийских коммерсантов г. Иокогама (Yokohama Merchants Association). Причина именно такого выбора места для штаб-квартиры, вероятно, кроется в том, что Иокогама (за исключением 1920-х годов) была главным центром торговли шелком в Японии. Кобэ главным образом экспортировал тончайший шелк высокого качества, тогда как Иокогама специализировалась по более грубым его разновидностям (хабутаэ). Именно такой шелк в большей степени интересовал индийских купцов. Кроме того, индийцы предпочли именно Иокогаму, потому что конкуренция здесь была ниже, чем в Кобэ, где вся торговля была под контролем японских фирм [3, р. 146]. По различным причинам ни китайцы, ни американцы, проживающие в Иокогаме, не были активно вовлечены в шелковую торговлю, и за исключением самих японцев у индийцев практически не было конкурентов. Главным образом индийские купцы считали Иокогаму базой, с которой они в дальнейшем смогут проникнуть на весь японский рынок.

Иокогама также имела более выгодное расположение для закупок японских антикварных изделий, мода на которые распространилась по всему миру с 1854 г., когда японцы заключили торговые соглашения с США. Но особенно популярны ремесленные товары из Японии стали после проведения Всемирных выставок в Лондоне (1862) и Париже (1867). Купцы-синдхи сделали японские антикварные товары основным предметом своей торговли после шелка. Синдхские купцы сыграли немаловажную роль в распространении японских ремесленных и антикварных товаров по всему миру.

В то же время индийское присутствие в другом городе-порте Японии, Кобэ, также продолжало увеличиваться. Так, в 1891 г. индийская компания «Тата» открыла филиал в Кобэ. Торговый оборот между двумя странами стал значительно увеличиваться с 1893 г., когда японская почтовая компания совместно с «Тата» открыла морской рейс из Кобэ в Бомбей. Индийские предприниматели в Кобэ и Иокогаме старались строить свои предприятия неподалеку друг от друга, самоорганизовываясь таким образом в индийские торговые комплексы [4, с. 13].

Расцвет индийских фирм в Иокогаме продолжался до 1923 г., когда случилось Великое землетрясение Канто. 1 сентября 1923 г. всего за несколько минут Иокогама, которая находилась вблизи от эпицентра, была практически полностью разрушена. А начавшиеся повсюду пожары уничтожили все здания индийских фирм. Погибли 23 индийца из 170, находившихся тогда в Иокогаме [2, с. 64]. В память о своих погибших соотечественниках и в знак своего сострадания Японии в 1939 г. Индийское общество возвело в парке Ямасита г. Иокогама, на берегу моря, павильон Мидзуноми-дай, по своей архитектуре напоминающий индуистский храм. Павильон с мемориальной доской и сейчас находится на своем месте в парке Иокогама, напоминая о тех страшных событиях, олицетворяя дружбу между Индией и Японией.

После землетрясения многие индийцы покинули Иокогаму и обосновались в Кобэ. Многие из них рассматривали Кобэ как временное пристанище и не планировали оставаться здесь надолго. Тем не менее лишь треть индийцев вернулась впоследствии в Иокогаму (16 фирм из 50) [1, с. 8]. Индийцы из Иокогамы нашли приют в Кобэ у своих партнеров и родственников, и после стихийного бедствия индийское общество в Японии вступило в новую фазу. Если до землетрясения в Японии было два независимых друг от друга центра торговли, то после него центр индийской общины уже надолго переместился в Кобэ. Кроме того, землетрясение объединило и сблизило индийцев, тем самым сделав их общину сильнее. Если в 1925 г. в Японии было 120–130 индийских компаний, специализирующихся на торговле хлопком и шелком, то в 1937 их стало уже 163, в 1939 — 200, и эти фирмы составили серьезную конкуренцию местным компаниям, причем торговля уже не ограничивалась только шелком и антиквариатом [5, с. 27].

С увеличением общего числа индийцев в Японии увеличивается и процент тех индийцев, которые проживают здесь постоянно. После 1923 г. они начинают активно обустройства свое жилое пространство в Кобэ. Еще в 1904 г. был основан «Восточный клуб» («Oriental club», позже, в 1913 г., он был переименован в «Indian club», «Индийский клуб»), который ставил своей задачей объединить индийских предпринимателей в Японии. В 1930 г. была основана «Ассоциация торговцев шелком» («Silk Merchant Association»), которая объединяла в основном предпринимателей-синдхов. В 1930 г. было основано «Индийское социальное общество» («The Indian Social society»), а в 1937 — «Индийская торговая палата» («The Indian Chamber of Commerce»). Стоит отметить, что большинство этих организаций существуют и по сей день.

Увеличение численности индийцев стало также следствием Маньчжурского инцидента 1931 г., после которого в Китае началась антияпонская кампания, в результате чего произошло резкое сокращение китайского рынка для японских товаров. Тогда основным направлением для экспорта японского шелка стала Индия. Япония производила свой шелк на основе более дешевого американского сырья, и он уступал по качеству английскому шелку, но был лучше индийского. Таким образом, японский шелк уверенно вступил на индийский рынок. В 1932 г. на фоне падения стоимости валюты индийцы и японцы вели торговые переговоры и заключали спекуляционные сделки по взаимной договоренности [5, с. 32].

В Японии индийским фирмам в основном приходилось нанимать на службу японских работников, а штат индийских сотрудников обычно ограничивался одним работником и управляющим. Поэтому небольшая численность общины индийцев в Японии (вероятно, всего около 1000 чел. на конец 1930-х годов) не отражает истинного значения Индии в развитии торговой сети и ее вклада в мировой товарооборот. Тем не менее индийские предприниматели смогли установить тесные связи с японскими поставщиками и в течение многих последующих лет укрепить их.

В 1939 г., когда вспыхнула Вторая Мировая война, в Японии был введен запрет на торговлю с Англией, а значит, и с ее колонией — Индией. В 1941 г. прекратились регулярные морские рейсы между Индией и Японией. В декабре 1941 г. Япония оказалась в состоянии войны с Англией, Америкой и другими странами коалиции. Если в 1939 г. в Японии проживало 632 гражданина Индии, то в 1942 г. их осталось только 114 человек. В дальнейшем это число уменьшилось еще на 40 человек [4, с. 18].

Те индийцы, которые остались в Японии во время Второй Мировой войны, были, как правило, женаты на японках, или же являлись активными участниками движения

за освобождение Индии от английского владычества (среди них, например, А. М. Наир, Раш Бихари Бос и др.). В самом начале Второй Мировой войны индийцы воспринимались как граждане враждебной Японии страны, и на первых порах вместе с другими иностранцами из враждебных государств были изолированы в горной местности рядом с Кобэ — Футатаби-сан. Однако довольно скоро Япония стала считать Индию своим союзником в борьбе против Англии и активно поддерживать движение за независимость Индии. Индийцы довольно быстро были освобождены из места резервации. В Токио для координирования борьбы с англичанами был создан стратегический центр Лиги за независимость Индии (IIL). Здесь проводились важные совещания и конференции. Кроме того, 40 индийских кандидатов в офицеры проходили обучение в Токио. Можно сделать вывод о достаточно многочисленном индийском присутствии в Токио во время Второй Мировой войны. В то время как индийские коммерсанты в военное время вынуждены были покинуть Японию, индийские борцы за независимость, наоборот, находили здесь прибежище. Многие лидеры освободительного движения женились на японках и после обретения Индией независимости продолжали жить в Японии, укрепляя культурные и экономические связи двух стран.

После подписания Сан-Францисского мирного договора в 1951 г. часть уехавших во время войны индийских предпринимателей вернулись в Японию по специальному приглашению японского правительства, стремившегося возобновить торговлю с другими странами. Так начался второй этап миграции индийцев в Японию. В основном индийцы устремились в район Кансай, предпочитая жить в Кобэ, а дела вести в Осаке, где они открыли свои офисы. Так, в центре Осаки в районе Хонмати появились высотные офисные здания «Бхарат», «Мумбаи» и др., где большинство офисов занимали индийские бизнесмены. Причина увеличения фирм в Осака связана с многочисленными пожарами и разрушениями в послевоенном Кобэ, где восстановительные работы проводились очень медленно. В 1958 г. в районе Осака-Кобэ действовало 150 индийских фирм, в то время как в Иокогаме их было всего 20 [5, с. 32].

Стремительное увеличение индийских фирм было связано также с Корейской войной (1950–1953) и вызванным ею потребительским бумом в Японии. Кроме того, индийцы, находящиеся в Японии, развили обширную торговую сеть с индийскими предприятиями в других странах мира. В этом было их преимущество по сравнению с японцами, которые после войны еще только пытались наладить торговые контакты. В это же время в 50-е годы XX в. был восстановлен прямой морской рейс между Индией и Японией.

С 1953 г., параллельно с формированием индийского общества в Кобэ, началась миграция индийцев на Окинаву. Община постепенно увеличивалась, и в 2010 г. на Окинаве было зарегистрировано 237 индийцев [3]. Практически все индийцы, приехавшие на Окинаву, были по национальности синдхи и приезжали не напрямую из Индии, а через Гонконг. Главным фактором их привлечения на Окинаве стала американская военно-воздушная база «Футэмма» [2, с. 70]. Почти все индийцы открывали фирмы для удовлетворения нужд и потребностей базы. Индийская община на Окинаве практически не имела деловых отношений с индийцами из Кобэ или Токио и была долгое время довольно закрытой. К сожалению, в рамках одной статьи нет возможности остановиться на этом моменте поподробнее.

Примерно с 1970 г. еще одним новым направлением, по которому индийцы начали прибывать в Японию, стал жемчужный бизнес. С середины эпохи Мэйдзи, когда японцем Микимото Кокити была изобретена современная технология культивирова-

ния жемчуга, в Японии, в частности в Кобэ, начало активно развиваться жемчужное производство. В первые послевоенные годы жемчуг в большом количестве продавался как сувенир, который американские солдаты увозили с собой из Японии. Благодаря этому довольно быстро удалось возобновить его экспорт. Кобэ и сейчас является крупнейшим мировым центром по обработке и продаже жемчуга.

Индийцы в Кобэ и Токио, занимающиеся жемчужным бизнесом, как правило, являются по вероисповеданию джайнами, выходцами из штата Гуджарат. В настоящий момент в Кобэ проживают со своими семьями примерно 30 предпринимателей-джайнов, занятых в жемчужном бизнесе. Используя свои родственные связи, они продают жемчуг не только в Индию, но и во многие другие страны мира. При этом центр жемчужной торговли был также перенесен из Бомбея, где он был раньше, в Кобэ.

В Кобэ же были построены первые в Японии индуистский (находится в здании Индийского Социального Общества) и джайнский (основан в 1985 г.) храмы, а также первая сикхская гурудвара (основан в 1952 г.), деятельность которых сейчас поддерживают индийцы, родившиеся и выросшие в Японии. Священнослужителей в храмы, как правило, приглашают из Индии, собирая деньги на их приезд и проживание в Японии со всей общины. Еще раньше, в 1930 г., индийцы-мусульмане совместно с турецкими эмигрантами из России основали мечеть, которая также до сих пор функционирует, в данный момент с имамом — выходцем из Пакистана. Церемонии в храмах и особый этнический фон превратились в средства сохранения и даже возрождения их национальной самобытности.

Если посмотреть на карту расселения индийцев в начале 2000-х годов, то видно, что большинство из них проживало в Кобэ, в центральном округе. Однако с 2003 г. в районах, где традиционно селились индийцы, их число стало незначительно уменьшаться, в то время как в районах Какогава и Хигаси-нада-ку, где индийцы раньше практически не селились, их число значительно выросло. Это явление связано с появлением так называемых новых индийцев [1, с. 11].

В настоящее время индийцы в Японии делятся на две большие группы: «старых» и «новых» индийцев. Так называемые старые индийцы поселились в Японии до 90-х годов XX в., и почти все они так или иначе связаны с торговлей. «Новые» индийцы — в большинстве своем IT-инженеры, а также повара или управляющие индийских ресторанов — предпочитают селиться в пригородах Токио, но часть из них оседает и в других городах Японии, в частности в Кобэ.

С конца 90-х годов XX в. число выходцев из Южной Азии продолжает стремительно увеличиваться (в настоящий момент оно примерно в 6 раз выше того, что было в начале 90-х годов). На 2010 г. в Японии зарегистрировано 22 тыс. 497 индийцев [6]. С начала 90-х годов Кобэ уступает лидерство, и регионом с самым большим населением индийцев становится Токио с соседними с ним префектурами (ок. 15 тыс. человек), за ним следует район Осака-Кобэ (ок. 2,5 тыс. человек) [6]. Увеличение происходит в основном за счет въезжающих инженеров информационных технологий. В процентном соотношении их число значительно выше по сравнению с другими странами. Заинтересованность Японии в индийских специалистах в области информационных технологий проявляется в упрощении процедуры получения визы для их въезда в страну (соглашение, подписанное между Индией и Японией в 2001 г.). Японские руководители также отмечают, что индийские программисты имеют более высокую квалификацию по сравнению со своими китайскими и корейскими коллегами.

Интересно, что общение «новых» и «старых» индийцев крайне ограничено и происходит либо в религиозных учреждениях, либо во время фестивалей индийской культуры, которые по крайней мере раз в год проходят в крупных городах Японии. Представители «старой» диаспоры не стремятся сблизиться с «новыми» мигрантами из Индии и не допускают их в свой круг общения. Повара и рестораторы также занимают обособленное положение, но здесь можно предположить, что их невысокий социальный статус связан с происхождением из низших каст.

«Старая» индийская диаспора в Японии, сконцентрированная главным образом в Кобэ, представляет собой интереснейшее социальное явление. Каждая из общин строит свою локальную сеть, регулируемую через религиозное или общественное предприятие (синдхи являются членами организации «Индийское социальное общество», сикхи и джайны, как правило, состоят в «Индийском клубе»), и объединяющим фактором является скорее религия и каста, нежели страна происхождения. Чаще всего бизнес индийцев в Кобэ находится в тесной взаимосвязи с экономикой Кобэ и портом.

Также их община тесно связана с другими общинами в мире. Это особенно видно на примере получения образования и заключения браков среди членов индийской диаспоры. Дети мигрантов из Индии в большинстве случаев не ходят в японские государственные школы. Родители заинтересованы в том, чтобы ребенок получал образование на английском языке. Поэтому почти все дети «старых» индийцев учатся в международных школах либо в школах-интернатах в Индии. Общение на каком-либо из индийских языков обычно ограничивается общением дома с родителями, поэтому в последнее время молодые индийцы начинают забывать родной язык, несмотря на все старания их родителей. Японский обычно учат лишь до уровня, необходимого в повседневной жизни. Партнеров для брака и место продолжения обучения обычно выбирают в Индии или какой-либо другой стране, где есть индийская диаспора, например, в США, Гонконге, Сингапуре и т. д. Вероятно, за счет таких браков в индийских семьях продолжает сохраняться индийская культура. На женщину возлагается роль хранительницы родных обычаев и языка. В случае женитьбы мужчины из японской общины, невеста переезжает к нему из другой страны, если индианка из Кобэ выходит замуж, то она как правило, переезжает в страну проживания мужа — Индию или какую-либо третью страну. Таким образом, через систему браков поддерживается глобальная международная сеть, глобальный канал связи индийцев в Японии с соотечественниками в других странах.

С 90-х годов XX в. около 90% индийцев проживает в Токио или в соседних префектурах Тиба и Канагава. И это неудивительно, так как Токио как «глобальный город» является важным элементом мировой экономической системы и привлекает большое количество инженеров информационных технологий, большинство которых и составляют современную индийскую диаспору в Японии.

Интересно, что и в Токио «новые мигранты» селятся также в соответствии со своим статусом, профессией или вероисповеданием. Сикхи предпочитают селиться в городе Кавасаки. В округе Минато и Мэгуро селятся сотрудники посольств стран Южной Азии и связанные с ним служащие. Округ Сэтагая привлекает обеспеченные семейные пары из Южной Азии, так как здесь сосредоточено большое количество международных школ, в которых их дети могут получить образование на английском языке. Округ Тайто привлекает еще с 1970-х годов индийских предпринимателей, занимающихся ювелирным бизнесом (в большинстве своем это джайны), а менее обеспеченные ра-

ботники заводов и фабрик, часто находящиеся в Японии нелегально, селятся в соседних с Токио префектурах Тиба, Сайтама и Гумма. Но наибольшее количество индийцев проживает в районе Нисикасай округа Эдогава. Здесь сформировался так называемый Индодзингай, «Индийский город» [7, р. 17].

В районе Нисикасай начиная с 1990-х годов селятся многие высококвалифицированные инженеры из Индии. Раньше программисты из Индии селились разрозненно из-за того, что работодатели сами снимали им жилье. Это были в основном одинокие мужчины, оставившие свою семью в Индии. И тогда в районе Нисикасай волонтерами было организовано что-то вроде недорогой столовой для индийцев, где подавалась привычная индийцам еда. Многие индийцы постепенно стали снимать квартиры в этом районе. Вскоре к ним приехали их жены и дети. И в районе начала быстро развиваться социальная инфраструктура, служащая для удовлетворения нужд его новых жителей. В частности, открылись рестораны индийской кухни, магазины с товарами из Южной Азии, детский сад и школа для детей иммигрантов из Индии. Школа была основана в 2004 г., ее головной центр находится в Сингапуре. Сначала число ее учеников не превышало тридцати человек, сейчас в школе учатся двести пятьдесят учеников, большинство из которых индийцы. Также был открыт филиал школы в Иокогаме и индийский детский сад, где обучение ведется по системе Монтессори. Школа имеет все необходимые международные сертификаты и получила ряд международных наград. Преподавание ведется на английском языке, но в программу включен также и хинди. Акцент делается на изучение точных наук. Годовая стоимость обучения составляет около 8 тыс. долл. США. Лидеров ICE (Indian Community of Edogawa) и директора индийской школы можно очень часто увидеть на японском телевидении, кроме того они часто являются авторами или героями журнальных и газетных публикаций.

Неподалеку от станции Нисикасай на пожертвования прихожан ведется строительство индуистского храма. Ожидается, что этот храм станет еще одним центром индийской культуры в Японии. Отметим, что в настоящее время храм уже частично функционирует.

В домах культуры Нисикасай проводятся празднования индийских национальных праздников. Целью этих мероприятий является не только объединение индийцев, но и желание познакомить японцев с индийской культурой и укрепление дружбы и взаимопонимания.

Большую роль в формировании южно-азиатской общины в Японии играет Интернет. На сайте ICE и на ряде других сайтов, созданных индийцами в Японии, содержится большое количество информации, которая может быть полезной индийцам в Японии: о медицинских услугах, о намечающихся мероприятиях, о работе для индийцев в Японии. Также о различных мероприятиях индийцы информируются с помощью электронной службы почтовой рассылки.

Очень важно, что в округе Эдогава главным признаком, объединившим индийцев, является их национальность и меньшую роль, чем в других районах, играют их деятельность, вероисповедание или место происхождения.

Нелегальные же мигранты или низкоквалифицированные работники селятся, как правило, в соседних префектурах от Токио. Сталкиваются они с теми же проблемами, что и мигранты в Северной Америке и Европе. Однако важно отметить, что число нелегальных мигрантов из Индии в Японии невелико.

Экономический кризис, начавшийся в Японии в 1990-х годах и продолжающийся по настоящее время, вынуждает часть представителей «старых» индийцев, связанных с бизнесом, покидать Японию для поиска новых возможностей в других странах. В то же время востребованность высококлассных IT-специалистов постоянно растет, и число приезжающих «новых» мигрантов продолжает с каждым годом увеличиваться. Динамика этого процесса позволяет сделать вывод о будущем увеличении численности индийской диаспоры в Японии и возрастании ее значения для японской экономики.

Литература

1. Сава Мунэнори, Минамино Такэси. Дзайнити индодзин сякай но хэнсэн=Восстановление индийского общества в Японии // Хего тири. 2005. Vol. 5. P. 4–15.
2. Томинага Тидзуко. Индодзин имин сякай но рэкиси то гэндзё:=История и настоящее общества индийских мигрантов // Нитиин бунка. 1994. P. 52–79.
3. Markovits C. The global world of Indian Merchants from 1750–1947. Cambridge, 2000. 327 p.
4. Сава Мунэнори, Минамино Такэси. Нихон но минами адзиакей имин но рэкиси то соно до:ко: = История и тенденции миграции из Южной Азии в Японию. 文部省科学研究費 特定領域研究 (A). Discussion Paper №2. Токио, 1999. P. 48.
5. Кинтани Кумаю. Ко:бэ то индодзин=Кобэ и индийцы // Нитиин бунка. 1961. P. 22–33.
6. Дзайрю: гайкокудзин то:кэй=Статистика зарегистрированных в Японии иностранцев. Токио: Хо:мусё:, 2010.
7. Sawa M., Minamino T. Emerging of An Indian Community in Tokyo: a Case of Study of Nishikasai // The Indian Geographical Journal. 2008. Vol. 83, N 1. P. 42–61.

Статья поступила в редакцию 18 июня 2012 г.

Е. О. Шухман

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ КОНКОРДАНЦИИ К ЕВРЕЙСКОЙ БИБЛИИ¹ (По экземплярам из коллекции Института восточных рукописей РАН)

Институт восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге обладает исключительно важной коллекцией старопечатных еврейских книг. Палеотипы, т. е. книги, изданные в период с 1 января 1501 до 1 января 1551 г., являются значимой частью этой коллекции. Основу данного собрания составляет переданная в 1892 г. в дар Азиатскому музею коллекция Л. Фридлянда, насчитывавшая около 13 тыс. еврейских книг. Библиограф С. Винер, говоря о чрезвычайной ценности и полноте коллекции, упоминает следующие палеотипы: *Biblia rabbanica* во всех трех венецианских изданиях (1517, 1524 и 1548); редкие издания Пятикнижия: с переводом на арабский и персидский языки (Константинополь, 1546); на греческий и испанский языки (Константинополь, 1547); полный экземпляр Талмуда, изданный в Венеции в 1520–1523 гг., и первое издание конкорданции к Библии (Венеция, 1523) [1, с. 104–106].

Эта статья посвящена последней из упомянутых выше книг, которая называется в оригинале «Меир натив» (ивр. מֵאִיר נָתִיב, Освещающий путь). Разумеется, первое издание любого произведения очень ценно для источниковедческого исследования. Данное издание интересно еще и тем, что элементы, относящиеся к истории издания, т. е. титульный лист и колофон, представлены в нем в наиболее полной форме. Можно без преувеличения назвать это издание образцовым для своего времени с точки зрения оформления и полноты библиографической информации. Также очень важно, что только в нем основную часть текста предваряет полное предисловие автора (в последующих изданиях оно либо дано в сокращении, либо отсутствует совсем). Имя автора приведено только в сокращенном титульном листе². Причем автор здесь именуется Мордехаем Натаном, а не Исааком Натаном. Этот факт породил большое количество дискуссий об авторстве конкорданции. Многие исследователи считают рабби Исаака Натана Бен Колонимуса вовсе не автором этого произведения, а лишь его переводчиком. Вот как описывает это произведение библиограф Й. Бен-Йаков: «Меир натив, известная под названием Конкорданция... Сочинил ее христианский мудрец Фра Арлото на латинском языке, а переведена на иврит она была рабби Мордехаем Натаном. А рабби Исаак Натан написал большое вступление. Эта книга содержит ключи ко всем словам священного языка, к их корням и их типам спряжения в алфавитном порядке, а также указывается место, где данный корень в такой форме встречается в Библии...» [2, с. 277]. Такой же точки зрения придерживается и составитель другого библиографического справочника, Х. Фридберг: «Меир натив, справочное издание конкорданции, написанной Фра Арлото, переведенная с латинского языка рабби Мордехаем Натаном, с предисловием рабби Исаака Натана. Содержит ключ (индекс) слов на иврите по порядку их корней и местонахождения в Библии...» [3, с. 531]. Следует отметить, что

¹ Еврейской (или Масоретской) Библией в науке принято называть свод библейских книг, кодифицированных в рамках иудаистической традиции (*Biblia Hebraica*).

² О количестве титульных листов и о структуре издания в целом см. ниже.

© Е. О. Шухман, 2012

во втором издании конкорданции (Базель, 1556) автором называется Исаак Натан, но в третьем издании (Венеция, 1564) автором вновь именуется Мордехай Натан.

Блистательный еврейский поэт и философ Исаак Реджио (1784–1855) утверждал, что в первом издании конкорданции была допущена ошибка, и автором ее следует считать Исаака Натана [4, с. 71]. Известные ученые-гебраисты XIX в., такие как И. Цунц [5, S. 191] и Г. Грец [6, с. 164], также поддерживали эту позицию. Но следует признать, что полной ясности в этом вопросе все же не было. В тридцатых годах прошлого века востоковед Арье Твибер заново исследовал эту тему. В его статье, которая так и называется: «Кто же автор конкорданции к Библии?» [7, с. 141–144], ученый, приводя множество аргументов, стремится доказать, что ее автором был Мордехай Натан. В частности А. Твибер подвергает сомнению возможность типографской ошибки, ведь имена Мордехай и Исаак не имеют между собой никакого сходства в написании. Кроме того, при упоминании автора используются разные определения: Исаак Натан именуется «мудрецом от Бога»³, а Мордехай Натан — «мудрым философом от Бога»⁴. Если учесть чрезвычайную щепетильность евреев в вопросе присвоения подобных титулов, этот аргумент выглядит вполне убедительно.

Тема авторства конкорданции вновь была затронута ученым-медиевистом Раом Бен Шаломом в его статье «К вопросу об авторстве конкорданции «Меир натив»» [8, с. 154–160]. Эта статья представляет собой полный обзор истории исследования вопроса с подробной библиографией, а также критику упоминавшейся выше статьи А. Твибера. Р. Бен Шалом приходит к выводу, что автором конкорданции был все же Исаак Натан. И одним из самых серьезных аргументов в пользу этого утверждения является тот факт, что в рукописях этого сочинения упоминается только Исаак Натан. Современные библиографические справочники [9, с. 244; 10, N 0152866] указывают в качестве автора Исаака Натана, что представляется наиболее вероятным, но все же некая интрига в этом вопросе сохраняется.

Фра Арлото или Арлотто ди Прато (ум. 1283 г.), который признается автором первой латинской конкорданции, был францисканским монахом. В 1250–1252 гг. он просмотрел и дополнил труд кардинала ордена Доминиканцев Хьюго Де Санкто Каро (прибл. 1200–1263). Именно Хьюго впервые употребил термин «конкорданция» в значении справочного индекса к библейскому тексту (а именно к ее латинскому переводу — Вульгате). При создании конкорданции ему помогали 500 монахов-доминиканцев. Полностью закончен этот труд был в 1230 г. [11, р. 858–859]. Эта конкорданция не содержала цитат из Библии, в ней были указаны лишь книги и главы, где упоминается то или иное слово. Вместо указания на стихи Хьюго разделил главы на 7 примерно равных частей, обозначенных буквами алфавита. Пользоваться этой конкорданцией было очень сложно. Поэтому она неоднократно подвергалась дополнениям, в частности в нее были введены цитаты библейского текста. Очевидно, упомянутый выше Фра Арлото внес огромный вклад в преобразование конкорданции. Первая латинская конкорданция к Вульгате была напечатана в Страсбурге в 1480 г. А примерно за полвека до этого в руки Исаака Натана Бен Калонимуса попала рукопись конкорданции. Вот как описывает это событие сам автор в предисловии к своему труду:

...В годы моей юности, когда я стучался в двери моего учителя, набирался ума и энергично трудился, я каждый день пребывал среди христианских мудрецов, и в спорах о ре-

³ החכם אלהי

⁴ פילוסוף החכם אלהי

лигии и в вопросах наших верований они наносили мне поражение, ранили меня кнутом языка и всячески осмеивали, при этом они утверждали, что их доказательства истинны. И были они в моем сердце как огонь горящий, ведь многие их утверждения были просто ничтожны и слабы, но другие были сильные, словно отлитые из металла, в них не было неточностей, и такие меня восхищали и воодушевляли на то, чтобы возражать им. И обнаружил я среди их книг одну книгу, которую они называли на своем языке «Конкорданцией к Библии», а принцип ее корневой, и собирает она все стихи Священного Писания воедино, и нет ни одного отсутствующего. И стала она мне крепкой опорой подобно крепостной стене, отталкивающей каждый камень, посланный в нее. И с этой книгой не было довода, который нельзя было разбить. Поэтому я очень захотел [обладать] ею (этой книгой)... и решил перевести ее...⁵

Исаак Натан Бен Колонимус происходил из известной семьи Натана Колонимуса, возможно, он был внуком прославленного переводчика Маэстро Бонгодас Иуды Натана. Исаак Натан жил в городе Арле (на юге Франции) в первой половине XV в. Среди современников он прославился своими глубокими познаниями в Библии, Талмуде, философии, а также полемиками с христианскими богословами. Он был автором следующих работ (некоторые дошли до нас в рукописях, другие известны только по цитатам): «Назидание вводящему в заблуждение»⁶, полемика с Джеронимо де Санта Фе [12, р. 76]; «Крепость Исаака»⁷, антихристианская полемика [12, р. 77]; «Укрепляющий силу»⁸ о добродетели и пороке, в трех частях [13, N 2232] и некоторых других. Однако напечатан был только один его труд — конкорданция «Освещающий путь»⁹.

Для еврейских теологов подобная работа с библейским текстом не была новшеством. Уже в IV–V вв. ученые-талмудисты много занимались проблемами вариантов литературного стилистического прочтения библейских стихов, а также отдельных слов или букв¹⁰, исправлением ошибок переписчиков и пр. В VIII–XIX вв. различными школами грамматистов — мудрецов масоры — были сделаны первые попытки подготовки различных списков библейских слов: «единичные слова» (слова, которые встречаются лишь один раз во всех текстах Библии); слова, которые встречаются только 2 раза, 3 раза и даже десятки раз; пары слов, появляющиеся в Библии иногда с союзом ו, а иногда без него; конструкции слов в сопряженном состоянии, появляющиеся иногда с определенным артиклем, а иногда без него и т. п. Все это было перечислено масоретами на полях кодексов Библии. Аппарат примечаний и указаний масоретов был сведен в так называемую малую и большую масоры, различающиеся главным образом объемом информации. Малая масора обычно записывалась справа или слева от текста, реже — между строками, и потому называется также краевой или внутренней. Большая, или внешняя, масора записывалась над текстом или под ним, изредка также и сбоку. Дополнительные примечания и подсчет различных элементов текста приводились в конечной масоре, которую помещали в конце отдельных книг Библии. Во многих случаях все примечания служили в основном для правильного прочтения библейского текста. Многочисленные списки масоры были собраны последующими поколениями и стали настоящей сокровищницей для исследования вариантов прочтения библей-

⁵ См.: Fr M 122. Л. 5b.

⁶ תוכחת מתעה

⁷ מבצר יצחק

⁸ מאמץ כח

⁹ מאיר נתיב

¹⁰ קרי וכתב — указание на чтение слова, расходящееся с его написанием.

ского текста. Однако все это не было оформлено в единую систему, поэтому следует рассматривать их всего лишь как первые зачатки конкорданции к Библии.

Исаака Натана, очевидно, заинтересовала оригинальная система организации конкорданции по алфавиту, изобретенная латинскими богословами. Как видно из предисловия, Исаак Натан принялся за составление еврейской конкорданции, придя к мысли, что необходимо иметь под рукой вспомогательное средство, которое дало бы возможность ссылаться на каждую фразу Библии. На этот путь его навели постоянные полемики с учеными христианами и необходимость возражать против их аргументов, взятых из Библии, но часто истолкованных иначе, в соответствии с христианским вероучением. В пользу авторства Исаака Натана свидетельствует сделанное им в предисловии следующее признание:

...Тогда я предположил, что будет важнее, если я создам подобную ей (т. е. конкорданции) на нашем языке... Ибо я понял, что перевод ее на наш язык иврит не будет нам полезен, поскольку там не совпадают имена и глаголы, которые переводчик Джеронимо¹¹ изменил в соответствии со своим пониманием и разумением комментария к ним в соответствии с их местонахождением, как например слово «קַדְשֵׁךָ» (законодатель, гравер, резчик по камню) — один раз перевел его как «писатель, переписчик», другой раз — как «мудрец», следующий раз — как «пророк», и последний раз — как «сказитель». И тогда я решил, что будет польза ее (книги) минимальна для носителей языка иврит, и поэтому я отказался от работы переводчика, несмотря на ее легкость. И решил составить ее на нашем языке, ибо понял я ее принцип. И для того, чтобы не сойти с ее пути, и чтобы было проще найти любой стих, разъяснил его на двух языках, записал я все 24 книги по счету глав христианских для того, чтобы мы не утомились искать то, что нам из них понадобится ...

Итак, Исаак Натан следовал в своем сочинении методам составителей латинских конкорданций своего времени: книги Библии, на которые он ссылался, он перечислил в соответствии с порядком в Вульгате. Также он использовал деление на главы («капитулы») и указание на стихи по номерам. В начале своей книги он дал перечисление разделов всех книг Писания с их начальными словами. Порядок статей он дал по корневому принципу, и этой системе следовали практически все еврейские конкорданции, составленные после него. Служебные слова, местоимения, имена собственные и арамейские слова, встречающиеся в Писании, Исаак Натан не приводит. В конце предисловия он так объясняет смысл этих пропусков:

Я пропустил многие слова, ибо у них нет самостоятельного значения, когда они стоят отдельно, и они во множестве присутствуют в Писании... Хотя я подумываю записать их в своей работе отдельно. Я пропустил эти слова, чтобы облегчить свою ношу... также я утешился тем, что не указал их, поскольку стремился поскорее сделать самое необходимое и оставил второстепенное, чтобы оно мне не помешало в достижении необходимого...

Несмотря на огромное прилежание Исаака Натана и на его желание выпустить исправленное издание, все же в его передовой работе много пропусков, ошибок и неточностей. Десять лет трудился Исаак Натан над составлением конкорданции (1437–1447). Рукопись, без сомнения, много раз переписывалась. Только по прошествии 77 лет (приблизительно через 50 лет после смерти автора) она была напечатана в первый раз в печатне

¹¹ Софроний Евсевий Иероним (ок. 347–420), прозванный Блаженным, начал работу над своим переводом в 382 г. В 386 г. он переселился в Вифлеем, и там работал над Ветхим Заветом. В начале работы он пользовался греческой Септуагинтой, но вскоре перешел на использование непосредственно еврейского текста. Перевод Ветхого Завета был закончен им к 405 г. н. э.

Даниеля Бомберги в Венеции — в 1524 г. Второе издание с переводом на латинский язык появилось в Базеле в 1556 г. Затем, в 1564 г., было выпущено третье издание «Меир натив» в печатне Брагадини в Венеции. Еще два переиздания с дополнениями были осуществлены в Базеле в 1581 и 1587 гг. Начиная с XVII в. появлялись многочисленные издания этой книги (в том числе под другими названиями). В 1621 г. в Риме францисканский священник Марио ди Калазио выпустил исправленное и дополненное издание «Меир натив» с добавлением имен собственных. К каждому имени он привел только одну цитату. Также он ввел арамейские слова. Эта конкорданция вышла в четырех томах — на иврите и с переводом каждой цитаты из Библии на латинский язык в соответствии с Вульгатой, строчка напротив строчки, в два столбца. В конце четвертого тома он добавил список арамейских слов, имен собственных и частиц. Эта конкорданция называлась «Concordatiae sacrorum Bibliorum Hebraicorum» и переиздавалась несколько раз (Кельн, 1646; Лондон, 1648; Рим, 1657). Еще одно издание вышло под названием «Свод святого языка»¹² в Лейпциге в 1838–1840 гг. с поправками Юлиуса Фиршта. И, наконец, в 1878 г. в Вильне выходит книга под названием «Свод имен»¹³. Ее автор, Иегуда Шислович, прямо на титульном листе указывает, что его труд является второй частью конкорданции «Меир натив» и содержит полный перечень имен собственных и географических названий, упоминаемых в Библии¹⁴, в алфавитном порядке.

Для удобства полное описание первого издания «Меир натив» приводится в виде таблицы на языке оригинала и в переводе на русский язык:

Элементы, относящиеся к истории издания:

1. Титульный лист

Текст в обрамлении цитаты из Библии:

Тора Господа совершенна, оживляет душу, свидетельство Господне верно, умудряет простака. Повеления Господни справедливы, веселят сердце, заповедь Господа чиста, освещает очи¹⁵.

Меир натив [Освещающий путь] для того, чтобы мы увидели нужное, охватывающий весь объем Священного писания в именах и в глаголах, чтобы постичь Священный язык и его использование и его корни и чтобы с легкостью отыскать нужный стих, начало и конец его. Мы признали необходимость [этой книги] и огромную полезность [ее] для идущих по пути мудрости для совершения службы в любой священной работе. И мы решили напечатать ее срочно по повелению господина Даниеля Бомберги, да хранит его Оплот и Избавитель, в год 284 по малому счету от сотворения мира. И желание Господа в руке его осуществится¹⁶. Аминь. В Венеции.

Сокращенный титульный лист (л. 7 recto)

Книга «Йаир Натив» [Осветит путь], именуемая на иностранном языке Конкорданция, которую сочинил мудрый философ-богослов, рабби Мордехай Натан, напечатана по повелению Даниеля Бомберги из Антверпена, в год 283 по малому счету от сотворения мира, в Венеции.

¹² אוצר לשון הקדש

¹³ אוצר השמות

¹⁴ Имеется ввиду Ветхий Завет.

¹⁵ Пс. 19: 9.

¹⁶ Ис. 53: 10.

Библиографическое описание издания	1. Автор	Исаак Натан Бен Калонимус	יצחק נתן בן קלונימוס
	2. Заглавие	Меир натив	מאיר נתיב
	4. Место издания	Венеция	ויניציאה
	5. Типография	Даниель Бомберг	דפוס דניאל בומברג
	6. Год издания	1524	רפ"ג-רפ"ד
	7. Язык	иврит	עברית
Физическое описание издания	1. Размер	2° In-folio (25×37,5 см)	
	2. Количество листов	406	
	3. Количество тетрадей	50	
	3. Пагинация	1) сквозная пагинация отсутствует 2) тетради пронумерованы дважды: еврейскими буквами и арабскими цифрами. 3) листы в тетрадах пронумерованы дважды: еврейскими буквами и латинскими цифрами	
	4. Кустоды	лл. 1–4 каждой тетради: полистные кустоды (в нижнем левом углу стороны гесто указано слово, с которого начинается сторона verso следующего листа) лл. 5–8 каждой тетради: постраничные кустоды (в нижнем левом углу указано слово, с которого начинается следующая страница)	
	5. Шрифт	квадратный шрифт (цитаты из Библии, названия книг, глав и стихов Библии, предисловие автора); шрифт Раши (текст титульного листа, колофона, примечания автора)	
	6. Бумага	европейская с филигранями	
Библиография	1. Friedberg [3]	n-110	
	2. Benjacov [2]	n-78	
	3. BHB [10]	0152866	
	6. Haberman [14]	89	
	7. Vinograd [9]	Venice, 93	

Следует отметить, что титульные листы в печатных книгах появились именно в период палеотипов. В рукописях и инкунабулах вся важная источниковедческая информация содержалась в основном в колофонах (если таковые имелись). Однако в книгах этого периода все еще в полной мере сохраняются и колофоны. Именно поэтому данный период можно считать завершающим этапом в формировании внешнего вида современной книги. Итак, в этом издании помимо великолепно оформленного основного титульного листа, приведен и сокращенный титульный лист. Имя автора приведено только в сокращенном титульном листе — Мордехай Натан. Предисловие же подписано Исааком Натаном. Вопрос об авторстве произведения был рассмотрен выше. Также по-разному именуется само произведение. Если в сокращенном титульном листе мы видим прямое цитирование отрывка библейского стиха (Йов, 41: 24), то в основном титульном листе приводится измененная форма (причастие), т. е. не прямое цитирование текста, а лишь намек на него, понятный всем просвещенным людям того времени. Следует отметить, что во втором издании (Базель, 1556) книга называется «Йаир натив». В обоих титульных листах присутствуют выходные данные с обя-

зательным указанием владельца типографии. Интересно, что и дата издания книги указана по-разному. Видимо, дело в том, что сокращенный титульный лист был напечатан первым, т.е. до 29 августа 1524 г., поскольку именно этот день пришелся на Новый год, и год 5283 сменился на 5284 г. от сотворения мира. На основном титульном листе приведена изящно сформулированная суть книги и ее назначение. Обилие цитат из Библии и возвышенный слог позволяют предположить, что тексты титульного листа и колофона были составлены лично Э. Левита¹⁷ или И. Аделькиндом¹⁸.

2. Колофон

Колофон введения (л. 6 verso):

И было начало ее работы над ней 1-го хешвана в год 198 по исчислению шестой тысячи от сотворения мира, а это 30 сентября 1437 г.¹⁹ по христианскому летоисчислению и закончена работа над ним 1-го хешвана в год 208, а это 11 октября 1447 года.

Колофон (л. 406 recto):

Вот это весь объем [материала], который мы посчитали нужным напечатать по повелению господина Даниеля Бомберги, и мы изо всех сил старались выпустить в свет средство, чтобы отчистить путь от капканов ошибок, вывести из темноты на свет, и с кривого пути на прямую дорогу. И, несмотря на то, что не всегда мы были очень аккуратны в соблюдении правил полного и неполного написания, но кроме этого от путей масоры старались не уклоняться, только лишь в соответствии с намерением автора. Книга эта была создана лишь для того, чтобы найти с легкостью стих, который нужен тому, кто хочет исследовать или толковать его. И чтобы [читатель] потом не утомился в достижении цели, и в этом польза для наших читателей, что интересующийся не устанет, и не пострадает, и не придется ему хлопотать о том, что мы уже сделали.

А сейчас мы умоляем каждого интересующегося этим произведением, если он найдет в нем ошибки или опечатки или перестановки букв или что-то подобное или пропуск какого-нибудь слова, не осуждайте нас, ибо таков путь печатания, который нам известен. И если вдруг, заменится какая-нибудь буква на другую, и не сможет интересующийся найти с помощью именно этого корня, то пусть поищет с помощью корня слова, которое идет за ним, и найдет искомое. Например, если нужно найти стих «И в тени руки своей укрыл тебя²⁰», пусть поищет на корень слова «тень», а если не найдет искомое на слово «тень», то пусть поищет на корень слова «рука» или на корень слова «укрывать» и все по такому принципу, и тогда с Божьей помощью не скроется от него искомое, ибо такова наша цель.

И помолимся создателю, чтобы он помог нам, и пролил свет свой на нас и вдохнул в нас силы, и желание Господа в руке нашей осуществится, чтобы начать и закончить книгу «Ха-Маймони», с глоссами самого Маймонида, и с комментариями «Мигдаль Оз» и «Ха-Маггид Мишна» и «Ха-Море Маком», и все остальные книги, которые мы собираемся печатать. Аминь.

¹⁷Левита Элияху (бен Ашер ха-Леви Ашкенази; Элия Бахур; ок. 1468–1549) — филолог, грамматик и лексикограф языка иврит. Работал корректором в типографии Даниэля Бомберги. Автор нескольких сочинений по грамматике языка иврит. Также составил конкорданцию к Библии — «ספר הזכרונות» («Книга упоминаний»), не получившую, однако, распространения (издана только первая часть: Франкфурт на Майне, 1875).

¹⁸Исраэль Корнелиус Аделькинд, типограф и издатель германского происхождения. Жил в Италии в первой половине XVI в. Работал печатником в типографии Даниэля Бомберги с 1524 по 1544 гг.

¹⁹Здесь и далее в тексте источника даты указаны по юлианскому календарю.

²⁰Ис. 51: 16.

И да будет завершение ее в день 28-й месяца тишре 284 года по малому счету от сотворения мира²¹, здесь в Венеции, большом городе, находящимся под властью, да возвеличит Бог его великолепие.

Как уже было отмечено, колофоны являлись самым важным и практически единственным источником библиографической информации в период до изобретения книгопечатания и в период инкунабул. Своеобразный колофон, завершающий введение автора, призван снабдить нас подробной информацией о времени создания произведения. Автор точно указывает даты начала и завершения труда, причем не только по традиционной еврейской системе летоисчисления (от сотворения мира), но и по юлианскому календарю. И, наконец, завершающий издание колофон не только еще раз предоставляет нам полную информацию о выходных данных, но и дает подробную инструкцию о том, как пользоваться этой книгой, попутно принося извинения за возможные вкрапившиеся опечатки и ошибки. Также здесь присутствует своего рода анонс готовящейся к печати книги Моисея Маймонида «Мишне Тора», которую он называет «Ха-Маймони». Следует отметить, что эта книга действительно была напечатана в этой типографии в 1524 г., и ее экземпляр также имеется в коллекции Института восточных рукописей.

Институт восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге обладает двумя экземплярами первого издания «Меир Натив». Один — из коллекции Л. Фридлянда, имеет характерный «фридлендианский» переплет: крышки переплета обтянуты коричневым ледерином, корешок кожаный, на корешке надпись золотым тиснением — краткие выходные данные. Как и все книги этой коллекции, экземпляр имеет печать библиотеки Л. Фридлянда. Основная часть конкорданции прекрасно сохранилась, однако во вступлении листы 4–5 оторваны наполовину; листы восстановлены, но текст на листе 4 отсутствует, а на листе 5 текст восстановлен рукописно. Видны следы воздействия воды. На форзаце и на первом листе (recto) подписи владельцев книги. На обратной стороне (verso) первого листа — рукописный постраничный указатель. Вся книга также пагинирована рукописно. На листе 450 recto — подпись цензора: Camillo Jaghel [15, p. 100, 102, 104, 147]. Второй экземпляр печатей и экслибрисов не имеет, но множественные имена бывших владельцев свидетельствуют о долгом пути из Венеции в Санкт-Петербург. На титульном листе в верхнем левом углу подпись владельца, посередине еще 2 подписи, выполненные чернилами черного и коричневого цвета. На листе 450 recto подпись цензора Laurentium Franquellum 1575 [15, p. 56, 77–79, 81–82, 147], на листе 450 verso подпись еще одного цензора Luidgi da Bologna Augusto 1599 [15, p. 73, 78, 79, 93 98–99, 101, 104, 147]. Судя по цвету и сохранности чернил, именно последним были вымараны в тексте на листе 2 recto (предисловие автора) отдельные выражения. Католические цензоры старались зачеркнуть все, что, по их мнению, находится в противоречии с учением церкви: непонятные места, вызывавшие подозрение, что в них скрытно говорится о христианстве; указания на иудаизм как на единственную истинную религию, благожелательные эпитеты к еврейскому народу и т. д. Зачеркнутые места покрывались густым слоем чернил, вследствие чего бумага с течением времени портилась, однако данному экземпляру конкорданции повезло — цензорские чернила по прошествии многих лет побледнели, и обнаружился первоначальный текст. К тому же данная работа, очевидно, не была закончена: в общей сложности вымарано было лишь 9 выражений и только на одном листе.

²¹ Соответствует 15 октября 1525 г. по юлианскому календарю.

Экземпляр имеет роскошный переплет: кожа разных цветовых оттенков создает причудливый орнамент, на кожаном корешке золотым тиснением выведено название, место и год издания. Экземпляр полный, без повреждений, лишь на листах 1–56 в верхней части видны следы воздействия воды, которые, однако, не затронули текст.

В заключение хотелось бы еще раз отметить, что труд Исаака Натана Бен Калонимуса является важнейшим вкладом в развитие гебраистики. И по сей день ни один исследователь библейского текста не может обойтись без конкорданции. Поэтому большой удачей следует считать, что наши предки сохранили для нас первое издание этого фундаментального труда, который занимает почетное место в коллекции еврейских старопечатных книг Института восточных рукописей РАН.

Литература

1. Азиатский музей Российской Академии Наук 1818–1918. Краткая памятка. Пб.: Российская государственная академическая типография, 1920.
2. *Benjacov I. A. Ozar ha-sepharim. Thesaurus librorum hebraicorum.* Wilna: ha-Almana veAhim Romm, 1880.
3. *Friedberg Ch. B. Bet eked sepharim. Bibliographical lexicon.* Tel-Aviv: Bar-Juda M. A., 1951.
4. *Regio I. Igerot yashar el ehad memeyudav.* Vienna: Anton Schmidt, 1834–1836.
5. *Zunz I. L. Gesammelte Schriften.* Berlin: Gershel L., 1875.
6. *Graetz H. Divrei yamim Israel.* Warsaw: Alapin-Schuldberg & Co, 1896.
7. *Tviber A. Mi hu mehaber ha-concordantsia ha-tanahit? // Kiryat sefer.* N 2. Jerusalem: Ha-po-alim, 1928.
8. *Ben Shalom R. Lesheelat mehabera shel concordantsia Meir nativ // Kiryat sefer.* N 64. Jerusalem: Ha-poalim, 1992–1993.
9. *Vinograd Y. Thesaurus of the Hebrew book.* Jerusalem: the Institute for computerized bibliography, 2002.
10. *The Bibliography of the Hebrew book 1470–1960.* Jerusalem: EPI & Institute for Hebrew Bibliography, 2002.
11. *The Encyclopaedia Britannica.* London; New York, 1926. Vol. 13.
12. *De Rossi G. B. Bibliotheka Judaica antichristiana.* Parmae: Ex regio typographeo, 1800.
13. *Neubauer A. Catalogue of the Hebrew manuscripts in the Bodleian Library and in the College Libraries of Oxford.* Oxford: Clarendon press, 1886.
14. *Habermann A. Ha-Madpiss Daniel Bomberg.* Zfat: Museum of Printing art, 1978.
15. *Popper W. The Censorship of Hebrew books.* New York: Knickerbocker Press, 1899.

Статья поступила в редакцию 18 июня 2012 г.

А. Х. Юлгушева

РОД БАНҮ ҲАДЖЖАДЖ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ АЛ-АНДАЛУСА

В правление омейядского халифа Хишāма ибн ‘Абд ал-Малика (723–743) из ал-Андалуса, самой западной провинции Арабского Халифата, в столичный город Дамаск направилась внучка вестготского короля Витицы Сара. Она предприняла это путешествие, чтобы обратиться к халифу с просьбой принять меры против незаконного посягательства одного из ее дядьев на имущество, доставшееся ей от ее отца Алмунда. Халиф согласился ей помочь и написал письмо тогдашнему наместнику Ифрйкийи Ҳанзале б. Ҷафвāну ал-Калбӣ, в котором содержался приказ обязать наместника ал-Андалуса, пост которого занимал в ту пору Абӯ-л-Ҳаттār ал-Калбӣ, обеспечить сохранность имущества просительницы. Кроме того, халиф устроил замужество Сары с одним из своих *мавлā* по имени ‘Исā б. Музāҳим берберского или персидского происхождения. Итак, просьба Сары была удовлетворена, и она вместе с мужем вернулась в Севилью. Стоит отметить, что во время аудиенции у халифа Хишāма Сара познакомилась с юным ‘Абд ар-Раҳмāном, будущим основателем испанской ветви династии Омейядов [1, р. 4–6; 2, р. 50–51].

От брака Сары с ‘Йсой произошел род сыновей Готянки — банӯ-л-Қўтиййа, к которому принадлежал историк Муҳаммад б. ‘Умар б. ‘Абд ал-‘Азиз б. Ибрāхим б. ‘Исā, известный как Ибн ал-Қўтиййа, который поведал нам об этих событиях в своем сочинении «Та’рих ифтитāх ал-Андалус».

После смерти ‘Йсы на руку Сары претендовали два кандидата, одного из которых, ‘Умайра б. Са’йда ал-Лаҳмӣ, севильского араба, принадлежавшего к южноарабскому племени лаҳм, поддержал сам ‘Абд ар-Раҳмāн, к тому времени уже прибывший в ал-Андалус. От этого брака произошли несколько арабских родов Севильи, в числе которых банӯ Саййид, банӯ Маслама, а также банӯ Ҳаджжāдж, которым довелось сыграть заметную роль в политической истории ал-Андалуса [1, р. 6; 3, р. 136].

Во внутривнутриполитическое противоборство банӯ Ҳаджжāдж активно включились в правление седьмого омейядского эмира ‘Абдаллāха (888–912). Слывшие до сих пор верными подданными Омеййядов, банӯ Ҳаджжāдж пополнили в этот период ряды многочисленных бунтовщиков и подняли знамя *фитны*.

Московский арабист Д. Е. Мишин характеризует серию мятежей конца IX — начала X в. как «одно из наиболее интересных и драматических явлений в истории страны, которое по масштабам и длительности вполне заслуживает того, чтобы называться гражданской войной» [4, с. 179].

«Выдвинуть для такого сложного, многогранного и неоднозначного явления, как андалусская *фитна*, единую, объясняющую все интерпретацию вряд ли возможно» [4, с. 183]. Некоторые исследователи считают решающим фактором, обусловившим подобное распространение мятежных настроений, слабость преемников Ҳакама I. Ҳусайн Му’нис в статье, посвященной ‘Абд ар-Раҳмāну III ан-Нāсиру, замечает, что

эти тенденции были просто «проявлениями процесса распада королевств и империй, процессом нормальным и универсальным в те времена» [5, р. 242].

К тому же дополнительным фактором, усиливавшим феодальную раздробленность в регионе, стало привнесение на андалусскую почву арабского межплеменного противостояния, примером чему может послужить аднанитско-кахтанитский конфликт, проявившийся во внутривнутриполитической борьбе и оказавший заметное влияние на политическую историю страны.

К концу IX в. ал-Андалус представлял из себя «мозаику мелких полунезависимых государств, которые тесно окружали Кордову с запада, севера и востока. Самым главным для эмира было предотвращение того, чтобы эти многочисленные феодальные владения, которые находились в собственности арабов, берберов или мувалладов, объединились против него. Он прекрасно понимал, что коалиция его противников станет для него фатальной» [6, р. 268].

Однако эмир мог не опасаться такого развития событий. Это было исключено: во-первых, противниками эмира двигали разные цели, во-вторых, среди самих его противников были непримиримые враги, принадлежавшие к враждующим группировкам. И даже если история и являла нам случаи подобных союзов и объединений, они носили временный характер и являлись скорее исключением, нежели правилом.

Естественно, что охватившая страну смута отрицательным образом сказывалась на размере поступавших в государственную казну налогов: как сообщает Ибн Халдун, увеличение числа восставших привело к уменьшению *харādжа* по причине отказа от его уплаты [7, с. 288]. В свою очередь недостаток средств приводил к растущей неспособности поставить достаточное количество сил, необходимое для борьбы с мятежниками [5, р. 243]. То же самое часто происходило во всей средневековой Европе, как и в христианских королевствах Испании.

О возникновении *фитны* в округе Севильи известный историк Ибн Хаййан в своем сочинении «Китаб ал-Муқтабис фй та'рих риджал ал-Андалус» рассказывает следующее [8, р. 68–70].

Первым из тех, кто проявил неподчинение эмиру и стал склонять жителей Севильи к послушанию был Курайб б. 'Усман б. Халдун. Его союзниками стали Сулайман б. Мухаммад б. 'Абд ал-Малик, восставший в Шазуне, 'Усман б. 'Амрун, восставший в Лабле, а также Джунайд б. Вахб ал-Қармунй из берберов племени баранис. На стороне Курайба были йемениты, представители южноаравийского племени хадрамаут [9], к которому принадлежал он сам. Когда о союзе Курайба и его товарищей стало известно, против них объединились вместе клиенты (*мавалй*), муваллады и арабы-мудариты, ввиду аднанитско-кахтанитского противостояния, к ним примкнули также берберы племени бутр. На их фоне выделялись те, кто оставался верен Омейядам и не входил ни в одну из этих двух группировок: ими были курайшиты и их клиенты из арабов и берберов. Курайб и его союзники не осмеливались противоречить им, однако сердца людей уже исполнились ожиданием чего-то недоброго. Когда же стала очевидной для Курайба и его сторонников невозможность осуществления их планов в отношении Севильи, Курайб покинул город, вернувшись в свое имение в Алхарафе, где стал привлекать на свою сторону местных жителей, большинство которых составляли его соплеменники. В то же время союзники Курайба направляли своих послов к берберам, призывая их к нападению на Севилью, прельщая большим количеством добычи и незначительной способностью ее к обороне [8, р. 68–69].

Последствия не заставили себя ждать: мятежники окружили севильский дворец. Случившееся сражение не привело к каким-нибудь значительным последствиям для восставших, однако стала очевидной слабость правителя, что еще более воодушевило бунтовщиков [8, р. 69–70].

Далее события разворачивались следующим образом. На дороге между Кордовой и Севильей стал промышлять разбоем человек из берберов Кармоны, известный под именем ат-Тамāшика. Тогда некий Муḥаммад б. Ғалиб попросил эмира о разрешении возвести крепость на пути разбойника, и эмир согласился. Собрались в той крепости берберы, клиенты и муваллады со всех областей. Арабы из бану Ғалдүн и бану Ғаджжәдз позавидовали Муḥаммаду и, выждав удобный момент, завязали с ним войну. В ходе столкновения был убит представитель рода бану Ғаджжәдз, ‘амилу же Севильи сообщили, что он был убит Ибн Ғалибом по дороге в Кордову. ‘Амил не стал принимать никаких решений и уведомил о случившемся эмира, чтобы тот разрешил ситуацию [8, р. 70].

Тем временем севильские арабы обвинили Муḥаммада б. Ғалиба в лицемерии, вменив ему тайный сговор с Ибн Ғафсүн. ‘Амил Севильи был снят со своей должности, а на его место поставлен Умаййа б. ‘Абд ал-Ғәфир, который отправился в Севилью вместе с сыном эмира [8, р. 79–71].

Прибыв в Севилью, Муḥаммад б. ‘Абдалләх позвал Муḥаммада б. Ғалиба присутствовать на его *маджлисе* и свел его вместе с бану Ғаджжәдз, обвинявшими того в пролитии крови их сородича. Однако в результате подобной очной ставки, сопровождавшейся показаниями свидетелей с обеих сторон, дело еще более запуталось, и решения принято не было [8, р. 71]. Бану Ғаджжәдз вернулись в свои владения в Сенеде, большую часть жителей которого составляли их соплеменники, представители южно-арабского племени лаḥм. Курайб ушел в свои земли в Алхарафе, значительную часть населения которого, как известно, составляли потомки оседлого населения Хадрамаута. Там же находились и его союзники — братья Сулаймән и Джунайд ал-Қармүнй, которые вскоре вместе с ‘Абдалләхом б. Ғаджжәдзем пошли на Кармону и заняли ее, выдворив оттуда ее ‘амила [8, р. 71–72].

Когда известия об этом достигли сына эмира ‘Абдалләха Муḥаммада, он сообщил о произошедшем отцу, и тот собрал своих министров на совет по поводу Севильи. Мнения разделились: некоторые посоветовали убить Муḥаммада б. Ғалиба, чтобы удовлетворить арабов. Так и было сделано: по приказу военачальника Джа‘да б. ‘Абд ал-Ғәфира, брата Умаййи, Муḥаммад б. Ғалиб был убит, крепость его была разрушена, а все, кто в ней были, покинули ее. И только тогда ‘Абдалләх б. Ғаджжәдз вышел из Кармоны и сдал ее [8, р. 72–73].

Разумеется, это привело в негодование сторонников Муḥаммада б. Ғалиба, и тогда собрались клиенты и муваллады и прибыли к воротам правителя, чтобы разобраться в деле Муḥаммада, в его смерти и его предательстве. Муваллады, на помощь которым пришли их союзники — мудариты и берберы племени бутр, пошли на дом ‘амила города Умаййи, который приходился братом Джа‘ду, однако тот спасся бегством, скрывшись в севильском дворце. Вскоре на подмогу прибыл Джа‘д, и муваллады были повержены, понеся большие потери [8, р. 73–75].

Через некоторое время эмир ‘Абдалләх отозвал своего сына Муḥаммада из Севильи в Кордову, и Умаййа остался один. Он предпринял попытку приблизить арабских лидеров Курайба и ‘Абдалләха, вернув их обратно в город. Было объявлено, что все,

что произошло с мувалладами, было сделано ради них, и что Умаййа добивается их благорасположения. Однако они уже прониклись вкусом *фитны* и в скором времени оставили Умаййю [8, р. 76].

Тем временем Умаййа начал плести интриги и сеять смуту между 'Абдаллāхом б. Хаджжāджем и Ибн Вахбом ал-Қармūнй, который вместе с 'Абдаллāхом разделял управление Кармоной. Вскоре Ибн Вахб напал на 'Абдаллāха, захватил его имущество, пленил его людей, убил его, а голову послал Умаййе [8, р. 76].

Новым лидером банū Хаджжāдж вместо 'Абдаллāха стал его брат Ибрāхīm. Естественно, семья убитого затаила злобу на Умаййу, а банū Халдūн поддержали их в этом. Они отправили Умаййе гневное послание, в ответ на которое тот написал, что город принадлежит эмиру, сам он — *'āмил* его, а им следует проявлять послушание, хотя бы они того или нет. За этим последовало столкновение: Умаййа был к нему подготовлен, и его противникам пришлось прекратить борьбу. Банū Хаджжāдж вместе с банū Халдūн покорились, однако Умаййа принял их подчинение только после того, как взял из их числа заложников и поместил их в свою тюрьму [8, р. 77].

Дождавшись удобного момента, йемениты окружили дворец Умаййи. Когда же тот начал обезглавливать заложников, они взмолились, призывая его остановиться и обещаая мир. Умаййа потребовал от Ибрāхīма, Курайба и их людей, чтобы те поклялись ему пятьдесят раз, и тогда он успокоился и отпустил заложников. Когда же те вышли, то Ибрāхīm и Курайб снова нарушили договор и опять вступили в бой. Умаййа был осажден в своем дворце, был вынужден покинуть его и погиб, сражаясь с противниками [8, р. 77–78].

Йемениты завладели городом и написали эмиру, что Умаййа проявил послушание, и что случилось в городе то, что насторожило их и напугало, следствием чего явилось произошедшее столкновение. Теперь Умаййа свергнут и убит, а они находятся в подчинении у эмира и просят, чтобы тот направил к ним в Севилью нового *'āмила*.

Однако мятежный дух не покидал арабов. Для того, чтобы держать происходящие события под контролем, бану Халдūн даже склонили на свою сторону секретаря (*кāтиба*) *'āмила* по имени Сахнūн, который стал их «глазами», доводя до их сведения содержание переписки, происходившей между *'āмилем* и эмиром, а на дорогах у них были расставлены доносчики и соглядатаи [8, р. 79].

Однажды по поручению эмира стало собираться войско в Севилье, жителей которой призывали выступить в поход, как предполагалось, на восток. В это время со своими людьми вышли Ибрāхīm и Хāлид, из Шазūны к ним подошел их товарищ Сулаймāн и его брат Маслама со своими людьми, и все направились в сторону Кордовы. Но тут войско под предводительством сына эмира ал-Мутаррифа, которому эмир 'Абдаллāх поручил командование, двинулось в западном направлении на Севилью. Когда узнали об этом Ибн Хаджжāдж и его товарищи, их планы нарушились. Сулаймāн успел бежать, а остальных ал-Мутарриф приказал арестовать. В кордовское заключение попали Ибрāхīm, Хāлид, Маслама и Сулаймāн, войско их было разгромлено, заключенные были подвергнуты пыткам [8, р. 79–80, 113; 10, р. 128].

«Когда же увеличилась сила непокорного Ибн Хāфсūна», некоторые министры эмира 'Абдаллāха указали на необходимость освобождения заключенных. Эмир рассудил, что они могли бы препятствовать дальнейшему продвижению Ибн Хāфсūна [8, р. 82]. Одной из причин освобождения мятежников называют также наступление времени сбора налогов [8, р. 79–80, 113–114; 10, р. 128]. Заключенные были отпущены на свободу

после того, как каждый из них поклялся в соборной мечети Кордовы пятьдесят раз, что не выйдет из подчинения правителю. Ибрāхīm оставил в Кордове в качестве заложника своего сына ‘Абд ар-Рахмāна. Но как только освобожденные вернулись к себе, они вновь восстали против эмира, отказавшись к тому же и от уплаты налогов [8, р. 82].

Ибрāхīm и Курайб распределили округ Севильи между собой. Однако между ними уже появились противоречия, возникновению которых способствовал сам эмир, решивший настроить их друг против друга [8, р. 82; 10, р. 128].

Однажды Хāлид, брат Курайба, написал эмиру послание, настраивая его против Ибрāхīма и сообщая, «что тот у них в руках» [10, р. 128]. Об этом стало известно Ибрāхīму. Для того, чтобы разобраться в ситуации он устроил прием, позвав Курайба и Хāлида. В результате произошедшей ссоры оба брата были убиты [10, р. 128–129].

Ибрāхīму подчинились все жители соседнего с Севильей округа, он уведомил эмира о случившемся, оправдываясь за содеянное, и сказал, что сам он теперь находится в подчинении эмиру и просит у него руководства Севильей [8, р. 82; 10, р. 129]. Эмир ответил на это согласием, санкционировав, таким образом, единоличное правление Ибрāхīма Севильей.

Несмотря на это, сын Ибрāхīма ‘Абд ар-Рахмāн все еще оставался в кордовском заключении. Никакие просьбы и уговоры эмира не приводили к результатам [6, р. 266].

Когда в 900 г. Ибн Хāфсун предложил Ибрāхīму союз, тот поддержал предводителя мувалладов, снабдив его средствами и людьми в отместку эмиру.

В следующем году между Кордовой и Бобастро, крепостью-столицей мятежника Ибн Хāфсуна, «воцарилось эфемерное перемирие», однако оно было нарушено уже в 902 г. В последовавшем за этим сражением укрепленные корпусом севильской кавалерии войска Ибн Хāфсуна были разбиты; его заложников эмир приказал казнить [6, р. 266]. С севильским же правителем эмир примирился и отпустил его сына на свободу, и тогда Ибрāхīm вернулся к подчинению [8, р. 83; 10, р. 129–130; 6, р. 290].

Ибрāхīm б. Хаджжāдж превратил Севилью и прилегающие области в полунезависимое княжество [11, р. 31–32]. Он набрал себе войско, которому определил жалование, как это обычно делал эмир, собрав в его рядах 500 всадников. В Кордове у него были свои люди, которые осведомляли его о том, что происходит при дворе правителя. В Севилье у Ибрāхīма был собственный судья-*қадй*, градоначальник — *сāхīb мадйна*; в городе работала текстильная мастерская, носившая его имя [10, р. 132; 12, р. 109]. Под контролем Ибрāхīма также была Кармона. Его воспевали поэты, был он любителем диковинок: упоминают, что однажды, услышав о багдадской певице-невольнице Қамар, он направил значительные средства на Восток на ее приобретение [8, р. 11–12; 10, р. 130–132].

Когда Ибрāхīm умер, два его сына ‘Абд ар-Рахмāн и Муҳаммад разделили власть над регионом. ‘Абд ар-Рахмāн стал руководить Севильей, Муҳаммад, который был градоначальником Кармоны еще при жизни отца, остался там и после его смерти. Он завидовал ‘Абд ар-Рахмāну, которому досталась лучшая доля, и интриговал против своего брата, который умер в 913 г., отравленный невольницей. Однако это ни к чему не привело: в Севилье Муҳаммад так и не утвердился.

В 913 г. эмир ‘Абд ар-Рахмāн ан-Нāсир взял Севилью. Сложившиеся обстоятельства способствовали возвращению Севильи под власть эмира [6, р. 290].

После смерти ‘Абд ар-Рахмāна жители Севильи договорились избрать себе руководителем Ахмада, племянника Ибрāхīма, сына его брата Масламы, и решили не при-

нимать брата ‘Абд ар-Рахмāна Мухаммада, *сāхиба* Кармоны, вступив в противоборство с ним и его сторонниками. В этих обстоятельствах центральное правительство отдало приказ войскам осадить Севилью, а управление операцией поручить правителю Кармоны, предоставив ему в помощники Қасима б. ал-Валйда, занимавшего должность начальника стражи (*сāхиб аш-шурта*), у которого были дружеские отношения с Мухаммадом. Они вместе двинулись по направлению к Севилье и завладели близлежащими областями [10, р. 133; 6, р. 290].

Ахмад был «взят за горло» [10, р. 133], у него не оставалось выбора, и он попросил помощи у «величайшего мятежника ал-Андалуса» Ибн Хāфсūна [13, р. 5], который, отвлекшись от своих дел, пересек Гвадалквивир, придя на помощь своему новому союзннику [6, р. 290].

Однако итоги сражения сложились не в пользу Ибн Хāфсūна: он был разбит и поспешил вернуться в свою крепость в Бобастро. Предоставленный только своим силам, Ахмад заключил мир с ан-Нāсиром, сообщив ему, что готов сдать Севилью. Хāджиб эмира Бадр принял владение городом и подготовил торжественный въезд правителя 21 декабря 913 г. [6, р. 291]. Так ‘Абд ар-Рахмāн ан-Нāсир завладел Севильей без кровопролития и убийств [10, р. 134].

Эта новость огорчила Мухаммада: он вышел из Кармоны с войском и, достигнув Севильи, нанес удар. В разразившемся сражении Мухаммад был побежден и вернулся в Кармону. Когда эмир узнал об этом, то направил войско в поддержку новому ‘āмилу Севильи, а также отправил Қасима б. ал-Валйда к Мухаммаду, чтобы тот уговорил его вернуться в подчинение [10, р. 134–135].

Мухаммад понял, что «эпоха государств в государстве» [6, р. 291] закончилась. В апреле 914 г. он объявил о своем подчинении Кордове. Эмир предоставил ему титул и доход визиря и просил сопровождать в предстоящем походе. В июне того же года, по возвращении из похода, прибыв в Кармону, эмир обнаружил, что губернатор города Хāбиб б. ‘Умар, назначенный эмиром, восстал. Вскоре до эмира дошли сведения о том, что восстание это было согласовано с Мухаммадом [6, р. 291]. «И оклеветал его перед ан-Нāсиром тот, кто завидовал ему, сказав, что Ибн ‘Умар и Мухаммад лицемеры... Тогда эмир сместил Мухаммада с поста визиря и заключил его в тюрьму, а с ним и Ибн ал-Валйда, *сāхиб аш-шурта*...» Затем оба были освобождены [10, р. 134–135].

Мухаммад б. Ибрāхīm умер в апреле 915 г., Кармона была взята штурмом только 25 сентября 917 г. Мятежник-губернатор был доставлен в Кордову, заключен в тюрьму вместе с двумя сыновьями и казнен два года спустя [6, р. 291].

Так завершилась история рода банū Хāджжāдж, которые наряду с родом банū Хāлдūн были представителями йеменитских кланов, внесших значительную роль в политическую историю ал-Андалуса. Эти два арабских рода взяли верх после победы арабов в борьбе с мувалладами в 899 г., явившись зачинщиками произошедшего конфликта. После ссоры этих родов между собой глава одного из них, Ибрāхīm б. Хāджжāдж, стал фактически полунезависимым правителем области, признанным эмиром и со временем передавшим свою власть сыновьям [14, с. 45].

Правление бану Хāджжāдж Севильей длилось с 899 по 913 г. Новый эмир ал-Андалуса ‘Абд ар-Рахмāн III ан-Нāсир восстановил авторитет центральной власти, положив конец политическому расколу [15, р. 684].

Смута, царившая в ал-Андалусе в те времена, была универсальным явлением, характерным как для мусульманского, так и для христианского мира. В андалусской

фитне принимали активное участие представители различных этнокультурных и конфессиональных групп: арабы, берберы, муваллады, мусульмане и христиане. Все они, преследуя каждый свои собственные цели, влились в стремительный круговорот *фитны*. Противоречия, которые были между мятежниками, прежде всего различие их целей, не позволяли им объединить свои усилия, направив их в единое русло. Разумеется, свой вклад в развитие описываемых событий внесла и аднанитско-кахтанитская конфронтация, которая, хотя уже и утратила свой прежний размах, все же периодически напоминала о своем существовании. Мы можем увидеть ее признаки как в том, что представители определенного племени откликались на призыв своего вождя, так и в том, что на основе этого разделения осуществлялось формирование коалиции союзников. Недаром Э. Леви-Провансаль называет мударитов «естественными врагами» йеменитов, сообщая о том, что те не замедлили прийти на помощь мувалладам, когда между ними и йеменитами произошел конфликт [6, p. 255]. Однако приверженность *‘асабийи* не давала абсолютного единения членов племени или рода, и внутри них часто случались размолвки, как это хорошо видно на примере конфликта между представителями йеменитских родов бану Хаджжадж и бану Халдун, пусть даже и принадлежавших к разным племенам, однако все же являвшихся кахтанитами. Впоследствии разногласия возникли и внутри самого рода бану Хаджжадж. На основе описанных событий можно сделать вывод о том, что хотя аднанитско-кахтанитский конфликт в то время еще и продолжал играть роль объединяющего и разделяющего фактора, он уже не служил непосредственным стимулом к возникновению столкновений. Теперь на фоне многочисленных противоречий, разногласий и претензий, которые предъявляли друг другу различные группировки, аднанитско-кахтанитский конфликт стал просто еще одним проявлением центробежных тенденций наряду с другими, утратив роль фактора, определяющего ход исторических событий.

Литература

1. Abenalcotía el Cordobés. Historia de la conquista de España. Madrid: Ribadaneira, 1868.
2. James D. Early Islamic Spain. The History of Ibn al-Qutiya. NY: Routhledge, 2009 (Culture and Civilization in the Middle East).
3. Valencia R. Islamic Seville: Its Political, Social and Cultural History // The Legacy of Muslim Spain / ed. Salma Khadra Jayyusi. Leiden: E. J. Brill, 1994 (Project of translation from Arabic (PROTA)). P. 136–148.
4. Мишин Д. Е. Новое в историографии мусульманской Испании: дискуссия о характере и движущих силах гражданской войны конца IX — начала X в. // Восток. 2002. №1. С. 179–184.
5. Monés H. ‘Abd al-Rahman III y su papel en la historia de España // Revista del Instituto de estudios islámicos en Madrid. Vols. IX y X. Madrid, 1961–1962. P. 233–253.
6. Lévi-Provençal É. Histoire de l’Espagne musulmane. T. I. Le Caire: L’Institut français d’archéologie orientale du Caire, 1944 (Études historiques).
7. Ибн Халдун. Китаб ал-‘ибар... Т. IV. Харисса: Дār ал-кутуб ал-лубнāнī, 1958.
8. Ibn Ḥaiyān. Al-Muḳtabis. Vol. III: Chronique du règne du calife umaiyade ‘Abd Allāh à Cordoue. Texte arabe / Le P. Melchor M. Antuña, O. S. A. Paris: Librairie orientale, 1937 (Textes arabes relatifs à l’histoire de l’Occident musulman. Publiés sous la direction de E. Lévi-Provençal).
9. Французов С. А. Этнорелигиозная ситуация в Хадрамауте в VI–VII вв. // Труды Советско-йеменской комплексной экспедиции. Т. I. Хадрамаут. Археологические, этнографические и историко-культурные исследования ... М.: ГРВЛ, 1995. С. 314–329.

10. *Ibn-Adhári (de Maroc)*. Histoire de l'Afrique et de l'Espagne, intitulée Al-Bayáno l-Mogrib, par Ibn-Adhári (de Maroc), et fragments de la chronique d'Aríb (de Cordoue). Vol. II / Publiés par R. P. A. Dozy. Leyde: E. J. Brill, 1849–1851 (Ouvrages arabes).

11. *Makki Mahmoud*. The political history of al-Andalus 92/711–897/1492 // The Legacy of Muslim Spain / ed. Salma Khadra Jayyusi. Leiden: E. J. Brill, 1994 (Project of translation from Arabic (PRO-TA)). P. 3–87.

12. *Imamuddin S. M.* Some Aspects of the Socio-Economic and Cultural History of Muslim Spain. 711–1492 A. D. Leiden: E. J. Brill, 1965 (Medieval Iberian Peninsula. Texts and studies (MIP) Vol. II).

13. *Enan Mohammad Abdullah*. Ibn Khaldun. His Life and Works. New Delhi: Kitab Bhavan, 1997.

14. *Уомм У.М., Какиа П.* Мусульманская Испания. М.: Наука, 1976.

15. *Guichard P.* The social history of Muslim Spain from the conquest to the end of the Almohad regime (early 2nd/8th — early 7th/13th centuries) // The Legacy of Muslim Spain / ed. Salma Khadra Jayyusi. Leiden: E. J. Brill, 1994 (Project of translation from Arabic (PROTA)). P. 679–708.

Статья поступила в редакцию 18 июня 2012 г.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82-1/-9

Т. И. Корнильева

ШАНЬШУ КАК ЖАНР КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Категория книг шаньшу и жанр шаньшу

В Китае существует огромный класс произведений для чтения под общим названием «шаньшу». Дословно шаньшу 善書 — это «добрые книги», или «книги морали», полное название цюаньшаньшу 勸善書 — «книги, призывающие к добру». Это популярная религиозная литература морально-дидактического характера. Она предназначена для убеждения самых широких кругов творить добро и отказаться от зла. Такие книги бесплатно распространяют в храмах. Шаньшу стали появляться в Китае начиная с династии Сун (960–1127 гг.), и первой их них считается «Предания о молитвах, услышанных Высочайшим [Лао-цзы]» (*тайшан ганьин пянь*, 太上感應篇). Наибольшую популярность шаньшу имели во времена династий Мин (1368–1643) и Цин (1644–1911), однако и сегодня они имеют широкое хождение.

Категория книг шаньшу крайне неоднородна по составу. В нее входит огромное количество самой разнообразной печатной продукции. Изучив ассортимент шаньшу в современном Китае, можно обнаружить, что к этой категории относят и известные классические буддийские, и даосские произведения, входящие в Трипитаку (*сань-цзан цзин*, 三藏經), и Даоцзан (*даоцзан*, 道藏), соответственно, такие как «Сутра помоста Шестого Патриарха» (*Люцзу фабао тань цзин*, 六祖法寶壇經) или «Даодэцзин» (*Даодэцзин*, 道德經). Это могут быть и молитвенники, такие как «Сборник буддийских молитв» (*Фоцзяо няньсун цзи*, 佛教念誦集) или «Утренние и вечерние буддийские молитвы» (*Фоцзяо цзаовань кэсун*, 佛教早晚課誦). Шаньшу — это и сборники лекций современных буддийских наставников, построенных по традиционной схеме «вопрос-ответ», например, книга «Дхарма среди людей» (*Фофа цзай жэньцзянь*, 佛法在人間) наставника Вэй-сяня (惟賢). К шаньшу относятся и брошюры с броскими названиями «50 вопросов, возникающих при изучении буддизма» (*Сюэ фо уши вэнь*, 學佛五十問) или «Почему в буддизме Ваджраяны не едят мяса» (*Мицзун вэйшэнмэ яо шису*, 密宗為什麼要食素). Есть и шаньшу, рассчитанные на детей. К ним можно отнести как зна-

менитый «Канон трех иероглифов» (*Сань цзы цзин*, 三字經), датируемый династией Южная Сун (XIII в.), своего рода «букварь», по которому раньше дети учились читать, так и современные рассказы о добродетельных поступках «Маленькие истории, большая мудрость» в двух томах (*Сяо гуши да чжихуй*, 小故事大智慧). Более того, к шаньшу в широком смысле относят и такие книги, как, например, «Так питаться правильно» (*чжэян чи цзуй цзянькан*, 這樣吃最健康) тайваньского врача-диетолога по имени Цзян Шу-хуй (姜淑惠), в которых даются рекомендации относительно здорового питания и приводятся рецепты вегетарианских блюд.

Есть и чуть более строгое, традиционное определение шаньшу, которое исключает доктринальные тексты и кулинарные книги. Тогда под шаньшу подразумевают китайские «апокрифические», неканонические религиозные произведения, не признаваемые официальной церковью (но, правда, часто и не отвергаемые), основная идея которых — разъяснить в доступной простолюдinам форме на близких им примерах основные положения учения и наставить их на путь истинный.

Существует несколько типологий книг шаньшу. Французский исследователь даосизма Винсент Гооссарт по содержанию разделяет шаньшу на три категории:

- откровения (в форме канонов *цзин* 經 или поэм),
- комментарии к откровениям,
- таблицы *гунгоэ* 功過格¹ [1, p. 163].

Стоит отметить, что в отечественной и западной синологии книги шаньшу часто называют «жанром шаньшу» (*shanshu genre*), что не вполне корректно, так как у этих произведений присутствует всего лишь один общий жанрообразующий признак — пафос, а этого явно недостаточно для выделения их в особый жанр литературы. В этом смысле следует все же говорить о категории книг шаньшу или просто о книгах шаньшу.

Китайская исследовательница из Сычуаньского Университета Чэнь Ся (陈霞) в своей работе «Исследование даосских шаньшу» предлагает следующую типологию шаньшу:

- разъясняющие (теоретические) шаньшу (*шо ли син*, 說理性), например, *Тайшан ганьин пянь*, 太上感應篇, «Предания о молитвах, услышанных Высочайшим [Лео-цзы]»;
- карающие за зло (*чэн э син*, 懲惡性), например, *Юйли чаочжуань*, 玉曆鈔傳, «Копии Нефритовых Скрижалей»;
- функциональные (*цао цзо син*, 操作性), например, *Тайвэй сяньцзюнь гунгоэ*, 太微仙君功過格, «Таблица заслуг и проступков Бессмертного господина Тай-вэй»;
- разъясняющие и описывающие исторические события (*шо ли юй цзи ши син цзе хэ*, 說理與紀事性結合), например, *Вэньчан дицзюнь иньчживэнь*, 文昌帝君陰騭文, «Нравоучительное Сочинение Владыки Вэнь-чана» [цит. по: 2, с. 81].

Таким образом, оба исследователя совершенно справедливо выделяют таблицы гунгоэ в отдельный класс, однако если Гооссарт останавливается на общем делении шаньшу на собственно произведения и комментарии к ним, то Чэнь Ся предлагает более дробное деление шаньшу по характеру произведений, не выделяя, однако, отдельно комментарии.

¹ Гунгоэ (功过格) — «Таблицы заслуг и проступков», представляют собой списки деяний и их оценку. По представлениям китайцев, если по предлагаемым в гунгоэ инструкциям каждый день оценивать свои поступки, то, подсчитав баллы по особой таблице, можно узнать, что ожидает человека после смерти — ведь в загробном мире ведется точно такая же калькуляция.

К категории шаньшу нередко относят и произведения жанра *баоцзюань* (寶卷)², что не лишено основания, ведь они сходны по своей функции, однако *баоцзюань* не были указаны в вышеперечисленных классификациях.

Между тем в категории книг шаньшу довольно четко выделяется еще один ряд произведений, имеющий некоторые общие жанровые особенности (по классификации Чэнь Ся они подошли бы в раздел «шаньшу, карающие за зло»). Такие произведения мы будем называть шаньшу в узком смысле. К ним относятся такие тексты, как «Нефритовые скрижали» (*Юйли баочао*, 玉曆寶鈔), «Избранные нефритовые законы Колеса перерождения» (*Юйчжунь лунькэ цзисяо*, 玉准輪科輯要, другое название — «Законы Колеса перерождения», *лунькэ*, 輪科), «Небесные законы» (*Тяньлюй шэндянь*, 天律聖典), «Драгоценные записи, озаряющие тьму» (*Дунмин баоцзи*, 洞冥寶記), «Записи о путешествии в Ад» (*Диюй юцзи*, 地獄遊記), «Записи о путешествии в Рай» (*Тяньтан юцзи*, 天堂遊記) и другие. Безусловно, во всех шаньшу наличествует такой отличительный признак литературного творчества, как социальное значение, однако в отличие от других текстов шаньшу, шаньшу в узком смысле обладают также фабулой и, пусть не очень развитым, сюжетом. Кроме того, они апеллируют не к разуму, а к чувству. Все это дает нам право считать шаньшу в узком смысле именно произведениями художественной литературы.

Рассмотрим более подробно, какие общие жанрообразующие признаки присущи шаньшу в узком смысле³.

— Содержание произведения (тематика, проблематика).

В текстах шаньшу наличествует религиозно-мистическая проблематика. Содержание этих произведений — последовательные описания загробного мира, подкрепленные моралистическими рассказами о тех или иных поступках людей и о полученном воздаянии.

— Способ повествования, описания, воспроизведения событий, явлений, системы образов, героев.

Рассказ ведется от лица человека, волшебным образом оказавшегося в ином мире, где ему были переданы некоторые сокровенные знания для распространения среди людей. Другими словами, мы можем сказать, что в шаньшу в узком смысле присутствует образ визионера. В этом сходство способа изложения, характерного для шаньшу, с традицией буддийских сутр. Изложение событий линейное, последовательное. Персонажи шаньшу часто изображены еще довольно плоско, что свойственно средневековой литературе в целом. Однако они становятся очень популярны среди читательских масс и впоследствии часто выступают в качестве героев авторских произведений, где у них появляются реплики, более четко обрисовывается характер, добавляются новые детали.

— Отношение авторов к изображаемому.

«Автор», а точнее, лирический герой — визионер, представлен как реальный очевидец описываемых событий, что максимально приближает его образ к читателю и соответственно вызывает больше доверия к самому повествованию.

— Пафос произведения.

Основная идея (пафос) шаньшу — убедить людей творить добро и показать им, что ожидает грешников после смерти. Шаньшу в узком смысле, конечно, тоже несут

² Баоцзюань — жанр китайской религиозной литературы представляет собой пропагандистские сочинения, изложенные в простонародно-повествовательной форме.

³ Здесь мы опираемся на список признаков жанра, предложенный в [3, с. 278].

дидактическое начало, однако, в отличие от тех же таблиц гунгогэ, оно раскрывается на уровне художественного образа.

— Приемы обрисовки, изобразительно-выразительные средства.

Шаньшу предназначались для самых широких слоев населения, что обусловило особенности их изобразительно-выразительных средств. Шаньшу должны были быть понятными и западать в душу. Повествование ведется прозой, язык повествования в шаньшу довольно простой, это либо очень доступный классический китайский, либо *байхуа* (白話)⁴. Здесь нет скрытых аллюзий, если и встречаются цитации древних классиков, то они снабжены комментарием. Описания — яркие, подробные, часто в них очень объемно представлен образ ада и адских мытарств. В этих книгах очень точно изображена топографическая конкретика загробного мира, так, например, описание устройства любого ада начинается с подробного объяснения, где он находится и из каких отделений состоит. Нередко шаньшу снабжены иллюстрациями для еще большей наглядности, которые также дают нам немаловажные сведения насчет представлений о потусторонней жизни. В произведениях шаньшу часто настойчиво повторяется мысль о том, что распространение данного текста может исправить карму и смягчить, если не помочь полностью избежать, наказания в загробной жизни.

В этом ключе можно провести аналогию между шаньшу в узком смысле и европейским средневековым жанром «видений» или «хождений в загробный мир».

Таким образом, мы можем с уверенностью утверждать, что произведения шаньшу в узком смысле относятся к определенному жанру художественной литературы, который можно охарактеризовать как прозаический жанр китайской религиозной литературы среднего или малого объема. Этот жанр мы будем называть литературным жанром шаньшу.

Генетически жанр шаньшу восходит к буддийским рассказам *сяошо* о хождении в потусторонний мир (*чжигуай сяошо*, 志怪小说), чрезвычайно популярным в V–VIII вв. н.э. (например, Лю И-цин (劉義慶) «Подлинные события» (*Сюань янь цзи*, 宣驗記); Ван Янь (王琰) «Вести из потустороннего мира» (*мин сянь цзи*, 冥祥記); Хоу Бо (侯白) «Достопамятные происшествия» (*цзин и цзи*, 旌異記); Тан Линь (唐臨) «Загробное воздаяние» (*Мин бао цзи*, 冥報記)). Однако жанр шаньшу отличается от *сяошо* тем, что не может даже в теории являться авторской прозой. Несмотря на то, что иногда дается ссылка на какого-то персонажа, бывшего свидетелем удивительных событий, мы не можем с уверенностью утверждать, что произведение принадлежит ему, тем более что традиция приписывает авторство этих текстов некоему божеству. Кроме того, если в *сяошо* загробный мир представлен фрагментарно, то в шаньшу дается подробное, системное описание загробной жизни.

К какой религии относятся произведения жанра шаньшу

Произведения жанра шаньшу, несомненно, несут религиозную окраску. Тем не менее некоторые из этих произведений считаются чисто даосскими или буддийскими, однако с точки зрения содержания такое разделение носит крайне условный характер, так как в шаньшу отражены взгляды всех трех учений Китая: конфуцианства, даосиз-

⁴ Байхуа — в литературном смысле — язык, максимально приближенный к разговорному, в отличие от письменного языка классической китайской литературы (*вэньяня*, 文言文).

ма и буддизма, кроме того, в них представлены и народные верования. Построение картины загробного мира в шаньшу во многом опирается на буддийскую модель мира, однако представление о четкой иерархии небесной канцелярии явно берет свое начало в конфуцианстве. Несмотря на это, в шаньшу нет ясности, кто же возглавляет Подземный мир. Судя по шаньшу, создается впечатление, что и Ямараджа (*Янь-ло-ван*, 閻羅王)⁵, и Кшитигарбха (*Дицзан-ван*, 地藏王)⁶, и Дунъюэ Дади (東岳大帝)⁷ имеют практически равные права на этот пост, кроме того, все вышеперечисленные персонажи подчиняются Шан-ди (上帝, «Верховный владыка»), или как его еще называют, Юй-ди (玉帝, «Нефритовый Император») — верховному богу в народных верованиях. Если говорить о легендах, как шаньшу были дарованы читателям, описанных в самих текстах шаньшу, то считается, что «Избранные нефритовые законы Колеса перерождения» были дарованы людям даосским бессмертным Люй Дун-бином, книга «Небесные законы» приписывается Конфуцию, а «Нефритовые скрижали», по легенде, были написаны служителями ада по приказу Фэнду Дади⁸. Из всего вышесказанного следует, что невозможно относить произведения жанра шаньшу к какой-либо одной религии, более правильно называть шаньшу произведениями «народной религии».

Особенности бытования шаньшу

Особенностью бытования произведений жанра шаньшу является то, что они не остаются неизменными на протяжении времени, а живут своей жизнью — что-то из них убирается, что-то добавляется, каждый следующий переписчик имеет право дописать какие-нибудь ему известные истории о добродетели или рассказать, что подвигло его к переписыванию (или изданию) этих книг. В одном из имеющихся у нас списков «Нефритовых скрижалей» есть памятка тем, кто хочет самостоятельно издать эту книгу, в которой, помимо некоторых очевидных рекомендаций, например, о том, что надо бережно относиться к тексту, подбирать надлежащую религиозной литературе обложку и т. д., есть еще один интересный пункт: если человек хочет дописать какие-то истории о воздаянии, но не обладает достаточными способностями, то ему следует обратиться к более образованным людям за помощью. Однако там же сказано, что вносить коррективы можно в любую часть книги, исключая главы с первой по пятую, которые собственно составляют основной корпус книги, ибо они дарованы Небесами. Очевидно и то, что на протяжении почти 10 столетий существования «Нефритовых скрижалей» понятие греха не могло остаться неизменным, да и новые реалии тоже требуют от шаньшу морально-этической оценки. Следовательно, эти главы, а значит, и сама книга, в изначальном виде могли потерять свою актуальность. Однако этого не произошло, и в «Нефритовых скрижалях», изданных в XX в., например, появляется новый зал ада, предназначенный для жертв абортот и безвременно погибших под коле-

⁵ Ямараджа — первоначально индуистское божество, покровитель Рая. В Китае превратился в одного из покровителей ада.

⁶ Кшитигарбха (*Дицзан Ван*, 地藏王) — один из четырех великих Бодхисаттв в Китае, один из покровителей ада.

⁷ Дунъюэ Дади — «Великий император Восточной горы», его еще называют Тайшань-шэнь 泰山神 — «Бог горы Тайшань». Его почитают не только как главу ада, но и как судью 7-го зала. Храмы в его честь распространены по всему Китаю.

⁸ Фэнду дади (酆都大帝) — протонародное божество, защитник города Фэнду, управляет выходом из ада в мир людей.

сами автомобилей, в котором души ожидают окончания срока изначально отмеренной им жизни. Эти модернизированные версии шаньшу могли возникнуть только после особого ритуала, во время которого испрашивают мнение божества на ту или иную проблему. Этот ритуал называется прямые гадания фулуань⁹, во время него задаются вопросы к духам, ответы на которые те дают «непосредственно», т. е. через управление предметом, в который они, как считается, вселяются. Так истолковываются покачивания куклы в руках гадающего, узоры, которые чертит шило, подвешенное над совком с песком, и пр. Неудивительно, что такое отношение к шаньшу породило огромное количество списков одного и того же произведения; и под одним названием на самом деле может оказаться вовсе не одинаковое содержание. Например, из имеющихся у нас 18 списков «Нефритовых скрижалей», собранных за последние 3 года, нет двух идентичных. Это, конечно, очень усложняет их изучение.

Особенности распространения шаньшу

Существуют несколько больших печатных центров, издающих шаньшу. Наиболее влиятельные из них находятся в провинции Хэбэй и на о. Тайвань. Крупные буддийские и даосские общины по всему Китаю также издают шаньшу, а потом рассылают их по храмам. В этом случае в книге обычно указано, община какого города или какого монастыря издала книгу. Говоря об издании шаньшу, нельзя не упомянуть о наставнике Цзин-куне (淨空老法師)¹⁰, который активно занимается распространением и популяризацией шаньшу.

Частные лица также могут сами напечатать шаньшу, обратившись в полиграфические центры, но тогда, естественно, исходные данные книги будут отсутствовать, однако может быть указан тираж и фамилия мирянина, а также сумма, потраченная на печать. Часто шаньшу печатает не один человек, а несколько семей. Сейчас начинают создаваться и Интернет-сайты шаньшу, как, например, «официальный сайт» одного из самых популярных сводов правил добродетельного поведения — «Нефритовые скрижали» 玉曆寶鈔 [4]. Здесь можно и почитать книгу онлайн, и скачать текст и иллюстрации к книге, что значительно облегчает задачу тем, кто хочет самостоятельно распространять «Нефритовые скрижали», ведь теперь не требуется самому набирать текст и сканировать картинки. Это одновременно в некоторой степени защищает «Нефритовые скрижали» от ошибок, возможных при наборе текста.

Некоторые верующие миряне взяли на себя вопрос организации печати шаньшу. Через них можно выбрать из предлагаемого списка позиций понравившуюся книгу шаньшу, заказать ее и выкупить уже напечатанную продукцию для дальнейшего безвозмездного распространения. Довольно широко известен на этом поприще некий мирянин Бодхи (菩提居士) из города Хуанши (黃石) провинции Хубэй (湖北). Есть и более простой способ самостоятельно размножить шаньшу — сделать ксерокопию. До сих пор остается живым традиционный, хотя сейчас уже отнюдь и не самый популярный, способ копирования шаньшу — переписывание от руки.

Книги шаньшу обычно бесплатно раздают в храмах и монастырях, как даосских, так и буддийских. Часто в храмах можно видеть прилавки или столик, на котором раз-

⁹ Такие гадания еще называются фуцзи 扶乩, фуци 扶箕, фулуань 扶鸞 (扶鸞 или 扶鸞).

¹⁰ Наставник Цзин-кун 淨空老法師 (р. 1927 г.) — буддийский монах, организатор всемирной сети учебных центров Чистой Земли (Pure Land Learning Centers).

ложены религиозные книги и брошюры, диски с лекциями известных монахов, плакаты с изображением божеств. У таких столиков обычно дежурят служители храма, которые помогают людям сориентироваться в море религиозной литературы, объясняют основную идею той или иной книги, советуют, что лучше прочитать сначала, а что взять на потом. Обычно книги шаньшу берут с возвратом, но это не обязательно. В некоторых храмах книги шаньшу кладут в небольшие открытые шкафчики около входа в какой-нибудь зал, и тогда прихожане сами выбирают книги и меняют их на новые. Часто можно видеть книги шаньшу и в религиозных вегетарианских ресторанах и чайных, и, конечно же, в магазинчиках, торгующих курительными палочками, одеждой для паломников, четками и проч., расположенных неподалеку от храмов. Но иногда в магазинах или даже в ларьках на рынках, торгующих и самыми обыденными предметами, можно увидеть небольшой алтарь с изображением какого-нибудь божества, фотографией буддийского наставника, или молитвенным барабанчиком на батарейках, а рядом будет лежать стопочка книг шаньшу: семья, держащая этот магазинчик, верующая, и для улучшения собственной кармы они сами печатают и раздают покупателям эти книги.

В данной статье мы рассмотрели категорию книг шаньшу и пришли к следующим выводам:

- часть из книг шаньшу выделяются из массы текстов, бытующих под таким названием, и имеют общие жанровые особенности;
- проанализировав эти общие особенности, мы определили, что эти произведения действительно относятся к одному литературному жанру, который мы предлагаем называть жанром шаньшу;
- жанр шаньшу имеет аналогию в европейской литературе, а именно жанр хождений в загробный мир;
- шаньшу невозможно отнести к литературе какой-либо одной религии, в них отражаются «народные верования», испытавшие влияния всех трех основных китайских учений;
- произведения жанра шаньшу обладают высокой флуктуацией, что создает определенные трудности при их изучении.

Литература

1. Goossaert V. L'interdit du bœuf en Chine. Agriculture, éthique et sacrifice. Paris, 2005.
2. Лю Шоухуа. Цун баоцзюань дао шаньшу (От баоцзюань до шаньшу). 劉守華 從寶卷到善書, 2007.
3. Введение в литературоведение / под общ. ред. Л. М. Крупчанова. М., 2009.
4. URL: www.ylbcw.cn (дата обращения: 25.04.2012).

Статья поступила в редакцию 18 июня 2012 г.

М. Н. Суворов

РЕАЛИЗМ И МОДЕРНИЗМ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ СТРАН АРАВИИ

Процесс обновления арабской литературы, т.е. отхода ее от канонов, сложившихся в эпоху классического мусульманского средневековья, и заимствования идейно-художественного опыта литератур стран Запада, начался, как известно, в Египте, Ливане и Сирии еще в середине XIX в. Страны Аравийского полуострова стали присоединяться к этому процессу гораздо позже, начиная со второй трети XX в. В силу потребностей аравийского общества того времени, нуждавшегося прежде всего в просвещении, основным идейно-художественным направлением в зарождавшихся новых аравийских литературах становится просветительство с выраженными чертами сентиментализма и частично романтизма. Однако ожидавшие страны Аравии вскоре после окончания Второй мировой войны социально-политические потрясения и серьезные социально-экономические трансформации во многом лишают просветительскую идеологию актуальности, и основным вектором развития литературы здесь становится реализм. Огромную роль в распространении в литературах Аравии реалистического метода освоения действительности сыграли и послевоенная интенсификация контактов между интеллектуальными кругами разных арабских стран, и интенсивное развитие общеарабского информационного поля: печатной прессы, затем радио, затем телевидения. Именно на этапе развития реалистического направления в аравийских литературах окончательно формируются современные художественные прозаические жанры: очерк, новелла, роман, пьеса. Одновременно эти литературы приобретают выраженные национальные черты, определяемые как особенностями культуры, быта, общественной и политической жизни аравийских стран, так и особенностями местных наречий арабского языка, вводимых в повествование.

В Иордании толчком к развитию реалистического направления в литературе послужила трагедия палестинского народа, которая затронула страну самым непосредственным образом и не имела никакого решения в рамках просветительской идеологии, так как не была связана ни с уровнем культуры, ни с уровнем нравственности двух народов: еврейского и палестинского. С конца 40-х годов палестинская проблема стала «определяющей в творчестве иорданских писателей, важнейшим показателем национальной специфики иорданской литературы» [1, с. 124]. Роман Абд аль-Халима Аббаса «Девушка из Палестины» (1949) — первый в Иордании роман, посвященный палестинской трагедии, — считается одновременно и первым в национальной литературе опытом реалистического романа, в котором показано влияние социальных и исторических обстоятельств на формирование личности героев. Интенсивный приток в Иорданию с конца 60-х годов палестинских беженцев, многие из которых обладали сформировавшимся социально-детерминистским взглядом на жизнь, были начитаны в современной им литературе Египта, Ливана и Сирии и активно сотрудничали в иорданских печатных изданиях, способствовал быстрому переходу национальной литературы на позиции реализма.

В Йемене реалистические тенденции в литературе стали набирать силу с начала 60-х годов — на волне резкого подъема национально-освободительного движения в Адене, тогда британской колонии, сопровождавшегося развитием партийной прессы, которая предоставляла свои страницы местным прозаикам и поэтам. Тяжелая социально-экономическая обстановка в Адене, массовое стремление к изменению общественно-политического строя как в Южном, так и в Северном Йемене, начавшаяся партизанская война против англичан — все это очень быстро лишило просветительские идеи актуальности и породило в местной творческой среде политизированный взгляд на окружающую действительность, результатом чего стал переход литературы от просветительства к реализму. Рассказы героико-романтического и реалистического характера в эти годы публикуют Салех ад-Даххан, Ахмед Махфуз Омар, Абдаллах Бавазир, Али Базиб, Абд аль-Маджид аль-Кады, Камаль Хайдар и другие авторы; окончательное же закрепление реалистического направления в литературе Йемена связано с творчеством Мухаммеда Абд аль-Вали, писавшего в те годы малую и большую прозу. В 70-е годы, после образования двух независимых йеменских государств, НДРЙ и ЙАР, героико-романтическое направление в национальной литературе почти сразу затухает, так и не получив существенного развития. Реалистические новелла и роман, посвященные оставшимся не решенными многочисленным социально-политическим и культурным проблемам, приобретают истинно национальный колорит в творчестве таких северойеменских авторов, как Зейд Даммадж, Рамзия аль-Ирьяни, Мухаммед Мусанна. В Южном Йемене, вставшем на социалистический путь развития, в это время пропагандируется метод социалистического реализма, следование которому не приводит здесь к созданию ни одного зрелого в художественном отношении произведения¹.

В Саудовской Аравии и странах Персидского залива формирование реалистического направления в литературе оказалось связанным не с социально-политическими потрясениями, как это было в Иордании и Йемене, а с резким ускорением темпов экономической модернизации, вызванным нефтяным бумом 70-х годов. В это время в нефтедобывающих странах интенсивно развиваются пресса и система образования, идет постоянный приток интеллигенции, в том числе творческой, из других арабских стран, сотни молодых аравийцев отправляются на учебу в арабские, европейские и американские университеты. За границей молодые люди получают представление о другой культуре, другом образе жизни, меняя свое отношение к традиционному социальному укладу в собственных странах, к ценностям и понятиям, регулирующим поведение человека в аравийском, или даже вообще мусульманском обществе. Старые просветительские идеи при этом теряют свою актуальность: огромные нефтяные доходы сами по себе обеспечивают рост благосостояния населения, создавая ощущение всеобщего благополучия. В этих условиях одним из главных общественных конфликтов становится противостояние обладающих разным жизненным опытом «отцов» и «детей» в вопросе модернизации общественных нравов, сохранения собственных культурных традиций или заимствования западных. Эта тема дает определенную пищу для просветительского морализаторства, все еще сохраняющегося в литературах Аравии, но одновременно заставляет писателей рассматривать этот конфликт в реалистическом ключе.

Наиболее остро противостояние «отцов» и «детей» выражается в отношении к неполноправному положению женщины в обществе, что делает женскую тему едва ли

¹ О йеменской художественной прозе XX в. см. [2].

не центральной в художественной литературе аравийских стран. Изображение типичных женских судеб, внутреннего мира страдающих героинь само по себе становится важным фактором формирования здесь реалистического направления и одновременно характерной чертой новых литератур стран Аравии. Особенно яркое выражение женская тема получает в творчестве аравийских писательниц, число которых в результате развития женского образования и модернизации домашнего быта, освобождающей женщину от многих трудоемких занятий, постоянно растет, приближаясь к числу авторов-мужчин. В произведениях последних критике часто подвергается и половая сегрегация, невозможность свободного общения с женщиной, заставляющая неженатого мужчину постоянно испытывать чувство неудовлетворенности, ярко изображенное, например, в рассказах известного кувейтского писателя Исмаила Фахда Исмаила (сборник «Бурое пятно», 1965).

Другой темой, стимулирующей развитие критического реализма, становится изображение тяжелой жизни трудовых иммигрантов — арабов и не арабов, — которые в нефтедобывающих странах Аравии составляют значительную долю населения. Этот социальный слой оказался здесь как бы двойником тех «угнетенных классов», чье бедственное положение стало в свое время причиной распространения в творческих кругах Египта, Ливана и Сирии левых идей, способствовавших окончательному вызреванию в литературах этих стран критического реализма. Можно отметить, что произведения аравийских авторов, посвященные теме иммигрантов, в большей степени, чем какие-либо другие, несут в себе черты критического реализма. Впервые отчетливо прозвучавшая в рассказах Исмаила Фахда Исмаила (сборники «Бурое пятно», 1965, «Клетки и общий язык», 1974), дальнейшее развитие эта тема получила в творчестве другого кувейтского писателя Талеба ар-Рифа'и (сборник «Да здравствует Абу Адждадж!», 1992, роман «Тень солнца», 1998), в рассказах Насера аз-Захери и Абд аль-Хамида Ахмеда из ОАЭ.

Хотя черты реализма появились в литературах некоторых нефтедобывающих стран Аравии, как мы видим, еще в 60-е годы, а знакомство с образцами арабской и западной реалистической литературы проходило здесь чрезвычайно динамично, развитие реалистического направления в собственных литературах этих стран в течение долгого времени сдерживалось рядом внутренних факторов социально-политического и культурного характера. Главным из этих факторов является существование жесткой государственной и религиозной цензуры, не позволяющей писателю касаться вопросов религии, политики, интимных отношений между мужчиной и женщиной. Любому литератору, пытающемуся нарушить эти табу, рискует подвергнуться себя гонениям, оказаться в тюрьме или в изгнании.

Другой фактор, присущий всем странам Аравии без исключения, состоит в своеобразной самоцензуре автора. В условиях аравийского общества, которое до сих пор во многом остается традиционным, писатель в своем самовыражении настолько связан религиозными, сословными, гендерными и прочими ограничениями, что он не только не может откровенно высказывать свое мнение по многим вопросам, но зачастую само его мнение является предвзятым, необъективным, сформированным исключительно его собственной конфессиональной, сословной или племенной средой, от которой во многом зависит его личное благополучие. Все это приводит к тому, что ему не удастся объективно представить характер отношений между личностью и обществом, выставить напоказ внутренний мир своих персонажей, показать истинную мотивацию их

поступков. При этом основным мотивом в литературе является не вызов, осознанно бросаемый личностью обществу, а трагедия человека, неспособного удовлетворить ожидания и требования общества. Так, характеризуя преобладающий тип конфликта в произведениях современной прозы Кувейта, польская исследовательница Б. Мишалак-Пикульска пишет: «Мужчина должен иметь силу, материальный достаток и хорошее общественное положение, выражающееся в занимаемой должности и принадлежности к влиятельной семье. От женщины требуется полное подчинение, добросовестное выполнение домашних обязанностей и способность производить многочисленное потомство. Если один из перечисленных элементов отсутствует, общество реагирует безжалостно, выкидывая человека на обочину жизни» [3, р. 49]. Позиция писателя при этом часто заключается в простом сочувствии к такому человеку, в призыве пощадить его, а не в отрицании общественных устоев. Как справедливо отметил известный российский востоковед А. М. Васильев, написавший предисловие к сборнику переводных рассказов писателей Аравии 70-х годов, большинство этих рассказов «не выходят за рамки традиционного подхода мусульманского общества к проблеме богатства и нищеты», заключающегося в идее сострадания имущих к неимущим, и едва ли могут восприниматься «как выражение качественно нового социального сознания» [4, с. 8]. Вкратце этот недостаток аравийской реалистической прозы можно охарактеризовать тем же выражением, какое использовала В. Н. Кирпиченко, говоря о слабости египетского романа первой трети XX в., а именно «недостаточной напряженностью силового поля между двумя полюсами — человеком и обществом» [5, с. 22]².

Немаловажную роль в «скованности» аравийского автора играет еще одно обстоятельство. Массовое сознание населения стран Аравии до сих пор еще склонно воспринимать описываемое в художественном произведении как личный опыт автора. Автор поэтому показывает лишь те ситуации и те стороны внутреннего мира своего героя, которые, будучи воспринятыми как личный опыт автора и как черты его собственного внутреннего мира, не смогут испортить его общественную репутацию. Все это лишает произведение сюжетной остроты, психологизма, и в результате — художественной зрелости.

Изложенное выше во многом объясняет, почему развитие реалистического направления в литературах стран Аравии до момента появления в этих литературах модернистских тенденций, т. е. до середины 70-х годов, не привело к созданию крупных произведений, которые можно было бы назвать образцами зрелого реализма. Первые такие произведения, в которых реалистически изображены не только внешние обстоятельства, но и внутренний мир человека, появились позже, уже в 80-е годы. В их числе романы «В осаде» (1983) бахрейнки Фаузии Рашид, «Аль-Васмия» (1984) саудита Абд аль-Азиза Мишри, «Заложник» (1984) йеменца Зейда Даммаджа, «Женщина и кошка» (1985) кувейтки Лейлы аль-Усман, «Бадрия» (1989) кувейтца Валида ар-Руджеййиба, «Песня воды и огня» (1989) бахрейнца Абдаллаха Халифы, «Трое полуночников» (1989) йеменца Са'ида Аулаки. Другие произведения большой прозы 70–80-х годов, как правило, объединяли в себе черты реализма, романтизма, входящего в моду модернизма, часто с сохранением свойственной просветительству назидательности. Так, например, в многочисленных романах Исмаила Фахда Исма-

² Сама В. Н. Кирпиченко использовала здесь выражение И. Д. Никифоровой из ее монографии «Африканский роман» (М., 1977).

ила, посвященных разным эпизодам новой и новейшей истории арабского мира, реалистический сюжет, обычно основанный на документальном материале, всегда сочетается с различными модернистскими приемами, такими как поток сознания, и с характерным для романтизма образом главного героя, обладающего выдающимися личными качествами, невероятным патриотизмом, никогда не сомневающегося и не страшась смерти. В романе Лейлы аль-Усман «Васмия выходит из моря» (1986) острая социальная критика, направленная в адрес сословного расслоения кувейтского общества, воплощена в романтическом сюжете, отсылающем читателя к средневековым арабским преданиям о разлученных влюбленных. В романе писателя из ОАЭ Али Абу-р-Риша «Признание» (1982) главная, сентиментально-назидательная сюжетная линия вписана в реалистически изображенную картину жизни страны периода модернизации. Сочетание черт просветительства и реализма присуще произведениям большинства оманских авторов 70–80-х годов: Ахмеда Биляля, Махмуда аль-Хусайби, Су'уда аль-Музаффара, Сейфа ас-Са'ди, Али аль-Кальбани, Садека аль-'Абдавани, Хамада ан-Насери, Хамада б. Рашида б. Рашеда (см.: [6]). Примеров подобного объединения черт разных художественных направлений в одном произведении в аравийской литературе очень много.

Относительное «созревание» реалистического направления в аравийских литературах пришлось, таким образом, на тот их этап, который можно уже назвать модернистским. Вероятно, именно описанные выше препятствия, стоявшие на пути развития реализма, объясняют ту готовность, с которой писатели стран Аравии заимствовали у своих египетских и ливанских собратьев по перу модернистскую манеру письма с ее отказом от изображения объективной реальности, интересом к подсознательному (а не сознательному), возможностью конструирования субъективного образа мира, часто сюрреалистического, иррационального. Хотя аравийские авторы вполне могли быть знакомы с арабскими переводами и интерпретациями работ З. Фрейда, Ж. П. Сартра и Р. Гароди, ставшими идеологической базой развития модернизма в литературах Египта, Ливана и Сирии, едва ли это знакомство само по себе могло сформировать у них новый взгляд на задачи литературы, да и реалистический метод не мог еще стать для них «устаревшим», каким он стал для египетских новеллистов «новой волны» 60-х годов (о них см.: [5, с. 111–193]). Скорее всего, именно сложность изображения объективной реальности в условиях всевозможных общественно-моральных и цензурных ограничений стала главной причиной увлечения аравийских писателей модернизмом — спустя лишь десятилетие после того, как это направление утвердилось в литературах Египта и Ливана. Впрочем, нельзя отрицать и ту роль, которую в распространении модернизма могло сыграть изменение собственного мироощущения аравийских авторов. В нефтедобывающих странах это изменение было вызвано разрушением привычного духа родоплеменной сплоченности, жесткостью новых правил деловой жизни, длительным пребыванием молодых людей в «неуютной», чуждой для них среде за рубежом. В Йемене, где основной формой модернизма стал мрачный иррационализм и сюрреализм — по подобию египетского модернизма 60–70-х годов (о нем см.: [5]), — это изменение было порождено атмосферой разочарования, общественного пессимизма, сложившейся в обеих частях страны в 70–80-е годы. В Иордании же оно было вызвано крахом надежд на решение палестинской проблемы и отсутствием в этом вопросе какой-либо перспективы. Не случайно основными мотивами в модернизме всех аравийских литератур — сначала в жанре новеллы, а позже и в романе — становятся

чувство отчуждения, ощущение иррациональности мира, потеря жизненных ориентиров и надежд на будущее. «Ощущение кризиса пронизывает весь текст, — пишут о модернистской новелле авторы предисловия к антологии современной саудовской литературы, — словно все тревоги личности слились с общим напряжением в обществе, кризис охватил все сферы, в том числе интеллектуальную и психологическую. Речь идет в первую очередь о чувстве отчуждения, от которого страдают почти все герои рассказов этого поколения» [7, с. 31]. И далее: «Новеллисты этого поколения не выдумали чувства отчуждения и писали о нем вовсе не потому, что “вычитали” его в произведениях других авторов. Совсем наоборот, они жили в этой атмосфере отчуждения и страдали от нее и в личной жизни, и в работе» [7, с. 33].

Таким образом, причинами быстрого распространения модернистского направления в литературах стран Аравии можно считать и сложившуюся в этих странах общественную атмосферу, сходную с той, которая ранее стала почвой для развития модернизма в Египте и Ливане, и существующие здесь препятствия для развития реалистического направления. При этом модернистский этап развития аравийских литератур в хронологическом отношении, как мы видим, существенно наложился на этап реалистический, а в случае литератур ОАЭ, Катара и Омана можно говорить об их полном совпадении.

Если в 70–80-е годы модернизм в литературах Аравии затронул преимущественно жанр новеллы, то начиная с 90-х годов здесь появляется большое число модернистских романов, написанных в широком спектре стилей. Это, например, смешение реалий современной жизни с мотивами арабского средневекового наследия, народных преданий и поверий, как в романах саудитов Абд аль-Азиза Мишри «Крепость» (1992) и Раджи Алем «Шелковый путь» (1995). Это сплошной поток сознания полубезумного героя, как в романах йеменских авторов Набили аз-Зубейр «Это мое тело» (2000) и Самира Абд аль-Фаттаха «Повесть господина М» (2007). Это мозаика тщательно выписанных мелких предметных частностей, выхваченных из разных точек пространства и времени, как в романе йеменца Ахмеда Зейна «Подтверждение статуса» (2004), — стиль, получивший в арабской критике название «осознание вещей», самым радикальным представителем которого был египтянин Ваил Рагаб (о нем см.: [8, с. 244–245]).

В 90-е годы в литературах разных стран Аравии начинается активное экспериментирование со структурой произведений, стилем и языком повествования, направленное по большей части на сохранение и развитие национальной самобытности литературы в условиях культурной глобализации. Так, например, неотрадиционалистские тенденции, появившиеся в романах египтян Нагиба Махфуза и Гамалы аль-Гитани еще в 70-е годы [8, с. 216–217], нашли продолжение в творчестве саудита Абдо Халы и эмиратца Мухаммеда аль-Харби, пытающихся сблизить структуру и повествовательный стиль романа с устным народным эпосом, объединяющим множество сюжетных линий, не имеющих отчетливой иерархии. Другие аравийские авторы, используя опыт латиноамериканского «магического реализма», заимствованный также и другими арабскими литературами, обращаются к фольклору и народным поверьям, вводя соответствующие «магические» сюжеты в реалистическое повествование. Характерные черты магического реализма можно видеть, например, в рассказах писателей из ОАЭ Сельмы Матар Сейф, Абд аль-Хамида Ахмеда и Али аш-Шархана, йеменцев Абд аль-Карима ар-Разиhi, Абд аль-Фаттаха Абд аль-Вали, Мухаммеда аль-Гарби Амрана, Арвы Абдо Усман, оманки Бадрии аль-Вахайби.

В эти же годы получает развитие — особенно в творчестве авторов-женщин — особый стиль, сочетающий модернистскую эстетику с «поэтизацией» языка повествования, зародившийся еще в творчестве египетских прозаиков-модернистов 60-х годов [8, с. 165]. Вот какую характеристику дает этому стилю шведская исследовательница Г.Рамсай: «Писатели-модернисты из стран Персидского залива, использующие этот стиль, будто стремятся возродить представление, традиционно занимавшее центральное место в арабской литературе и заключавшееся в том, что вопрос “Как писать?” является более важным, чем вопрос “О чем писать?” <...> Другими словами, опираясь на одно из традиционных положений арабской литературы — приоритет формы перед содержанием, включая и языковое оформление, — они одновременно отдают должное и реализму, явлению, заимствованному из литературы Запада. Так же, как и в случае восприятия поэзии, такой стиль требует активного взаимодействия между читателем и текстом в процессе выстраивания смысла этого текста <...> Более того, в произведениях этих писателей соблюдаются и такие принципы модернизма, как сложность формы и освобождение повествования от заданных рамок сюжета» [9, р. 374]. И далее: «Примечательной особенностью их произведений является поэтический стиль, в котором они используют богатый словарь и риторические приемы арабского литературного языка <...> Их художественная проза отличается чертами, присущими лирике, такими как риторические украшения, метафоры и другие фигуры речи, иносказательный язык, двусмысленность и многозначность, косвенные указания и намеки на то или иное» [9, р. 382]. «Языковой стиль такого повествования требует от читателя скрупулезного сбора, сведения воедино и интерпретации фрагментарной и метафорической информации относительно персонажей и самого сюжета с тем, чтобы можно было понять смысл текста» [9, р. 388]. Подобный стиль стал визитной карточкой многих аравийских писательниц: Худы аль-Аттас, Набили аз-Зубейр, Амины Йусуф, Нуры Зейля, Бушры аль-Мактари, Муны Башрахиль в Йемене, Алии Ша'иб в Кувейте, Фаузии Рашид и Муниры Фадель на Бахрейне, Мирийам Джум'ы Фарадж в ОАЭ, Хаули Хамдан в Омане. В подобном стиле пишут и некоторые авторы-мужчины, например эмиратец Сани ас-Сувейди, йеменец Абд аль-Вакиль Джазем, саудит Мухаммед Альван, оманец Абдаллах Хабиб. С развитием этого стиля тесно связано появление в аравийской прозе нового жанра — очень короткого рассказа (*кысса касыра джиддан*), создателем которого считается египетский прозаик Мухаммед аль-Махзанги [8, с. 177]. Произведение этого жанра представляет собой одну или несколько фраз, в яркой, обычно метафорической форме передающих какую-либо одну мысль или одно ощущение, и поэтому его эстетика базируется не столько на содержании текста, сколько на его языковом оформлении. Особую популярность этот жанр приобрел также среди авторов-женщин.

Развитие реализма и модернизма в литературах стран Аравии проходило, таким образом, почти одновременно, с гораздо меньшей «разнесенностью» во времени, чем это было в литературах Египта, Ливана и Сирии. Об этом свидетельствует, в частности, творческий путь многих аравийских писателей. Йеменец Ахмед Махфуз Омар, начавший в 50-е годы с просветительских по содержанию рассказов, в 60-е стал приверженцем критического реализма и революционного романтизма, а в 70-е был уже признанным модернистом. Кувейтц Исмаил Фахд Исмаил, в 60-е годы сторонник едва ли не социалистического реализма, вскоре стал использовать различные модернистские приемы, а его романы начала 2000-х годов можно считать уже в некоторой степени постмодернистскими. Бахрейнка Фаузия Рашид, чей роман «В осаде» был признан об-

разцом зрелого реализма, уже спустя семь лет публикует роман «Метаморфозы рыцаря-чужестранца в исконно арабских землях» (1990) — показательный образец «поэтизированного» модернизма. И таких примеров в литературах Аравии множество.

Подобное «экспоненциальное» ускорение заимствования литературой новых идей и художественных методов, вызванное экспоненциальным же ускорением развития информационного обмена, помог аравийским литературам выйти к началу XXI в. фактически на один стадиальный уровень с литературами тех арабских стран, в которых процесс обновления начался намного раньше.

Литература

1. Ковыришина Н. Б. Проза Иордании. М., 2005. 261 с.
2. Суворов М. Н. Художественная проза Йемена (1940 — середина 2000-х годов). СПб., 2010. 359 с.
3. Michalak-Pikulska B. The contemporary Kuwaiti short story in peace time and war. Kraków, 1998. 192 p.
4. Ветры залива. Рассказы. М., 1983. 264 с.
5. Кирпиченко В. Н. Современная египетская проза. 60–70-е годы. М., 1986. 293 с.
6. Michalak-Pikulska B. Modern poetry and prose of Oman. 1970–2000. Kraków, 2002. 440 p.
7. За дюнами. Антология современной саудовской литературы. М., 2009. 533 с.
8. Кирпиченко В. Н., Сафронов В. В. История египетской литературы XIX–XX веков. Т. 2. М., 2003. 270 с.
9. Ramsay G. Styles of expression in women's literature in the Gulf // *Orientalia Suecana*. Vol. LI–LII (2002–2003). Uppsala: Uppsala University. 2003. P. 371–390.

Статья поступила в редакцию 18 июня 2012 г.

П. С. Тептюк

ВАРИАТИВНОСТЬ КАНОНА МАКАМЫ В ПОЗДНЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ («ЗАКОНОВЕДНАЯ МАКАМА АЛ-‘АББАСА», XVI век)

В период расцвета средневековой арабской культуры (VIII–XII вв.) широкое распространение получила так называемая литература адаба¹, основным принципом которой было, развлекая читателя, его поучать [4, с. 87–100].

Литература адаба по классификации итальянского востоковеда К. А. Наллино (1872–1938) условно подразделяется на три категории.

Первая — это сборники для чтения, предназначенные для образованных людей и включающие прозаические и поэтические фрагменты, относящиеся к различным традициям, а также анекдоты и шутки, которыми можно было бы блеснуть в изысканной беседе. Литературный материал этих сборников несет, в той или иной степени, назидательную окраску, которая подчеркивается обязательной классификацией материала². Вторая — это сочинения на моральные темы или сборники полезных сентенций. Третья категория книг — это учебники для представителей интеллектуальных профессий, адаб профессионального назначения [1, с. 61].

С адабной литературой тесно связан жанр макамы³, который нельзя безоговорочно отнести к какой-либо одной из перечисленных выше категорий, поскольку его внутреннее наполнение менялось на протяжении веков в соответствии с требованиями времени и личными вкусами и широтой взглядов автора. Так, можно найти примеры макама, относящихся как к первой (ал-Харйрй), так и ко второй категории (аз-Замāхшарй), тогда как третья категория к макамам вообще не имеет отношения.

Сегодня насчитывается более двухсот пятидесяти авторов макама [7, р. 368–411], но наиболее известными из них были и остаются классики-основатели жанра — Бадй аз-Замāн ал-Хамазāнй⁴ и Абū Муḥаммад ал-Харйрй⁵. У большинства исследователей представление о макамном каноне основывается прежде всего на анализе творчества этих двух авторов⁶, поскольку в их макамах наиболее ярко выражены жанровые признаки только зародившейся в то время⁷ макамы. Будучи основанной на риторических приемах, классическая макама успешно сочетает в себе ближневосточную дидактику и ставшую по-

¹ Определение термина «адаб» и его историю см. в работах Ш. Пелла [1], И. М. Фильштинского [2, с. 242–252], а также в статье Ф. Габриэли [3]. *Адйб* — воспитанный человек, обладающий светскими и общекультурными познаниями.

² См., например, разделы о доблести, вежливости, щедрости и т. д. в книге Ибн ‘Абд Раббихи «Чудесное ожерелье» [5].

³ Определение термина «макама» и историю жанра см. в подробной статье К. Брокельмана (Ш. Пелла) «Макама» [6].

⁴ Абū-л-Фадл Аḥмад ибн ал-Ḥусайн Бадй аз-Замāн ал-Хамазāнй (969–1007) [8, с. 95; 9, с. 152].

⁵ Абū Муḥаммад ал-Қасим ибн Алй ибн Муḥаммад ибн ‘Усмāн ал-Басрй ал-Харйрй (1054–1122) [8, S. 276; 9, S. 477].

⁶ См., например, работы А. А. Долининой [10, с. 24–62], И. М. Фильштинского [2, с. 275–316], Я. Хямен-Антилы [7, р. 15–173] и др.

⁷ Имеется в виду X в.

© П. С. Тептюк, 2012

пулярной в средневековье тему плутовства⁸. Существует мнение, с которым автор данной статьи полностью согласен, что со временем макамы утратили присущий им изначально плутовской характер [6, с. 109]. То есть в макамах, первоначально основанных на принципах культурно-светского адаба (первая категория), возобладала дидактическая составляющая, вследствие чего большинство *постклассических* макам, сохраняя внешние черты канона, создавались как сочинения на моральные темы (вторая категория), чисто назидательного характера, причем с течением времени эта тенденция, только усиливалась. Авторы макам, писавшие после ал-Хамазāни и ал-Ḥарйри, обучая, забудут о развлечении читателя, отчего жанр станет в высшей степени серьезным и ограниченным по своей тематике. Подобное изменение произошло, вероятно, по нескольким причинам. Во-первых, постклассические авторы не восприняли развлекательный элемент в макамах ал-Хамазāни и ал-Ḥарйри в качестве одной из основополагающих черт жанра, делавшей его столь привлекательным и неординарным для среды образованных современников. Во-вторых, умение сочетать в украшенном риторическими фигурами тексте житейскую дидактику с развлекательностью сюжета требует большого таланта, который, по-видимому, не проявился ни у одного из позднейших авторов в той же степени что и у классиков жанра.

Одним из продолжателей литературной традиции жанра макамы в позднем средневековье является некий ал-‘Аббās, о котором известно только, что он жил, очевидно, в XVI в. [11, с. 112–113].

Сборник макам ал-‘Аббāса содержится в двух схожих между собой до сих пор неизученных рукописях: одна (В 66) из коллекции Ж. Л. Руссо в фонде ИВР РАН [12, ч.1, с. 18–19, ч. 2, с. 201–202]⁹, а другая (N. F. 66) из коллекции Й. фон Хаммер-Пургштала в Австрийской национальной библиотеке (Вена) [14, S. 615; 15, S. 54]¹⁰.

В предисловии к сочинению ал-‘Аббās называет своим главным предшественником в жанре макамы ал-Ḥарйри. Ал-‘Аббās отдает его макамам «пальму первенства на ристалище красноречия и многословия» (П.: л. 2а, 1–2; В.: л. 16, 13–14. — Здесь и далее П. — петербургская рукопись, В. — венская), признавая их наивысшим образцом для подражания, несмотря на разделяющие авторов пять веков.

Цикл ал-‘Аббāса состоит из двадцати шести макам против традиционных пятидесяти в сборнике ал-Ḥарйри. Как и у ал-Ḥарйри, все макамы ал-‘Аббāса объединены общими героями. Это рассказчик — Абӯ-л-Ḥайр ибн ал-Ḥарис и его красноречивый знакомый — Абӯ-л-Фадл ибн ал-Варис.

Степень зависимости ал-‘Аббāса от ал-Ḥарйри и характер его новаторства можно проиллюстрировать, сравнив две макамы, сходные по сюжету.

Сюжет «Законоведной макамы», идущей первой в сборнике ал-‘Аббāса («ал-Мақāма ал-фиқхийа»¹¹), несмотря на вариации и некоторое расхождение в деталях,

⁸ Классическая макама представляет собой новеллу, повествующую о вымышленных приключениях двух красноречивых персонажей — рассказчика и его знакомого — главного героя-*адйба*, поучительная речь которого обычно является кульминационным центром макамы. Согласно устоявшемуся средневековому канону текст макамы должен быть написан *садж’ем*, т. е. ритмической рифмованной прозой, и украшен стихотворными вставками.

⁹ Подробное описание рукописей см. в статье П. С. Тептюка «Рукопись макам ал-‘Аббāса и ее аналог в Австрийской национальной библиотеке» [13, с. 251–258].

¹⁰ Историю идентификации рукописи N. F. 66 см. в статье П. С. Тептюка «Две рукописи макам ал-‘Аббāса (XVI век)» [16, с. 84–88].

¹¹ От слова «*фиқх*» — понимание, знание; мусульманское право. Общий принцип понимания ислама; знание или понимание мусульманского права, не являющееся правом само по себе.

внешне совпадает с сюжетом «Законоведной макамы» ал-Харйрй («ал-Мақāма ал-фардиййа»¹²) (в его сборнике пятнадцатая по счету). Центральное место в сюжете занимает решение героем парадоксального юридического казуса, изложенного в стихотворной форме. Композиционная структура обеих макам также одинакова, особенно это заметно в начале сопоставляемых текстов.

Законоведная макама ал-Харйрй начинается с неожиданного появления в доме ал-Хариса ибн Хаммāма ночного путника, который просит пищи и крова и на поверку оказывается его старым знакомым — Абū Зайдом. Точно такое же начало мы находим в макаме ал-‘Аббāса: в дом рассказчика, Абū-л-Хайра, является ночной путник, Абū-л-Фадл, который ищет временного пристанища.

В обеих макамах явлению героя предшествует одинаковая по содержанию экспозиция. Рассказчик, мучимый бессонницей и томимый желанием обрести собеседника, описывает ночную непогоду (*васф*). Ал-Харйрй приводит краткое и лаконичное описание, не загружая повествование деталями. У ал-‘Аббāса описание развернутое и содержит много метафор и олицетворений, в нем автор демонстрирует свое владение литературным слогом. Можно полагать, что посредством подобного художественного описания ал-‘Аббāс подчеркивает изолированность рассказчика от окружающего мира и объясняет его желание найти собеседника. Кроме того, такой зачин первой макамы сборника, вероятно, отражает внутреннее душевное состояние самого автора на момент написания цикла.

В начале сборника ал-Харйрй его герой и рассказчик незнакомы, но дальше по ходу действия цикла они постоянно встречаются при различных обстоятельствах, так что в пятнадцатой макаме, о которой сейчас идет речь, их вполне уже можно назвать старыми друзьями. У ал-‘Аббāса не сразу понятно, насколько рассказчик знаком с героем. Поскольку макамы объединяются в цикл именно за счет этих двух персонажей, было бы естественно пояснить, в каких они состоят взаимоотношениях при первой же их встрече, чего, однако, ал-‘Аббāсом не было сделано: он просто следует за ал-Харйрй. В момент узнавания рассказчик Абū-л-Хайр называет имя своего ночного гостя, не поясняя, откуда он его знает: «В то время как он у меня пребывал я внимательно к нему присмотрелся и положился на [свое] зрение в отношении его поведения, и оказалось, что это Абū-л-Фадл ибн ал-Вāрис» (П.: л. 36, 2–4; В.: л. 3а, 12–14). Лишь ближе к концу повествования становится ясно, что Абū-л-Хайр не просто был знаком с Абū-л-Фадлем, но ждал его прихода, чтобы задать волновавший его вопрос: «О, Абū-л-Фадл, брат справедливости, собиратель целостности и обширный щедростью, я ожидал твоей близости, чтобы молить о дожде твои тучи для [решения] вопроса...» (П.: л. 5а, 3–4; В.: л. 4б, 8–10).

После момента узнавания героя оба автора вводят добавочную сюжетную рамку — рассказ героя о событиях, происходивших с ним ранее. У этой рамки есть своя экспозиция, одинаковая для обеих макам — герой без сна и отдыха скитается ночью по дорогам.

Далее у авторов начинаются расхождения: харириевский Абū Зайд сначала попадает на рынок. В лавке торговца его внимание привлекает аппетитная гроздь фини-

¹² От слова *фард* — обязанность, долг; требование, предписание (закона). Этот термин обозначает одну из категорий мусульманского права, предписывающую исполнение определённых правил в мусульманской общине. Предписания категории *фард* носят характер обязанности, предусматривающей в качестве наказания при невыполнении, в отличие от категории *вāджиб* («обязательное»), лишь осуждение со стороны членов общины.

ков и сливки, которые он мастерски описывает (*васф*). Терзаемый голодом, Абӯ Зайд пытается добыть средства для их покупки, но безрезультатно. И лишь под конец дня к нему приходит надежда в образе старика, жалующегося на упадок наук. В ответ на расспросы о причине жалоб старик представляет Абӯ Зайду стихи, содержащие юридический казус, который никто не может решить. Абӯ Зайд предлагает свою помощь старику в обмен на угощение, описав, чего бы ему хотелось отведать (*васф*). Старик предостерегает Абӯ Зайда против обмана и приводит его в свое жилище, вид которого свидетельствует о скупости его хозяина (*васф*). Насытившись угощением старика, Абӯ Зайд с легкостью решает этот юридический казус, облекая свой ответ в стихи. Получив желаемое, старик прогоняет Абӯ Зайда из своего дома, опасаясь, что у того может случиться расстройство желудка от обилия съеденного. Герой вынужден скитаться ночью, до того как набрел на жилище рассказчика — своего знакомого ал-Хариса ибн Хаммама. Так ал-Харйр с юмором обыгрывает мотив скупости, насмешка над которой является одной из популярнейших тем в средневековой арабской литературе¹³.

Хотя изначально со слов самого Абӯ Зайда кажется, что он собирается обмануть каким-либо образом старика, встреченного им на рынке, далее видно, что он честно выполнил свое обязательство и продиктовал ответ, о правильности которого можно судить по реакции старика — тот не стал требовать компенсацию за предоставленное Абӯ Зайду угощение. Таким образом, в этой макаме ал-Харйр лишь намекает на тему плутовства, но по сути она отсутствует в сюжете, уступая место демонстрации красноречия героя. В сборнике ал-Харйр макамы подобного типа количественно уступают плутовским [10, с. 35].

В перипетиях жизни Абӯ Зайда прослеживается мотив несправедливости и непостоянства судьбы — главной философской мысли в макамах ал-Харйр. Казалось бы, Абӯ Зайд после голодных скитаний смог честно заработать на пропитание посильным для него трудом, однако немилосердная судьба в лице скупого старика вынуждает его снова отправиться в неведомый путь ночью, после чего он обретает временное пристанище у своего знакомого, но не хочет оставаться в его доме, боясь надоесть.

В «Законоведной макаме» ал-Аббаса Абӯ-л-Фадл набредает на собрание, пирующее в горной местности, которое, как и старик у ал-Харйр, жалуется на упадок науки и нравов. В ответ на вопрос Абӯ-л-Фадла о причинах жалоб, ему предлагают непреодолимую для них законоведную загадку, которую он с легкостью решает, представив ответ в стихах. Здесь о правильности ответа также можно судить по реакции слушателей: красноречие и ум Абӯ-л-Фадла вызвали черную зависть у собрания и ему пришлось бежать в лес, спасаясь от расправы. Очевидно, что герой противопоставляет себя завистливой «толпе», усиливая это противопоставление самовосхвалением: «завидуют только опережающему» (П.: л. 46, 17; В.: л. 46, 5). В итоге он находит убежище у рассказчика — Абӯ-л-Хайра.

Так, остроумным решением герои обеих макам доказывают свое превосходство над слушателями. Зависимость ал-Аббаса подчеркивается тем, что у обоих авторов загадки облечены в стихотворную форму, и даже в одном и том же размере. Стихотворный размер ответов, представленных Абӯ-л-Фадлем и Абӯ Зайдом, также совпадает (*хафйф*).

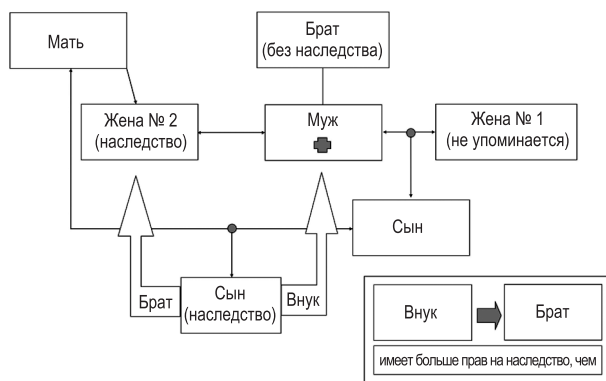
Суть юридических казусов состоит в следующем: ал-Харйр приводит в своей макаме парадокс о наследстве — некто умер, оставив родного брата и жену. У жены тоже

¹³ См., например, «Книгу о скупых» ал-Джахиза [17].

имеется брат. При разделе имущества жена и ее брат получили свою долю, в то время как родной брат покойного остался ни с чем, но такое решение закону не противоречит.

У ал-‘Аббас представлен казус из области семейного права — спрашивается, каким образом женщина могла иметь двух мужей в течение суток, не нарушив при этом шариата?

Уже по содержанию загадки видно, что ал-‘Аббас проявляет большую изощренность в вопросах мусульманского права, чем ал-Харйри. Чтобы понять суть ответа ал-Харйри, вполне достаточно смекалки и бытовых познаний в семейно-родственных отношениях (*‘ādāt*) (см. рис), в то время как в ответе ал-‘Аббаса затрагиваются тонкости мусульманского права, а именно разница в постановлениях мусульманских школ (*мазхабов*). Все вышесказанное, а также серьезный религиозный тон «Законоведной макамы» ал-‘Аббаса указывают на его вероятную профессиональную принадлежность к факихам-хадисоведам¹⁴.



В «Законоведной макаме» ал-Харйри прослеживается известный в средневековой арабской литературе композиционный принцип градации, нарастания от начала к середине (законоведная загадка), за которым следует спад от середины к концу [4, с.112]. В макаме ал-‘Аббаса подобный принцип выдерживается лишь отчасти; он заимствует сюжет у ал-Харйри, изменяя композиционную структуру макамы в соответствии с собственным замыслом. В предисловии к сборнику ал-‘Аббас декларирует, что он «завершил каждую макаму аятом Корана в качестве указания на ее окончание, чтобы видели читающие ее пользу и руководство, и чтобы чтение не было напрасным» (П.: л. 26, 14–15; В.: л. 26, 8–9). Так, в «Законоведной макаме» автор от имени героя приводит в стихах филологическое и юридическое толкование коранического аята о многоженстве [Коран, 4: 3] на целых две страницы.

Заимствуя у ал-Харйри не только литературную форму, но порой даже построение сюжета и некоторые мизансцены, ал-‘Аббас попытался создать свой цикл дидактических новелл, выдержанных в традиционном стиле макамы. С точки зрения средневековых арабских филологов подобное заимствование (*ахз*) не считается плагиатом (*сарқа*), поскольку ал-‘Аббас облекает мысли ал-Харйри в свои слова [4, с.188–189]. Он,

¹⁴ Фақӣх — юрист, знаток мусульманского права, при принятии решений, в отличие от *усу́ли*, в качестве источника права использует Коран и сунну.

по мере своих возможностей, пытается следовать образцу ал-Харйрй. Вопрос состоит в том, насколько эти попытки можно считать удачными. Сам ал-‘Аббас в предисловии к сборнику признается в «непосильности задачи», «возложенной» на него ал-Харйрй (П.: л. 2а, 7–8; В.: л. 2а, 2–3).

Сюжет у ал-Харйрй развивается реалистичней, чем у ал-‘Аббаса, его герои более живые и естественные во всех отношениях. Ал-Харйрй значительно обогащает повествование, вводя добавочные темы (описание еды, предостережение стариком против обмана, описание убогости жилья старика), в то время как ал-‘Аббас, более склонный к поучениям, нагружает сюжет макамы пространным рассуждением героя о кораническом стихе.

Язык авторов производит разное впечатление: в описаниях природы (ночь, гроза, звезды, буря, дождь, молнии) ал-‘Аббас, как уже говорилось, находит возможность показать свое стилистическое мастерство. Ал-Харйрй делает это при описании людских пороков (скупость, обман), также уделяя внимание изяществу иносказаний (финики, сливки, еда)¹⁵ и разнообразию самой лексики. Следует отметить, что ал-‘Аббас подбирает несколько неестественные рифмы и созвучия слов (*таджнйс*)¹⁶, за счет этого ощущается натянутость речи его героев и тяжеловесность слога, чего нельзя сказать о харириевских героях.

В макаме ал-Харйрй мы находим светское повествование с ироничным отношением к персонажам и сюжету в целом. Ал-Харйрй интересуется развлекательностью сюжета вкупе с проявлением красноречия его персонажей; назидательность в его макаме, сочетаемая с тонкой иронией, носит ненавязчивый характер житейского плана (не будь скупым, не засиживайся в гостях и т. д.), т. е. *catigat rigendo mores*.

У ал-‘Аббаса содержание макамы служит целям назидания, в ходе которого он демонстрирует свою образованность и знание арабского языка. В его макаме ощущается откровенная набожность, а насаждение морали является самоцелью.

Как мы видим, оба автора превозносят остроумие и красноречие, умение решить вопрос экспромтом, т. е. качества, относящиеся к традиционным для арабской культуры ценностям, но ал-‘Аббас ставит перед собой иные задачи, нежели ал-Харйрй, поэтому во внешне схожих сюжетах мы находим разных по характеру главных героев — один остроумный артист (ал-Харйрй), другой — морализатор-факих (ал-‘Аббас). Различные задачи, поставленные авторами, подтверждают и названия самих макам. Хотя заглавия обеих макам могут быть переведены на русский язык как «Законоведная», в арабском языке они происходят от разных корней¹⁷.

Несмотря на перечисленные выше различия у авторов, на примере творчества ал-‘Аббаса ясно прослеживается устойчивость макамного канона в позднем средневековье. При сравнении макам со схожим сюжетом видно, как канон варьируется в зависимости от интересов автора, в данном случае, вероятно, факиха-хадисоведа.

¹⁵ «Я сказал:

Ты добудешь мне всадника распрекрасного на седле самом сладостном и того, кто самым полезным другом считается, но с самым вредным спутником знается.

Над моими словами долго он размышлял и наконец, сказал:

— Полагаю, что сына пальмы ты подразумеваешь и пищу ягненка к нему добавляешь» [18, с. 74].

¹⁶ «فإنَّما هُوَ رَجُلٌ مِنْ حَيِّ طيءَ وَ عَلَيْهِ سِيْمَى الْعَيِّ وَ الطَّيِّ» («...и оказалось, что он человек из племени Тай и у него признаки утомления и голода»). То есть обозначение племени, к которому принадлежит герой, приводится только ради рифмы.

¹⁷ См. примечания 11 и 12.

Все вышесказанное позволяет нам считать макамы ал-'Аббаса одним из звеньев в процессе развития жанра. Дальнейшее исследование сборника макам ал-'Аббаса поможет определить роль макамного канона в позднем средневековье и его связь с задачами традиционной арабской назидательной литературы.

Литература

1. Пелла Ш. Вариации на тему адаба // Арабская средневековая культура и литература. Сборник статей зарубежных ученых / сост. и предисл. И. М. Фильштинского. М.: Наука, 1978. С. 60–76.
2. Фильштинский И. М. История арабской литературы X–XVIII века. М.: Наука, 1991. 725 с.
3. Gabrieli F. Adab / Encyclopaedia of Islam Vol. I. Leiden: E. J. Brill, 1954. P. 175–176.
4. Шидфар Б. Я. Образная система арабской классической литературы (VI–XII вв.). М.: Наука: ГРВЛ, 1974. 253 с.
5. Аль-Джахиз. Книга о скупых, Ибн Абд Раббихи. Чудесное ожерелье / пер., предисл. и коммент. Б. Я. Шидфар. М.: Художественная литература, 1985. 480 с.
6. Brockelmann C., Pellat Ch. Maqāma / Encyclopaedia of Islam Vol. VI. Leiden: E. J. Brill, 1986. P. 107–115.
7. Hämeen-Anttila J. Maqama: a History of a Genre. Wiesbaden: Harrassowitz, 2002. 502 p.
8. Brockelmann C. Geschichte der Arabischen Litteratur. Bd 1–2. Weimar: Verlag von Emil Felber, 1898–1902. Bd 1. 528 S.
9. Brockelmann C. Geschichte der Arabischen Litteratur. Sb. 1–3. Leiden: E. J. Brill, 1937. Sb. 1. 973 S.
10. Долинина А. А. Арабески: Избранные научные статьи. СПб.: Нестор-История, 2010. 444 с.
11. Халидов А. Б. Каталог арабских рукописей Института народов Азии АН СССР. Вып. I–II. М.: ИВЛ, 1960. Вып. I. Художественная проза. 135 с.
12. Арабские рукописи Института Востоковедения. Краткий каталог / под ред. А. Б. Халидова, Ч. 1–2. М.: Наука: ГРВЛ, 1986. 527, 336 с.
13. Тентюк П. С. Рукопись макам ал-'Аббаса и ее аналог в Австрийской национальной библиотеке // Письменные памятники Востока. № 1(16), СПб., 2012. С. 251–258.
14. Flügel G. Die Arabischen, Persischen und Türkischen Handschriften der Kaiserlich-Königlichen Hofbibliothek zu Wien. Bd 1–2. Wien: K. K. Hof- und Staatsdruckerei, 1865. Bd 1. 615 S.
15. Hammer-Purgstall J. Hammer-Purgstall's Handschriften (arabische, persische, türkische). Wien: Gedruckt bey Carl Gerold, 1840. 584 S.
16. Тентюк П. С. Две рукописи макам ал-'Аббаса (XVI век) // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 13. 2012. Вып. 2. С. 84–88.
17. Ал-Джахиз. Книга о скупых / пер. с араб., предисл. и примеч. проф. Х. К. Баранова, под ред. И. М. Фильштинского. М.: Наука, 1965. 287 с.
18. ал-Харири, Абу Мухаммед ал-Касим. Макамы: арабские средневековые плутовские новеллы / пер. В. М. Борисова, А. А. Долининой, В. Н. Кирипиченко. М.: Наука, 1978. 220 с.

Статья поступила в редакцию 18 июня 2012 г.

М. В. Фролова

ЯВАНСКАЯ МИФОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ ИНДОНЕЗИЙСКОМ РОМАНЕ БУДИ САРДЖОНО «НЬЯИ РОРО КИДУЛ — БОГИНЯ ЮЖНЫХ МОРЕЙ»

«Литература на протяжении своего развития длительное время прямо использовала традиционные мифы в художественных целях» [1, с. 7], и понимание романа о женском божестве Ньяи Роро Кидул может быть затруднительным без некоторых базовых сведений о яванской мифологии. Пользуясь терминологией Е. М. Мелетинского, роман Буди Сарджоно можно назвать ярким примером ремифологизации. Автор создал увлекательное произведение, близкое и доступное пониманию любого яванца, а также тех, кто знаком с яванской культурой и народными верованиями Центральной Явы. Ремифологизация особенно ярко проявляется в двух образах романа, непосредственно заимствованных из яванской традиции: это собственно Ньяи Роро Кидул из народных сказаний и Петрук из пьес традиционного театра *ваянг*.

В романе присутствуют двоемирие и двойничество¹ образов: образ Ньяи как анимистической богини дублируется в образе обыкновенной женщины Кеси, а отражение персонажа *ваянга* Канг Петрука также «двоится» в зеркале текста: то он предстает как бог, хранитель вулкана Мерапи, то это просто друг Кеси, с которым знакомят журналиста Сама.

В произведении изображена типичная для постмодернизма смесь времен, реальности и ирреальности; «современность соседствует с традициями» [3, с. 223]. Центральным образом романа — пришедшая в современность из глубины веков богиня моря.

«Ньяи Роро Кидул — богиня Южных морей». Образ Ньяи в фольклоре и в романе

Дословный перевод названия романа звучал бы как «Дева с прекрасным ликом, исполненным тайн и харизмы Роро Кидул»². «Ньяи» означает «госпожа», «Роро» трактуется двояко — «дева» по-староявански и «горе, печаль» по-новоявански. «Кидул» в яванском языке имеет значение «юг; южный». Действие романа развивается следующим образом. Журналист Сам приезжает из Джакарты к южному побережью Центральной Явы собирать у информантов фольклор и писать статью в журнал о Ньяи Роро Кидул, мифической богине Южных морей. Там он знакомится с таинственной красавицей средних лет Кеси. Основная сюжетная линия строится не только вокруг журналистского исследования местных представлений о Ньяи Роро Кидул, но и вокруг любовной интриги молодого вдовца Сама с Кеси, облик которой с первой главы намекает на ее связь с богиней Южных морей.

В яванскую жизнь прочно вошла вера во всеилие богини. Океанское дно у побережья очень зыбкое, и нередки случаи, когда купающиеся тонут, а из суеверия их почти ни-

¹ Двойничество, двойник — мотив-клише литературы романтизма, корни которого уходят в близнецный миф [2, с. 108].

² Оригинальный заголовок романа «Sang Nyai Wajah Cantik Sarat Misteri dan Karisma RORO KIDUL».

© М. В. Фролова, 2012

когда не пытаются спасти. Морской царевне преподносят дары как свидетельство всеобщей готовности оплатить за ее щедроты и задобрить на будущее [4, с. 130–131; 5, с. 114].

Параллели с романом Буди Сарджоно весьма прозрачны — во время церемонии подношения даров богине моря народ решает, что Ньяи отвергает дары и утаскивает на дно океана своих жертв, которых никто не пытается спасти [6, с. 351–398]. Амбивалентность образа Ньяи — свойство, характерное для персонажей низшей демонологии и хтонических божеств. При этом собирательный образ богини весьма положителен, что находит свое отражение в романе [6, с. 45].

В фольклоре у Ньяи Роро Кидул много разных имен, отражающих различные легенды о ее происхождении [7; 8]. Многие яванцы верят, что нужно использовать в обращении к ней гонорифические термины, такие как Кандженг и Густы³. Существует и обращение Ньяи Блоронг, с оговоркой, что оно используется, когда Ньяи принимает вид русалки. В романе Буди Сарджоно есть отдельный персонаж Ньи Блоронг, дочь богини, волшебная девушка-змея с золотой чешуей, по народным поверьям помогающая искать клады [6, с. 35]. Хтонические черты Ньи (или Ньяи) Блоронг указывают на женское мифо-символическое начало, архетипически связанное с «водой, со змеей» [10, с. 221]. В тексте романа богиня Ньяи Роро Кидул всегда появляется при красочных описаниях океана. Океан — символ космического хаоса. У него двойная природа: его вода — источник жизни и смерти одновременно [11, с. 14]. Ньяи повелевает не только водами. Ее иная ипостась — облик мудрой старушки Ньяи Гадунг Мелати⁴, охраняющей вулкан Мерапи [6, с. 179]. Она выполняет дополнительную функцию по отношению к Ньяи Роро Кидул и несколько раз упоминается в романе, где присутствуют разные манифестации богини в соответствии с комплексом версий ее облика: иногда это гневная, но справедливая красавица, а временами мудрая добрая старушка, дух-хранитель вулкана Мерапи. В определенном смысле огненная гора сопоставима в космологии с морем: вулкан дает жизнь (плодородные почвы от пепла) и отбирает ее, извергаясь. В яванской мифологии осью мироздания, связывающей миры, выступает мировое древо или мировая гора. Корни древа или основание горы уходят в дно мировых вод, т. е. Нижнего мира. В сознании яванцев такой горой является именно Мерапи [12]. Само имя Ньяи Гадунг Мелати тоже содержит намек на то, что огненная и водная ипостаси богини едины.

В романе Буди Сарджоно в какой-то момент местные жители начинают видеть определенные знаки, предзнаменования. Лодка духов горы Мерапи, идущая на поклон к Ньяи Роро Кидул [6, с. 281], появление в реке змеи Нага [6, с. 325] — отражение в романе известных яванцам символических знамений, по которым можно узнать о скором появлении Ньяи либо о надвигающихся бедах. Автор сохранил традиционные элементы изображения Ньяи согласно некой собирательной тенденции ее описания в яванском фольклоре. Во-первых, яванцы верят в разные манифестации богини. В романе автор не забывает ни о Ньи Блоронг, ни о Ньяи Гадунг Мелати⁵. Согласно фоль-

³ Густы и Кадженг — аристократические яванские титулы. Например, Густы Кадженг Рату — титул дочери раджи [9, с. 148].

⁴ В народе также распространено обращение-эвфемизм Эйянг (яв. бабушка), ср: Петрука часто называют Даток (мал. дедушка). Тем самым идет прямая отсылка к культу предков.

⁵ При этом далеко не все персонажи романа согласны с тем, что Гадунг Мелати и есть сама Роро Кидул, некоторые считают ее другим божеством, что тоже вполне соответствует дивергенции локального фольклора.

клору предзнаменование появления Ньяи — стойкий аромат жасмина («мелати» означает жасмин) [6, с. 49–50], а ее сакральный зеленый цвет имеет оттенок морской волны («гадунг»)⁶. Во-вторых, богиня является в своем земном облике, и с первых страниц романа очевидно, что это может быть Кеси. Далее, в романе упоминается о том, что Ньяи Роро Кидул традиционно приписывают любовные отношения с правителями бывшего княжества Матарам [6, с. 35]. И действительно, в хрониках записано, что правители Матарам называли Кадженг Рату Кидул своей невестой. Ньяи до сей поры отдаются особые почести правителями Соло и Джокьякарты⁷. В романе обыгрывается мощная сексуальность Кеси, что намекает на ее демоническую сущность⁸. Кеси, тем не менее, как земное воплощение Ньяи, предстает перед читателем обладающей редкой красотой, умом и сильным характером, а также упоминаемой в названии романа харизмой. Кеси выражает уважительную позицию автора по отношению к традиционным синкретическим верованиям яванцев и их взглядам на жизнь: традиции и ритуалы надо соблюдать, нельзя халатно относиться к природе, она заслуживает бережного отношения и вправе гневаться на людей. Облик Ньяи, дважды созданный в романе — божественный (богиня Ньяи Роро Кидул с ее манифестациями Ньяи Гадунг Мелат и Ньяи Блоронг) и земной (яванская женщина Кеси), — точно и до мельчайших деталей воспроизводит народные поверья. Несомненно, автор уделяет особое внимание сохранению неповторимых яванских традиций, верований, основанных на мистицизме, обрядности и фольклоре. Истинному яванцу Буди Сарджоно важно сохранить и передать в художественной форме все своеобразие яванской жизни, неотделимое от мифологии.

Канг Петрук⁹ в фольклоре и в романе

Театральные представления *ваянг* играют необычайно важную роль в яванской культуре [14, с. 15–16]. В пьесах традиционного театра народов Индонезии обязательно присутствуют *панакаваны* — слуги и оруженосцы благородного главного героя. Все они обладают курьезной внешностью и устойчивым набором человеческих слабостей и недостатков. Несмотря на свою комическую природу, *панакаваны* — обожествленные первопредки и исходно священные не в меньшей степени, чем Ньяи. «Танцующая кукла, иногда появляющаяся в конце представления *ваянга*, — это Богиня (Земли, Моря, **Рату Лара Кидул**), к которой, в конце концов, возвратится все и вся» [14, с. 11–12].

Петрук явно амбивалентен по своей фольклорной сути, что нашло свое отражение в романе. «Петрук соотносится со смертью и несчастьем». Петрук, возможно, связан с балийским божеством из царства мертвых Плутуком [12, с. 3]. Как «Петрук из *ваянга*», «Петрук из романа» наделен сверхъестественными силами. Его разрушительная

⁶ Ношение одежды этого цвета табуировано на всем южном побережье Явы, потому что это может вызвать гнев Ньяи и принести несчастья. Важно, что именно в этот цвет любит наряжаться Кеси [6, с. 146].

⁷ Как сообщает журнал «Темпо Насионал» (мартовский номер 1997 г., 3 октября 1988), когда скончался Султан Хаменгкубувоно IX, слуги дворца-*кратона* якобы видели Ньяи, выходящую из его покоев. Обитатели *кратона* были уверены в том, что она пришла воздать последние почести покойному.

⁸ Согласно концепции архетипов Карла Густава Юнга, впечатляющие эротические повадки характерны для русалок и подобных им мифологических существ, заманивающих юношей и высасывающих из них жизнь; сирены и мелузины «представляют собой инстинктивную первую ступень колдовского женского существа, которое мы называем Анимой» [13, с. 114–115].

⁹ Канг — яв. «старший брат», вежливое обращение к человеку, старшему по возрасту [9, с. 190].

хтоническая сила, связь со смертью и несчастьем побудила автора романа сделать его проводником журналиста Сама в иной мир, мир духов. Кукла Петрука в народном театре — долговязая, неуклюжая, с круглым животом и пучком волос на бритой голове. И действительно, в романе, посмеиваясь, появляется мужчина, высокий, остатки волос собраны на затылке. Длинный нос и толстый живот — ни дать ни взять Петрук из *ваянга* [6, с. 31]. Только у персонажа Буди Сарджоно в дополнение к каноническому портрету обе руки покрыты татуировками с изображением Наги [6, с. 93–94]. Эта единственная привнесенная деталь намекает на связь этого образа с женским божеством морей и воды вообще, ведь Петрук воплощает собой огонь, вулкан, мужское начало. Но, как мы видели, одна из ипостасей Ньяи Роро Кидул так же связана с огненной стихией. Взаимосвязь противоположных стихий отсылает к юнгианским архетипам Анимы и Анимуса: присутствие мужских черт в женщине и женского начала в мужчине [13, с. 149].

По сюжету романа Кеси отправляет Сама к своему другу Петруку, так как по ее словам тот напрямую может говорить с Ньяи [6, с. 67]. Фантазмагория начинается, когда хозяин показывает журналисту свою мастерскую, где кузнецы искусно делают старинное оружие, и посередине стоит огромная печь, куда Петрук собственноручно подкидывает человеческие тела, так как погаснуть печи ни в коем случае нельзя. Путь Сама тоже очень символичен — он лежит через лес. Лес в *ваянге* — манифестация скитаний души героя, его принято называть лесом «я-не-знаю», лесом неведения. В лесу герой вынужден биться с чудовищными великанами, что понимается как очищение человеческой души в борьбе со страстями [15, с. 81]. Яванская трактовка является частным примером универсальной роли мотива одинокого всадника, углубляющегося в темный лес, как версии классического сюжета сошествия в ад [11, с. 241–244]. В роли ада выступает дом Петрука в пещере¹⁰, т. е. в самом кратере вулкана Мерапи. Многие яванцы верят, что Петрук — Хранитель кратера Мерапи. Его называют Кьяи¹¹ Петрук, Кьяи Сапу Джагад¹² или Дед Петрук (см. сноску 5) [6, с. 115]. Этот герой — хранитель страшной силы, разрушительной по своей сути, но дарящей жизнь. Гора, а в индонезийской космогонии вулкан — это символический центр мира, обиталище богов, средоточие сил и истины. На ее склонах, кроме того, находятся двери в царство мертвых [11, с. 241]. Сакральность изготовления кинжала *криса* заключается в поддержании мирового равновесия,ковка словно воспроизводит акт творения, сплавляя женское (земля, руда) и мужское (огонь, железо). Сам *крис* — фаллический символ, крис и ножны — все та же оппозиция мужского и женского, воплощение единства мироздания [17, р. 81]. Образ колдуна-Петрука становится более убедительным, если обратить внимание на то, что «неофициально в раннем средневековье кузнец сохранял и выполнял все функции, важные для общины, так же как и, скажем, знахари, ведьмы и колдуньи» [18, с. 58]. Конкретно на Яве кузнец «имел отношение к производству символов, узаконивающих космический, церемониальный и социальный статус» [17, с. 81].

¹⁰ Герой мифа прыгает в яму, входит в лабиринт, пещеру, ковчег, пустыню, символический загробный мир или «могилу» [16, с. 13].

¹¹ *Кьяи* — понятие, одно из значений которого — «магические предметы». Это можно считать дополнительным свидетельством того, что титулы владетелей образовывались от наименования священных предметов-регалий [10, с. 7], т. е. в широком смысле кьяи — это человек, наделенный магической силой. Например, кукловод-*даланг*.

¹² Кьяи Сапу Джагад — Дух-хранитель кратера Мерапи, этимологически восходит к словам «метла» и «Вселенная», т. е. «подметающий мир», удаляющий из него все отжившее.

Итак, основные образы романа концентрируются вокруг двух символических полюсов. Бинарные оппозиции¹³ формируют ряд символов, который можно соотнести с двумя противопоставленными друг другу смысловыми группами, связанными с персонажами романа Ньяи и Петруком [1, с. 209–210]. К группе символов Ньяи относятся: Женское, Луна, Вода, Смерть, Влажное, Море, Жидкость, Дно, Океан, Хаос, Корабль, змей-Нага, Сон (а также все явления трансцендентного ряда: медитация, мистические откровения, видения). К группе символов Петрука относятся: Мужское, Солнце, Огонь, Жизнь, Сухое, Земля, Твердое, Верх/Вершина, Вулкан, Пламя, Творение, Пещера.

На образах Ньяи и Петрука Буди Сарджоно выстраивает весь символический комплекс романа, который, в свою очередь, базируется на мифологических архетипах коллективного бессознательного яванцев и актуален для всего малайско-индонезийского региона в целом.

Актуальность романа с мифологическим содержанием и его место в постмодернистской парадигме

Популярный роман рассчитан на массового читателя, но его аудитория разнообразна, так как для произведений постмодернистской литературы важно преодоление разрыва между «искусством для образованных» и его крайне упрощенным вариантом [19, с. 12]. Кажущаяся на первый взгляд простота таит в себе мощную символику, определяющую яванское мировоззрение. Обращение к одной из многочисленных интерпретаций мифов о божествах, требующих жертв и дарующих милости, наталкивает читателя на энциклопедический интерес к фольклорной составляющей книги, к коллекционированию сведений. По мнению медиевиста-семиотика Умберто Эко, инвентаризация фактов и есть та связующая нить, которая помогает провести канал между прошлым и настоящим [20, с. 52].

Следовательно, для понимания романа необходимо осознавать общую тенденцию современности: мы живем в эпоху очередной реадаптации культуры прошлого, поисков культурных корней [20, с. 146]. Идея «прошлогонастоящего» [20, с. 147] напрямую связана с явлением, которое Мелетинский в своей работе «Поэтика мифа» определяет как ремифологизацию: «...миф как новая опора, когда рации Просвещения и далее — реализма — исчерпывает себя» [1, с. 10]. На примере романа о яванской морской богине видна актуальность мифа в современной литературе и показана важность древних архетипов сознания для нынешнего поколения индонезийцев. Стремление выявить и проанализировать эти архетипы характеризует общую тенденцию развития современной индонезийской прозы, так как «новейшие интерпретации мифа выдвигают на первый план миф как некую емкую форму или структуру, которая способна воплотить наиболее фундаментальные черты человеческого мышления и социального поведения, а также художественной практики» [1, с. 10].

Литература

1. Мелетинский Е. М. Поэтика Мифа. 2-е изд., репринтное. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995.
2. Эстетика. Теория Литературы. М.: Астрель, АСТ, 2003.

¹³ Термин Леви-Стросса, подробнее см.: [1, с. 81–85].

3. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1999.
4. Кашимадзе И. И. Индонезия: Острова и Люди. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1987.
5. Мокиевский О. Б. Нусантара. Записки биолога об экспедиции в Индонезию. М.: Мысль, 1967.
6. Budi Sardjono. Sang Nyai. Yogyakarta, Penerbit DIVA Press, 2011.
7. http://id.wikipedia.org/wiki/Ratu_Laut_Selatan
8. <http://ngm.nationalgeographic.com/print/2008/01/volcano-culture/andrew-marshall-text>
9. Большой индонезийско-русский словарь / под ред. Р. Н. Коригодского. Т. I–II. М.: Русский язык, 1990.
10. Брагинский В. И. Суфийский символизм корабля и его ритуально-мифологическая архетипика. Проблемы истории поэтики литератур Востока. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1988.
11. Батмистини М. Символы и аллегории. М.: Омега, 2008.
12. Triyoga L. S. Manusia Jawa dan Gunung Merapi — Persepsi dan Sistem Kepercayaan. Yogyakarta, Gadjah Mada University Press, 1991.
13. Юнг К. Г. Архетип и Символ. М.: Renaissance, 1991.
14. Парникель Б. Б. Клоуны или Боги? (Т. Г. Т. Пижо о панакаванах) // Яванская культура: к характеристике крупнейшего этноса Юго-Восточной Азии, малайско-индонезийские исследования, III) Академия наук СССР, Московский филиал географического общества СССР. М., 1989.
15. Mangkunagara VII of Surakarta, K. G. P. A. A. On the Wayang Kulit (Purwa) and its Symbolic and Mystical Elements. New York: Cornell University Press, Ithaca; 1957.
16. Норман Д. Символизм в мифологии. М.: Ассоциация Духовного Единения «Золотой Век», 1997.
17. Mulder N. Mysticism & Everyday Life in Contemporary Java. Singapore University Press, 1978.
18. Бимбаева А. В. Доиндуистские верования на древней Яве // Малайско-индонезийские исследования. Вып. XVI. М., 2004.
19. Киреева Н. В. Постмодернизм в зарубежной литературе. М.: Наука, 2004.
20. Маньковская Н. Б. Эстетика постмодернизма. СПб.: Алетейя, 2000.

Статья поступила в редакцию 18 июня 2012 г.

ГЕОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОСТРАНСТВА И КОДЫ КУЛЬТУР АЗИИ И АФРИКИ

УДК 37

И. М. Дьяков

ПРОБЛЕМА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ АФРИКАНСКОГО КОНТИНЕНТА

Особенно актуальными на рубеже веков становятся дискуссии о развитии высшего образования и о взаимосвязи между высшим образованием и развитием, в частности в таких регионах, как Юго-Восточная Азия, Ближний Восток, Латинская Америка и Африка южнее Сахары. Как можно заметить, в последние 10 лет произошли серьезные изменения в переосмыслении роли высшего образования, его значении в сравнении с начальным и средним образованием. Особенно четко это видно в недавних отчетах Всемирного Банка, если сравнить их с теми, которые написаны в конце прошлого века, когда акцент был сделан на важность распространения базовых знаний. В отчете рабочей группы ВБ по Эфиопии в 2003 г. говорится: «Инвестиции в высшее образование приносят обществу пользу многими способами — как отдачей от базовых научных разработок, применения технологий в долгосрочной перспективе, так и большим сплочением общества» [1]. В этой статье я хотел бы обсудить, действительно ли высшее образование способно помочь людям, живущим в одном из беднейших регионов мира — Африке к югу от Сахары (ниже для простоты изложения этот регион будет называться Африкой).

Высшее образование и развитие — определение понятий

Под развитием в данной статье будут пониматься усилия по повышению качества жизни, в том числе рост благосостояния, увеличение продолжительности жизни, препятствование распространению болезней, образование, равенство полов (т. е. в широком смысле те действия, которые сформулированы ООН как Цели развития тысячелетия (Millennium Development Goals)).

«Очевидно, что в нашем мире люди, не обладающие базовыми академическими знаниями (чтение, письмо и счет. — *И. Д.*), находятся в заведомо проигрышном положении» [2, р. 251], — в этой короткой фразе Вульф выражает одну из основных тревог

относительно развивающихся стран. Это был ключевой вопрос в прошлом, он остается таковым и сейчас, хотя все чаще его ставят в один ряд с другим — о высшем образовании.

Определим, что такое высшее образование и что оно дает тому, кто окончил университет. Обычно чтобы получить его требуется от 4 до 6 лет — в зависимости от истомой степени и, порой, специальности. В результате человек получает квалификацию и определенный набор знаний, которые необходимы в подавляющем большинстве случаев для умственной деятельности. Обладающий высшим образованием человек не производит ничего сам, но дает другим идеи и мотивирует их на создание материальных ценностей (относительным исключением являются хирурги и фармацевты). Соответственно, он не имеет прямого отношения к производству, и поэтому, теоретически, нужно больше времени, чтобы его вклад стал виден.

Высшее образование тесно связано с наукой. Традиционно университеты становились крупнейшими научными центрами. Часто эти две сущности университета понимаются таким образом, что подменяют друг друга. Например, в плане поддержки Африки, подготовленном по результатам работы Саммита «Группы восьми» в 2002 г., стороны договорились о нижеследующем:

5.3 сотрудничать с африканскими партнерами в вопросах расширения помощи странам, заключившим соглашения об углублении партнерских отношений, в укреплении их потенциала в области научных исследований и высшего образования, в том числе путем:

- поддержки усилий по созданию исследовательских центров и образцовых кафедр в областях, относящихся к НЕПАД в Африке; и
- поощрения обмена преподавателями и партнерских отношений между исследовательскими центрами стран «Группы восьми» / стран-доноров и африканскими исследовательскими учреждениями [3].

Таким образом, политические деятели используют высшее образование как введение при обсуждении вопросов науки.

Высшее образование в Африке

Сейчас в Африке несколько сотен университетов (ср. с 4000 университетов в Европе!). Наиболее представительное объединение университетов — Ассоциация Африканских университетов (Association of African Universities), в которую входят 199 университетов в 45 странах континента. Одной из основных своих целей она провозглашает снижение «их (Африканских государств. — *И. Д.*) технологической, интеллектуальной и экономической зависимости, стимулируя учреждения высшего образования выпускать людей, образованных и обладающих знаниями, способных многие годы работать на национальное развитие и решать государственные вопросы» [4]. Такая позиция полностью совпадает с позицией тех ученых и политических деятелей, которые видят целью высшего образования увеличение числа лидеров, политиков, учителей и врачей. (Именно эти категории традиционно часто упоминают в отчетах, статьях и докладах по проблемам высшего образования в развивающихся странах.)

Есть две возможности получить высшее образование: в пределах своей страны и за границей. И обычно выбор между этими двумя возможностями не так сложно сделать в развивающихся странах. Те, у кого есть достаточная сумма, чтобы отправить-

ся в университет за границу, уезжают. В 1996 г. африканские студенты составляли 12% от числа всех иностранных студентов в мире (около 180 000 из полутора миллионов). Даже учитывая, что это число могло вырасти за последние 13 лет, оно вряд ли составит значительный процент от всего населения африканского континента. Те же, у кого нет таких материальных ресурсов, но есть сильная мотивация продолжить учебу после окончания школы, обычно направляются в университеты своей страны (процент тех, кто может получить стипендию на обучение за рубежом, ничтожно мал). Но даже поступление в университет не гарантирует, что поступивший окончит его через должное количество лет; согласно данным, собранным Вульф, богатые и верхушка среднего класса имеют больше шансов получить диплом: «Бедные не посещают университет, это может только средний класс» [2, р. 253].

Одним из относительно очевидных решений здесь видится развитие системы дистанционного образования, принимая во внимание тот факт, что мы живем в эпоху цифровых технологий. Тем более полезным может быть такой вариант, если учесть популярность определенных вузов и качество предоставляемого ими образования. Это могло бы дать свободу выбора заинтересованным в получении высшего образования жителям Африки.

Кто будет платить?

«Даже беднейшие страны Юга [...] тратят (на обучение. — *И. Д.*) пропорционально больше денег, чем страны Севера, но при сравнении в реальном выражении эти деньги ничтожны» [5, р. 33]. Если разделить эти расходы между тремя уровнями образования, то конечные суммы будут тем более карикатурны. «В то время как прием в учебные заведения активно расширяется, качество обучения страдает из-за отсутствия учебников и других учебных материалов, слабой мотивации учителей к развитию и качественному преподаванию, коррупции среди чиновников образования, назначения неквалифицированных преподавателей по блату и перерывов в учебе по политическим причинам» [1, р. 40].

Финансирование развития высшего образования может происходить из разных источников. По различным оценкам, объем гуманитарной помощи в среднем по Африке составляет 10–15% национального бюджета. Истерли характеризует эту ситуацию даже более остро: «...даже до последней волны гуманитарной помощи средняя (медианная. — *И. Д.*) африканская страна зависела от нее в значительно большей степени, чем средняя (медианная. — *И. Д.*) не африканская развивающаяся страна» [1, р. 16]. Если перераспределить потоки гуманитарной помощи и направить часть их на развитие высшего образования, могут серьезно пострадать другие ключевые программы. Конечно, можно вспомнить притчу, которая учит нас дать голодающему не рыбу, но удочку, чтобы он сам смог добыть себе пропитание. Но можем ли мы предоставить также и доступ к озеру, в котором можно удить рыбу?

Двумя другими источниками финансирования могут быть поступления от потребителей услуг университета, т.е. студентов или их родственников, и от государства. Впрочем, они довольно плотно связаны и, откровенно говоря, в подавляющем большинстве стран к югу от Сахары вряд ли способны покрыть расходы на скорейшее развитие системы высшего образования, учитывая то, что нужны не только разовые вливания, но регулярные поступления значительных денежных средств.

Человеческий капитал как потенциал Африки

«Лучшее, что мы можем сделать в этом мире — это держаться до тех пор, пока не вспыхнет искра: <...> пытаться сделать все, чтобы человеческий капитал был таким, чтобы разжечь огонь из искры, как только она появится» [6].

Сейчас Африка действительно обладает гигантским человеческим капиталом, тогда как других ресурсов не хватает. Логично предположить, что квалифицированная рабочая сила может обеспечить большее развитие сравнительно с теми, кто не имеет знаний. В таком случае получение высшего образования представляется очевидным решением для быстрого развития. Но если посмотреть с глобальной перспективы, то мир переполнен специалистами с высшим образованием. (Так, в пример можно привести Россию, где средняя зарплата рабочего выше зарплаты врача или преподавателя, а часто — и менеджера, и госслужащего.) Кроме того, конкуренция среди рабочих относительно невелика. Обоснованными могут быть признаны такие вопросы как: нужно ли обществу такое количество высокообразованных специалистов и хватает ли ему профессионалов со средним специальным образованием?

Могут ли жители Африки догнать Запад? Будут ли они востребованы на рынке труда? Возможно, политикам следует предложить Африке другой путь. Тот, который активно, но пока не столь успешно применяется в России, где правительство пропагандирует получение среднего специального образования, делает его более привлекательным в глазах общественности, потому что нехватка специалистов такого уровня ощущается особенно.

Если учесть, что на внутреннем рынке в Африке потребность в работниках с высшим образованием крайне мала (как пишет Истерли, не сформирован частный сектор, который традиционно выступает потребителем таких работников [1, р. 51]), а за пределами континента ощущается их переизбыток, то вопрос о массовом продвижении идеи высшего образования встает еще более остро. Добавить к этому коррупцию, слабую систему управления, существование насущных проблем, на решение которых катастрофически не хватает средств, нестабильность в разных частях региона — и получится не самая радужная картина рынка труда для тех, кто решил реализовать свой потенциал. Это ведет к «утечке мозгов» из стран Африки, что, несомненно, помогает отдельным африканцам, но не способствует развитию континента в целом.

Таким образом, Африке может быть предложен иной путь — занять нишу воспроизводства профессионалов со средним специальным образованием. Это потребует значительно меньших финансовых и временных затрат. Как правило, на подготовку такого специалиста нужно около трех лет (тогда как на получение высшего образования уходит 4–6 лет). Если говорить о конкретных задачах, таких как распространение начального образования и предотвращение массовых эпидемий в Африке, то и они могут быть решены воспроизводством учителей и фельдшеров через систему среднего образования гораздо более эффективно, чем через университетское.

Высшее образование как рынок услуг

Можно рассматривать высшее образование и под другим углом — как рынок, который дает обществу как новые услуги, так и дополнительные рабочие места. Он может привлекать людей разных специальностей, с различным опытом и мотивацией.

Но эти факторы хорошо выглядят лишь в теории. На практике все оказывается сложнее, так как для создания нового рынка нужно создать и поддерживать новые бренды, завоевать репутацию, регулярно подвергать оценке качество предоставляемых услуг. Вульф описывает это весьма точно, говоря, что с точки зрения студента в нашем мире значительно важнее не сам факт получения высшего образования, а то, сможешь ли ты завоевать высшие позиции, иначе у тебя нет шансов совершить прорыв. Таким образом, первостепенной задачей становится выбор одного из престижных, обладающих высоким рейтингом университета. Такой подход, несомненно, тормозит развитие системы университетского образования в самой Африке, особенно учитывая возможность распространения дистанционного обучения из наиболее котирующихся университетов мира.

Высшее образование и неэкономические эффекты

В большом количестве публикаций, касающихся взаимосвязи высшего образования и развития, авторы обсуждают экономический эффект образованности, не уделяя внимания другим аспектам. Элисон Вульф пишет по этому поводу: «Это только один аспект образования, не целостная его сущность, и он не заслуживает такого ошеломительного внимания, которое на него обращают. <...> Наши выдающиеся предки, жившие в значительно более бедные времена, задавались прежде всего вопросами культурных, моральных и интеллектуальных целей образования» [2, р. 254]. Далее следуют рассуждения о пользе высшего образования для достижения этих целей. Но следует ли нам забывать, что в доколониальный период традиционные общества вполне успешно справлялись с воспитанием согласно своим культурным обычаям? Таким образом, высшее образование не единственный способ воспитания человека.

Согласно уже цитировавшемуся отчету Всемирного Банка, инвестиции в высшее образование должны принести пользу, в частности, способствуя более широкому применению технологий [1]. Выпускники действительно используют технологии более охотно. Однако при этом хотя бы часть технологии должна быть уже внедрена, быть в наличии и не лежать на складе, а работать. Нужно принять во внимание, достаточно ли в Африке южнее Сахары для этого ресурсов.

Ученые и представители негосударственных и благотворительных организаций часто делают акцент на том, что борьба со СПИДом является одной из основных задач высшего образования. (Вероятно, это можно экстраполировать и на более широкий круг эпидемий.) Подразумевая, что только люди с университетским образованием могут справиться с распространением болезней, они рассматривают выпускников вузов как спасителей, которые, если их будет много, изменят сложившуюся на континенте ситуацию. В то же время распространение элементарных знаний о гигиене, предохранении и навыков первой помощи видится более полезным для профилактики заболеваний. При этом такая профилактика, несомненно, стоит дешевле.

Из написанного выше можно сделать несколько выводов. Во-первых, Африка обладает значительным человеческим капиталом. Это, несомненно, ее сильная в долгосрочной перспективе, но в настоящее время слабая сторона. Качество жизни населения Африки как одну из основных задач развития сложно обеспечить, когда численность его столь высока, а материальные (в том числе природные) ресурсы весьма ограниче-

ны. В то же время эти человеческие ресурсы имеют серьезный потенциал, если занять правильную нишу, и здесь нужно пересмотреть влияние среднего специального образования как альтернативы высшему. Достижению целей развития тысячелетия, строго говоря, высшее образование вряд ли способно помочь. Вопросы воспитания молодого поколения могут быть решены другими способами, как это решалось на протяжении долгой истории континента. Для предотвращения распространения СПИДа и других эпидемий нужны в большей степени не врачи, а специалисты среднего звена (фельдшеры и медсестры), которые могут способствовать распространению элементарных знаний о гигиене и пр. Распространение начального образования также решается увеличением числа учителей, имеющих среднее образование (ср. СССР). Наконец, если рассматривать вузы как рынок, то для стабильной его работы нужно значительно количество материальных и временных ресурсов, при том что препятствий на пути становления этого рынка много, и выстраивать систему высшего образования при нерешенных других проблемах (коррупция, плохое управление, неразвитый частный сектор, отсутствие у подавляющего числа населения даже начальных знаний) — все равно что ставить телегу впереди лошади. Следует упомянуть и серьезную конкуренцию со стороны ведущих мировых университетов, особенно, в свете распространения дистанционного обучения. С точки зрения клиента получение высшего образования весьма затратно: оно требует как финансовых вливаний, так и времени, при этом гарантий трудоустройства по окончании университета нет. Если и можно говорить о положительном влиянии высшего образования на развитие Африки, то лишь в долгосрочной перспективе.

Литература

1. Higher Education Development for Ethiopia: Pursuing the Vision, a World Bank Sector Study. 2003, January 20. URL: http://siteresources.worldbank.org/EDUCATION/Resources/278200-1099079877269/547664-1099079956815/Ethiopia-HigherEd_ESW012004.pdf (дата обращения: 09.01.2009).
2. Wolf A. Does Education Matter? Myths about Education and Economic Growth. London: Penguin Books, 2002.
3. Официальный сайт председательства России в «Группе восьми» в 2006 году. URL: <http://www.g8russia.ru/g8/history/kananaskis2002/4/> (дата обращения: 10.03.2009).
4. Official website of the Association of African Universities. URL: <http://www.aau.org/wghe/index.htm> (дата обращения: 10.01.2009).
5. Sarah Graham-Brown, Education in the Developing World: Conflict and Crisis, London and New York: Longman, 1991.

Статья поступила в редакцию 18 июня 2012 г.

Е. И. Зеленов

ГЕОКУЛЬТУРА И ХРОНОКУЛЬТУРА: ПРОТИВОСТОЯНИЕ

«Человек вошел в мир бесшумно» [1, с. 148–151], но, самоотверженно отстояв свое право на земное существование, создал тип культуры, который произвел взрыв научной мысли XX столетия, подготовленный всем прошлым биосферы. Владимир Иванович Вернадский, кажется, не без грусти отмечал, что человек уже «не может остановиться и пойти назад», поскольку «процессы, подготовлявшиеся миллиарды лет, не могут быть преходящими, не могут остановиться». *Ноосфера* — это биосфера, переработанная научной мыслью. В таком случае культура — это «природа, которую пересоздает человек, утверждая себя посредством этого в качестве человека» [2, с. 24].

Мысль, согласно которой *культура — это природа, которую пересоздает человек, утверждая себя посредством этого в качестве человека*, — один из важнейших тезисов данной статьи. Дело в том, что человек, пересоздавая природу, неизбежно принимается за переосмысливание культуры с помощью сознания и универсального образного мировидения, сформированного на основе некой общечеловеческой этической традиции. По некоторым оценкам на заре человеческой цивилизации около полутора миллионов лет назад численность *Homo habilis* (человека умелого) не превышала ста тысяч. Сегодня нас более семи миллиардов, тогда как всего-навсего 80 лет назад на Земле проживало только два миллиарда человек. «Именно развитым сознанием, языком и культурой мы отличаемся от животных, и потому нас в сто тысяч раз больше, чем соизмеримых с нами тварей... Человек окружил себя домашними животными, которые также умножили свою численность, далеко опередив диких собратьев» [3, с. 27].

Реализуемая в пределах той или иной культуры, человеческая деятельность как бы достраивает субстанцию самой природы, пробуждая в ее объектах такие сущностные свойства, которые без человека никогда бы себя не обнаружили. Фактически человеческая мысль открывает, говоря словами В. И. Вернадского, *другие* области реальности, чем та, в которой идет человеческая жизнь. Другие — лишь в том смысле, что человек биосферы даже не подозревал об их существовании. Тогда как человек ноосферы объективно стремится и субъективно нуждается в многоуровневом миропонимании: в масштабе от «пространство-время» предельно малого до «пространство-время» предельно большого, не упуская из вида аутентичное человеку реальное «пространство-время», которое мы склонны именовать геокультурным пространственно-временным ансамблем. Эту же мысль о новом качестве современного этапа человеческой эволюции высказывает и Рут Нанда Аншен, жена Эриха Фромма, написавшая заключительный раздел к его работе «Революция надежды...»: «Человек вошел в новую эпоху эволюционной истории, а главное следствие этого — быстрое изменение. Он борется за фундаментальные перемены, поскольку вовлечен в эволюционный процесс. ...В результате борьбы с препятствиями, создаваемыми окружающей средой, он замещает целенаправленный эволюционный процесс медленной, но эффективной биологической эволюцией, которая продуцирует современного человека через мутацию и естественный отбор» [4, с. 178].

Аншен делает вывод, что путем интеллектуальной интервенции в эволюционный процесс человек в большой мере увеличил диапазон своих возможностей, но оказался на пути, чреватом опасностями и ошибками. Одно из ошибочных направлений развития ведет к «пустоте ума и сердца, моральной апатии и интеллектуальной инерции, даже к производству социальных динозавров, не годящихся для жизни в развивающемся мире». Другой путь, который, видимо, Аншен полагает разумным, состоит в том, чтобы пока еще имеющееся, пусть и незначительное, духовное совпадение человека с миром, сделать «священной для каждой человеческой личности основой множественности культур» [4, с. 183]. По сути речь идет об объявлении индивидуальной «охоты» на Образ мира, способной объединить людей, ответственно относящихся к себе и окружающим, способной видеть мир как целостный образ — Образ мира.

Культура наделяет Образ мира мощным потенциалом саморазвития. Переход от культуры к геокультуре позволяет увидеть как бы два феномена одновременно: культуру идей и культуру людей. Изобретатель понятия «геокультура» — Иммануил Валлерстайн [5]. По Валлерстайну геокультура — это культурное основание *господствующей* миросистемы, способствующее ее сохранению. Сегодня понятие *геокультура* широко используется в трактовках, во многом отличных от первоначально данных И. Валлерстайном. Ряд исследователей противопоставляет геокультурный подход геополитическому как альтернативный, что справедливо в такой же степени, в какой вообще справедливо противопоставление культуры и политики. В эпоху межкультурных коммуникаций и информационной революции происходит невиданное прежде по глубине и интенсивности партнерство «своих» и взаимодействие «чужих». Вектор такого взаимодействия постепенно смещается из сферы политики в сферу культуры, которая в этом случае принимает образное выражение геокультурного пространства Земли. В поле геокультуры культурный символизм живет жизнью собственных смыслов. В поле геополитики культурный символизм преобразуется в символизм идеологический. Геополитическая история почти всегда дает нам примеры сложного манипулирования геокультурными образами.

Геокультурное пространство представляет собой объективную реальность, а образ геокультурного пространства можно рассматривать как результат его субъективного осмысления и, в идеале, вербального описания. Геокультурное пространство — *система устойчивых культурных реалий на определенной территории, представления о которых формируются в результате сосуществования и взаимодействия различных вероисповеданий, культурных традиций и норм, ценностных установок, глубинных психологических структур восприятия и функционирования картин мира* [6, с. 70]. В геокультурном пространстве люди и народы объединены и одновременно разобщены языками и культурами. Возникает естественный вопрос о миссии человека, владеющего двумя и более языками. По мнению Е. Островского, изложенному в докладе «Новые границы мира: геокультура» (2006 г.) [7], этот человек — пограничный человек, «терминатор», по которому проходит черта между языковыми мирами и геокультурными пространствами. Здесь граница может превращаться из линии разделения в линию объединения. Геокультурный «пограничник» стирает границы между культурами, впитывает их в себя, сам становясь посредником, связующим фактором межкультурных коммуникаций внесударственного масштаба.

Парадоксально, но факт: понятие геокультуры указывает на возможность отсутствия у государства вообще какого-либо пространства, поскольку культура в прин-

ципе не нуждается в пространстве как атрибуте своего существования. Возможно ли существование государства без пространства и мира без государств-пространств? Геокультурное воображение позволяет представить себе такой мир «ватиканизированных государств» корпоративного типа. В этом случае мир геокультуры становится миром абстрагированного от отдельной личности обобщенного «внутричеловеческого пространства», которому вовсе не безразличны как его культурное содержание (культурный контент), так и его пространственные параметры. Речь идет не о вульгарных границах земельного участка, а о специфическом пространстве бытования культуры. Оно может оформиться в виде абстрактной кухни малогабаритного жилья, и тогда культура приобретает специфический «кухонный» оттенок, а может быть неким блестящим литературным салоном, и в таком случае и культура становится довольно «салонной».

В этом контексте «гео» не обязательно означает слово «земля» и не так уж тесно взаимодействует с наукой географией (хотя возможно и так). «Гео» в контексте геокультуры может означать и геометрию, но не в том ее морфологическом значении, когда она была связана с землемерством, а в абстрактном значении, в котором «она оперирует совершенно отвлеченными пространствами» (Островский Е.) и, добавим, преобразованными формами пространства, смоделированными пространствами мировой культуры с учетом нового качества межкультурной взаимосвязанности.

Устойчивым признаком быстро меняющегося протоглобального мира выступает «всеобъемлющая связанность», которую бесполезно игнорировать, но довольно трудно сформулировать в силу постоянной трансформации реальности. Переход от понятия Мировой культуры к понятию геокультуры Мира в его образно-пространственном воплощении наглядно представлен схемой 1¹.

По заложенному в нем смыслу понятие геокультуры — одна из наиболее масштабных гуманитарных категорий, характеризующих глобальную интеграцию и многообразный характер мировой культуры. Вводя же понятие хронокультуры, с акцентом на скорости образования тех или иных искусственных форм и социально обусловленных моделей поведения макросоциальных групп людей без учета места их пребывания, мы получаем возможность исследовать бинарную оппозицию «геокультура-хронокультура».

Выдающийся английский антрополог прошлого века Эдмунд Лич (1910–1989) одним из первых пытался, во-первых, связать современное состояние культуры (культурогенез) с эпохой «универсальных коммуникаций», во-вторых, увидеть культуру в системе координат пространства и времени, снискав репутацию исследователя «экологии человека». На примере монгольской юрты он метафорически показывает, как культура связана с пространством. Круглая по форме, стоящая где-то в безбрежной монгольской степи, юрта точно ориентирована входом на юг. Пространство внутри поделено и образует сложную сетку — восток/запад, север/юг, — так что в каждой части палатки осуществляется деятельность точно предсказуемого характера: социальная, техническая или ритуальная [10, с. 66].

С геокультурных позиций за пределами юрты пространственная ориентация не имеет смысла, внутри же — она безусловна. Это отражает глубокую психологическую потребность любого человека в чувстве защищенности, а такое чувство возникает, когда знаешь, где ты находишься. Со знанием того, «где ты находишься», связано не только территориальное, но и социальное положение. Пространственные ориенти-

¹ Подробно содержание схемы раскрывается в следующих публикациях: [8, 9].

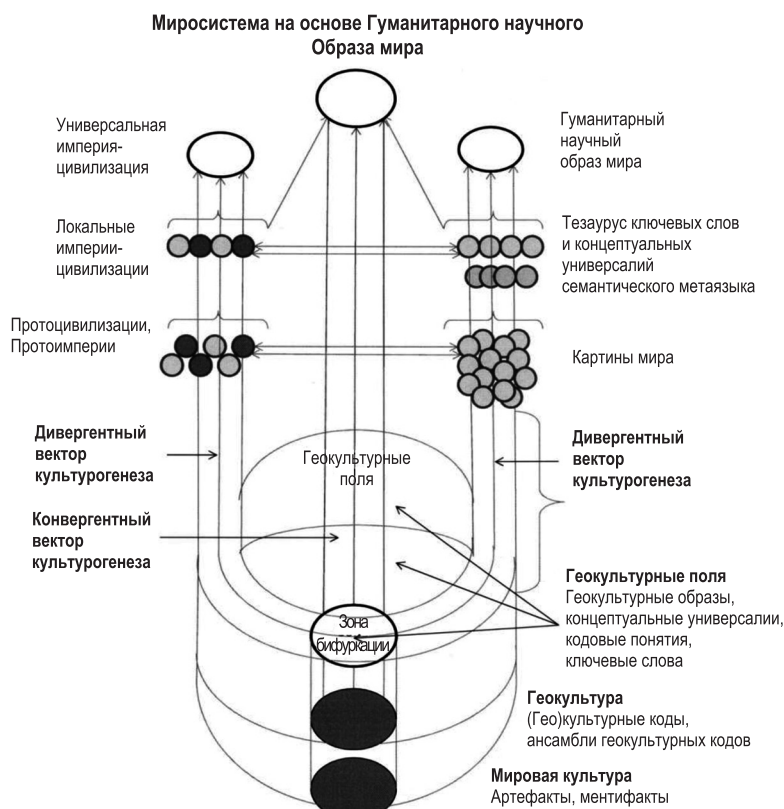


Схема 1

ры, например «правый» и «левый», имеют не только физический, но и символический смысл: правое, как правило, предпочтительнее левого. Но самое главное, что они могут существовать только вместе, образуя пару: без правого не бывает левого. Вслед за такими корифеями функционализма, как Бронислав Каспар Малиновский, Альфред Реджинальд Рэдклифф-Браун и Клод Леви-Строс, Э. Лич развивает концепцию «бинарного кодирования и бинарных оппозиций», имеющую важнейшее значение в культурных коммуникациях, в частности при формировании персональных конструкторов. Допустим, бинарная оппозиция «Восток-Запад» несет в себе смысловое обобщение едва ли ни глобального уровня, схожее содержание может быть усмотрено и в противопоставлении «Севера и Юга», например, в культурогенезе европейских народов. А вот пространственные пары Восток/Север или Запад/Юг лишены какой-либо внятной метафоричности, так как не содержат бинарной оппозиционности.

Социальная антропология² как научная дисциплина различает объект и предмет исследования. Если объектом исследования всегда оставалось человеческое общество, то предметом в различных концепциях могло быть и общество, и культура. Структуры культуры и общества, находясь во взаимосвязи, никогда не сливаются,

² Социальная антропология — мультипредметная научная дисциплина, изучающая человека и человеческое общество, закономерности их развития и культурное многообразие.

образуя «бинарную оппозицию». Социальному антропологу приходится выбирать, на чем делать акцент: на культуре или на обществе, и в зависимости от этого склоняться либо к социальному, либо к культурному детерминизму. Э. Лич стремится уйти от фатальной дилеммы в пользу так называемого «интерпретивного знания с символическим пониманием». Оно избыточно, т. е. не обязательно доступно для всех. Оно служит охватывающей системой для интерпретируемой реальной системы. Основу этого знания составляют бинарные оппозиции, логика которых охватывает Вселенную. Интерпретивное знание сравнительно легко трансформируется из «знания для себя» в «знание для многих», т. е. наряду с когнитивной функцией начинает выполнять функцию жизнедеятельности, обретая свойства интеркоммуникативности и, в конечном смысле, — реальности. Знак или символ приобретают значение только тогда, когда его отделяют от какого-либо другого, противоположного знака или символа и помещают в конкретную пространственную среду.

Человек окружает себя геометрически правильными предметами, тогда как в дикой природе, безусловно, преобладает беспорядочное пересечение хаотичных кривых. Человек нуждается (или ему так кажется) в упорядоченности окружающего его пространства, он часто ищет логику даже там, где ее, скорее всего, нет или она непостижима. Цель духовных усилий человека — привести представление о сложном к простому образу — упорядочить культуру, противопоставив ее сложной Природе. Природа же, напротив, демонстрирует полное пренебрежение «правильными формами», но ищет гармонии и симфоничности малого в целом. Вот как об этом рассказывается в старинной буддийской притче.

Махавира был современником Будды. Он основал религию джайнов, проповедуя идею ненанесения вреда всем живым существам. Махавира, как и Будда, никогда не говорил о Боге. Он говорил о Божественности, о Единстве, о Природе, о Жизни, об освобождении от пут невежества. Он учил, что природа двойственна и удерживает человека в сетях невежества. Эта двойственность проявляется в элементарной логике, а человеку для познания истины необходимо развивать парадоксальную и абстрактную логику. Примером такой логики был его ответ на вопрос: «Существует ли Бог?». Он отвечал на этот вопрос так: «Возможно “ДА”. Но подождите, не делайте поспешного заключения. Возможно “НЕТ”. Но подождите, возможно “ДА” и “НЕТ”. Язык очень беден, с его помощью трудно выразить столь сложную гамму представлений. Возможно “ДА” и неопределенное ни “ДА”, ни “НЕТ”. А возможно “НЕТ” и неопределенное ни “ДА”, ни “НЕТ”. Жизнь — это радуга. Возможно “ДА” и “НЕТ” оба, и неопределенное ни “ДА”, ни “НЕТ”».

По мнению Лича, сам по себе контраст между рукотворной геометрической топографией и хаотичной природной топографией является метонимическим знаком более широкого общего контраста между Культурой и Природой [10, с. 62–63]. Время и пространство как взаимосвязанные представления составляют среду обитания Природы и Культуры. Природа не может существовать вне пространства и времени, тогда как жизнь Культуры вне одного из компонентов этого комплекса представляется возможной. Так, Культура с преобладающим пространственным компонентом интерпретируется с помощью свойств синхронности и фрагментарности (дробности, детализации), что позволяет говорить о ней в контексте теории геокультурных пространств и геокультурных полей.

Культура с преобладающим компонентом времени живет жизнью «внепространственных идей», и поэтому на первый взгляд тождественна понятию «хронокультура»,

связанному с западно-христианской моделью культурного бытования. Так, приобретающие сегодня культовый характер мифы и музыка абсолютно хронокультурны, поскольку, согласно Леви-Строссу и Личу, *уничтожают время* [10, с. 56].

Понятие *хронокультура* в чистом виде характеризует затраты времени для образования тех или иных искусственных форм (в том числе впечатлений) и социально обусловленных моделей поведения индивидуумов, социумов и макросоциальных групп. Хронокультура как принцип фокусирует внимание на процессе и времени его протекания, как бы игнорируя пространство с его локальным разнообразием культур. Хронокультурный подход старается не замечать пространственного ландшафта, если он в культурном отношении неоднороден или, не дай бог, несет идею культурной альтернативы. На самом деле это иллюзия, просто под пространством сегодня весьма часто подразумевается не локальная и понятная разуму территория, а Мир в целом, представления о котором нередко пронизаны идеей «приватизированной локальности» — привязанности к своему реальному или ретроспективному местопребыванию. Вводя понятие *хронокультуры*, мы совершенно сознательно допускаем его в качестве бинарной оппозиции геокультуре. Бинарная оппозиция хронокультура/геокультура вводит в научный оборот особую оценочную шкалу, которая весьма остро ставит вопрос о культурном состоянии современного мира, выстраивающемся между двумя полюсами. Полюс хронокультуры символизирует универсальные ценности, восходящие прежде всего к западному паттерну культурного развития, с его акцентом на духовную независимость личности. Полюс геокультуры, напротив, указывает на сохранение локального культурного разнообразия.

Хронокультура — это вера, преобладающая над чувствами, вера в принципы, но без эмоциональной составляющей жизни, это «любовь не по расчету, но с расчетом», по словам персонажа «Обыкновенной Истории» И. А. Гончарова. Прагматизм и практицизм, которые сами по себе не плохи, но в отсутствии чувства легко превращаются в крайности фанатизма или безразличия. Хронокультура не принимает в расчет пространство, вытесняя его из логики рассуждений или подчиняя его логике культурного концепта. Привязанность высшего порядка — любовь — превращается в привязанность не к человеку как таковому, а к процессу привязанности (привычки), к заботе, опеке, помощи, ласке, сексу и т. д.

Возможно, все изложенное кому-то покажется пессимистичным и преувеличенным, а кто-то, напротив, увидит весьма заманчивую перспективу для индивидуального самоопределения без диктата «догм и вечных истин». Многое зависит от нашего отношения к тому, что мы называем современностью и хотели бы видеть в будущем. Верить в неизменность или менять веру — дилемма не из простых. Поэтому в заключение статьи вместо свода выводов — забавная история о вечном враге человечества.

Дьявол решил прогуляться с приятелем. Вдруг он увидел путника, который что-то поднял с земли. «Что он нашел?» — спросил спутник дьявола. «Кусочек Истины», — ответил дьявол. «И тебя это не беспокоит?» — изумился его приятель. «Совершенно не беспокоит», — ответил дьявол. Он не успеет им воспользоваться, поскольку я помогу ему сделать из истины предмет веры, поклонения и культа. Моя победа — лишь вопрос времени».

Эта притча указывает на два непохожих, но «по-человечески неотделимых друг от друга подхода к Бытию». Речь идет о выборе между верой или философствованием, следовании путем *Homo cogitans* (человека размышляющего) или *Homo credens* (человека верующего). В нынешние времена глубокой, как никогда, перестройки мироздания,

верующий человек, говоря словами В. Соловьева, «по необходимости становится мыслящим» [11, с. 740].

С востоковедных позиций (а все, что изложено в статье, изложено именно с востоковедных позиций) символической фигурой геокультуры выступает «Человек Востока», а символической фигурой хронокультуры выступает «Человек Запада», и «с мест они не сойдут». Подобно тому, как полушария головного мозга участвуют в мыслительной деятельности, «Человек Востока» и «Человек Запада» присутствуют в каждом из нас, влияя на характер мышления и модель поведения. Теперь они не вне системы человека, а внутри нее. Вопрос не в том, кто одержит верх, а в том, как они взаимодействуют, каким образом и в какой части системы возникает преобладание одного над другим и, наконец, каким будет рожденный этими взаимоотношениями результирующий вектор развития. Ответы на эти вопросы призвано искать современное востоковедение.

Литература

1. Шарден П. Т. де. Феномен человека. М., 1987.
2. Вернадский В. И. Научная мысль как планетарное явление. М. 1991.
3. Капица С. П. Парадоксы роста. Законы развития человечества. М., 2010.
4. Аниен Р. Н. Мировые перспективы // Эрих Фромм. Революция надежды. О гуманизации технического общества. Избавление от иллюзий. Сопоставление взглядов Маркса и Фрейда. М., 2005.
5. Wallerstein I. Geopolitics and Geoculture: Essays on the Changing World-System. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
6. Замятин Д. Н. Гуманитарная география. Пространство и язык географических образов. СПб., 2003.
7. www.gtmarket.ru/laboratory/publicdoc/2006/472
8. Зеленов Е. И. Постигание Образа мира. СПб., 2012.
9. Зеленов Е. И. Конструирование образа мира в контексте концепции геокультурного пространства и поля // Концепции современного востоковедения. СПб., 2012.
10. Лич Э. Культура и коммуникация. Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии. М., 2001.
11. Соловьев В. С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Соловьев В. С. Соч.: в 2 т. / под ред. А. Ф. Лосева и А. В. Гулыги. М., 1988.

Статья поступила в редакцию 18 июня 2012 г.

А. А. Кириллова

СВЕТИЛЬНИК МЕНОРА И ЕГО ЭЛЕМЕНТЫ

Многие реалии, описанные в тексте Библии, на сегодняшний день являются мало-понятными для читателя, что обусловлено отрывом в более чем две тысячи лет от момента окончательного формирования корпуса.

Один из способов, который может помочь в обретении утраченного понимания, — исследование библейской лексики с точки зрения сравнительно-исторического языкознания, а именно путем привлечения лексических данных других семитских языков. Необходимо отметить, что идея абсолютно не нова: уже в словаре древнееврейского языка Ветхого Завета, подготовленном Фр. Брауном, С. Р. Драйвером и Ч. Бриггзом, который был составлен в 1906 г. на основе более раннего словаря В. Гезениуса, приводятся данные по другим семитским языкам (аккадский, финикийский, иудейский, сирийский, арабский, сабейский, эфиопский — геэз) [1]. На данный момент самым продвинутым исследованием в области семитской этимологии можно считать «Этимологический словарь семитских языков» А. Ю. Милитарева и Л. Е. Когана; на сегодняшний день вышли два тома, первый из которых посвящен анатомическим терминам, а второй — терминам фауны [2; 3].

Целью настоящего исследования является анализ терминов, использовавшихся для обозначения светильника *məṇōrā*, а также некоторых его элементов. Впервые данный светильник упоминается в главе 25 книги Исхода как неотъемлемый элемент Скинии Завета, который Моисей должен был создать по велению Творца. Мы намеренно не рассматриваем те элементы светильника, которые совершенно явным образом именуются ботаническими/биологическими терминами: *rāḡaḥ* (цветок), *ḳānā* (ветвь), *yāreḥ* (верхняя часть бедра — человека или животного). Таким образом, предметом настоящего исследования становится сам термин для светильника *məṇōrā*, а также термины, обозначающие его элементы: *per* и *gābiaʿ*.

В рамках данного исследования мы попытаемся комплексно рассмотреть указанные термины, а именно: провести текстологический анализ, привлечь данные переводов Библии на другие языки, опираясь на стандартные методы сравнительно-исторического языкознания, установить этимологию. Возможно, все эти усилия в итоге приведут к желаемому результату — мы сможем понять, какой вид имел сам светильник и его элементы.

1) Термин *məṇōrā* традиционно понимается как многорожковый светильник:

Исх. 25:31 — *wəʔāšītā mənorat zāhāb ṭāhōr miḳšā tēʔāsā hammənorā yərekāh wəḳānāh gəbīʔāhā kəptorāhā upəṛāḥāhā mimmānnā yīhyū*¹ — «сделай светильник из чистого золота, чеканный будет сделан светильник, из него будут его стебель, его ветви, его чашечки, его яблоки и его цветы»².

Обратимся к переводам Библии:

— Вульгата: *candelabrum* — подсвечник³.

¹ Здесь и далее цитаты из Библии приводятся по [4].

² Здесь и далее переводы и комментарии к библейскому тексту наши.

³ Здесь и далее переводы словарных входов наши.

© А. А. Кириллова, 2012

- Септуагинта: *λυχίαν* — *lampstand* (светильник) [5, p. 909].
- Арамейские переводы (Таргумы Онкелос, Йонатан, Псевдо-Йонатан, Неофити, Пешитта) — во всех случаях *mənartā* (*mnrtʔ*).

Далее в тексте книги Исхода дается исключительно подробное описание данного светильника: «шесть ветвей (*kānīm*) должны выходить из боков светильника: три ветви с одной стороны и три ветви — с другой», а на каждой ветви должны быть три чашечки (*gəbiʕīm*) наподобие миндального цветка и цветы (*pəraḥ*); помимо этого, чашечки и цветы должны быть на стебле светильника и под каждой парой ветвей. Сам светильник должен быть *kullāh miḳšā ʔaḥat zāhāb ṭāhōr* — «цельный, чеканный, из чистого золота». Также есть указание на то, что для светильника должны быть изготовлены семь лампад (*ʔāt-ncrotāhā šibʕā* — в косвенном падеже), которые должны быть водружены на светильник так, чтобы они освещали его переднюю сторону.

Довольно распространенный термин в Танахе: засвидетельствован более 40 раз. Встречается преимущественно в Пятикнижии и книгах Паралипоменон (1 и 2). За пределами указанных текстов термин представлен также:

1Цар. 7: 49 (об устройстве Храма — после упоминания золотого жертвенника и стола, которых Соломон сделал для Храма): *wəʔāt-hammənoṛōt ḥāmeš miyāmīn wəḥāmeš miššəmə*(?) — «пять светильников справа и пять — слева»;

2Цар. 4: 10: *wənāšīm lō šām miṭṭā wəšulḥān wəkisse*(?) *umənoṛā*... — «и поставим там кровать, стол, стул и светильник»;

Иер. 52: 19: *wəʔāt-hammənoṛōt ... ʔāšār zāhāb zāhāb* — «и светильники...золотые».

Текстологический анализ также дает нам сведения о характере предмета. Как уже упоминалось выше (см. Исх. 25: 31), светильник *mənoṛā* изготовлялся из золота для последующего употребления в культовых целях, но золото не было единственным металлом, служившим для изготовления данного предмета. В 1Цар. 29: 15 упоминается также серебро:

1Цар.29: 15: *umiḣḣāl ləmnorōt hazzāhāb wəncrotēhām zāhāb bəmiḣḣal-mənoṛā umənoṛā wəncrotēhā wəlimnorōt hakkāsār*... — «и вес золотых светильников и их золотых лампад с весом каждого светильника и его лампад, а также для серебряных светильников...».

Термин засвидетельствован также в постбиблейском иврите: *mənoṛā* — *candlestick, lamp* (подсвечник, лампа) [6, p. 798].

Приведем параллели из других семитских языков:

- официальный арамейский: *mnwrh* — *candelabrum* (канделябр) (по всей вероятности, заимствование) [7, p. 658];
- набатейский: *mnr* — правильность чтения вызывает сомнения, точное значение лексемы неизвестно; предположительно, это *candelabrum* (канделябр) [7, p. 662];
- иудейский арамейский: *mənārtā* — *lamp* (лампа) [6, p. 802];
- сирийский: *mnāṛā, mnārtā* — *a lamp-stand, candlestick* (светильник, подсвечник) (Пэйн-Смит отмечает как др.-евр. заимствование) [8, p. 283];
- арабский: *manār* — *endroit où l'on voit de la lumière, une lueur, de la clarté; endroit où le feu brûle* (место, где виден свет, отблеск света; место, где горит свет) [9, p. 1366]; *manārat* — *endroit où l'on voit de la lumière, endroit où l'on a allumé du feu* (место, откуда виден свет; место, где зажигают огонь); *lanterne* (фонарь); *phare, fanal* (маяк; большой фонарь) [9, p. 1366];

— геэз: *manārat, manārāt* — candlestick, candelabrum, oil lamp (подсвечник, канделябр, масляная лампа) [10, p. 351]. В. Леслау указывает на то, что данный термин является заимствованием из сирийского.

См. также геэз: *marana* — shine, sparkle (сиять, искриться) [10, p. 359].

Геэз: *marān* (мн.ч. *marānāt, marānātāt*) — candlestick, lamp (подсвечник, лампа) [10, p. 359]. Данный термин Леслау рассматривает как образовавшийся в результате метатезы в термине *manārat*.

Морфологически данный термин представляет собой отыменное образование *m-* + [*nwr*] + [окончание — показатель женского рода]. Лексема образована по модели *maḳṭāl* с учетом позиционных изменений для группы глаголов со вторым слабым корневым согласным [11, p. 203–204]. В основе термина *məpōgā* лежит корень *nwr*, от которого, в свою очередь, был образован термин для обозначения элемента светильника, а именно *per*.

2) В древнееврейском языке хорошо засвидетельствован термин *per*, для которого в «Словаре древнееврейского и арамейского языков Ветхого завета» предложен перевод “light; a small clay lamp filled with oil, usually with only one spout for the wick” (свет; небольшая керамическая лампа, наполненная маслом и имеющая только один носик для фитиля) [12]. В корпусе Библии имеются многочисленные случаи употребления данного термина (всего более 40), как-то:

- Пр. 6: 23: *kī per mišwā wəṭōrā ʔōg* — «потому что заповедь — это свет, и учение — свет» (параллелизм со словом *ʔōg* «свет»);
- Исх. 27: 20: *wəyiqḥū ʔelākā šāmān zayit kāfīt lammāʔōg ləhaʔālat ner tāmīd* — «и будут приносить тебе чистое масло из маслин, чтобы всегда поддерживать огонь»;
- Лев. 24: 4: *ʔal hammənōrā haṭṭəhōrā yaʔārok ʔāt hannerōt lipnē yhwā tāmīd* — «на чистый светильник ставить лампы перед Б-гом всегда»;
- 1Пар. 28: 15: *ūmišḳāl ləmənōrōt hazzāhāb wənerotēhām zāhāb* — «и вес для золотых светильников и их золотых ламп»;
- Зах. 4: 2: *wəhinne mənōrat zāhāb kullāh wəgullāh ʔal-rošāh wəšibʔā nerotāhā ʔālāhā šibʔā wəšibʔā mūšāḳōt lannerōt ʔāšār ʔal-rošāh* — «и вот светильник целиком из золота, и на его верхушке семь ламп, и семь язычков/фитилей для ламп, которые на его верхушке».

Из приведенных цитат видно, что в древнееврейском языке термин *per* имел два значения: 1) более отвлеченное — «свет» (см. Пр. 6: 23); 2) обозначение конкретного предмета, а именно светильника (см.: Исх. 27: 20, Лев. 24: 4).

В Септуагинте это слово регулярно передается через термин *λύχνους* — a portable light, a lamp («переносной источник света/лампа») [5, p. 910]. В Вульгате термин переводится как *lucernae* (мн. ч. от *lucerna*) — «свеча, светильник или лампада».

В арамейских переводах разных частей Библии для передачи термина *per* регулярно используется термин *bōšīnaʔā / būšīnā* — “wicks, or in general candle, lamp, light” (фитиль или в целом — свеча, лампа, свет) [6, p. 147]. В описании данного термина Ястров ссылается на термин *būš, būšā* — linen (лен) [6, p. 147], предполагая, что термин *būšīnā* по своему происхождению является формой множественного числа от термина *būš, būšā*.

Пешитта: *šəgāgīn* — мн.ч. от *šəgāgā* — a lamp (лампа) [8, p. 597], a lamp, lamp stand (лампа, подсвечник) [13, p. 1601].

Термин также засвидетельствован в постбиблейском иврите: *per* (также *nūr*) — *light* (свет) [6, p. 936].

Рассмотрим параллели из других семитских языков для установления более точной этимологии:

— Аккадский: *nūru* — *light; fire, lamp* (свет, огонь, лампа) — термин впервые засвидетельствован в ст.-акк. и далее встречается регулярно [14, N 2, p. 347].

Необходимо также отметить, что в аккадском языке засвидетельствован глагол *namāru* (также в форме *nawaru*) — *to dawn, to shine brightly (said of heavenly bodies), to burn brightly* (заходить (о солнце), ярко светить (о небесных телах), ярко гореть); в форме *nummuru* — *to light a fire, to set fire to, to kindle* (зажигать огонь, поджигать) [14, N 1, p. 209–210].

— Угаритский: *nr* — *sheen, gleam* (сияние, мерцание) + последующий метонимический переход > *lamp* [15, p. 642] (в частности, упоминаются масляные лампы).

Термин *nr* также приведен в «Словаре северозападных семитских языков»: *nr1* = *nrw2* = *fire*, однако в данном случае предполагается иранское заимствование [7, p. 759], что маловероятно: ни в ст.-аккадском, ни в угаритском иранских заимствований быть не может, а вторичное заимствование в арамейский общесемитского термина через иранские крайне сомнительно.

— Мандейский: *nura* — *fire* (огонь) [16, p. 294].

— Иудейский арамейский: *nūr, nūrā* — *fire* (огонь) [6, p. 890].

— Сирийский: *n-w-r* — *to set light, to kindle* (зажигать свет, поджигать) [8, p. 334]; *nūr, nūrā* — *fire* [8, p. 334].

— Арабский: *nfrf* (*n-w-r*) — *luire, briller* (светить; блеснуть, сиять) [9, p. 1364]; *nār* (*nʔr*) — *feu* (огонь) [9, p. 1365]; *nūr* — *lumière* (свет; фонари?) [9, p. 1365];

— Геэз: *nār, ur* — *light, fire* (свет, огонь) [10, p. 401]. Леслау считает данный термин заимствованием из арабского языка. От данного слова образован деноминативный глагол /*n-w-r*/ со значением “*to be lit, to be lighted, illuminate*” (быть зажженным, освещать) [10, p. 410].

С учетом того, что рассматриваемый древнееврейский термин *per* имеет уверенные параллели в других семитских языках, можно реконструировать прасемитский термин **nVr4* со значением «огонь, свет».

Сделаем выводы относительно значения рассматриваемого термина *per* с учетом приведенных данных: Цитаты Исх. 27: 20, Лев. 24: 4, 1Пар. 28: 15 и Зах. 4: 2 дают довольно подробное описание денотата: это металлическая лампа (здесь возникает противоречие с утверждением «Словаря древнееврейского и арамейского языков Ветхого Завета» [12] о материале для изготовления лампы), которая может быть неотъемлемой частью светильника *məpōṡā*; данная лампа заправляется маслом и имеет **mūṣāḳā* (← *mūṣāḳōt*) — с учетом семантики глагола *u-ṣ-ḳ* (лить, в том числе металл) можно говорить о носике. Таким образом, по-видимому, речь идет о масляной лампе, имевшей узкий носик, в который вставлялся фитиль и поджигался.

Данные арамейских переводов Библии, а именно термин *bōṣīnayā / būṣīnā*, который, по предположению М. Ястрова, происходит от термина *būṣ, būṣā* со значением

⁴ Символом V мы обозначаем гласный звук, который в данном случае мы не реконструируем в связи с различиями в вокализме терминов из семитских языков.

«лен», могут подтвердить наше предположение о том, что в данной лампе использовался фитиль.

Данные других семитских языков не дают никакой дополнительной информации о значении рассматриваемого древнееврейского термина, однако они позволяют реконструировать историю его происхождения. Древнееврейский термин *per* происходит от прасемитского **nVr*, для которого реконструируется значение «огонь, свет». Впоследствии происходит метонимический переход «содержащее — содержимое», и термином для явления «свет» начинает именоваться сам физический источник света» (подобный переход для древнееврейской культурной лексики можно считать если не типичным, то, по крайней мере, часто встречающимся).

3) *gābiaʿ* — по переводу «Словаря древнееврейского и арамейского языков Ветхого Завета» [12] — *pitcher, cup* (кувшин, чаша), по словарю Фр. Брауна, С. Р. Драйвера и Ч. Бриггза — *cup, bowl* (чашка, чаша) [1, p. 149].

Быт. 44: 2: *wə-ʔāt-gəbīʿī gəbīʿ hakkāšāp tāšīm* — «и чашу мою, серебряную чашу положи» (Таргум Онкелос: *kallidā* — *cup, calyx of flowers* < Греческий *χάλις* — *calyx* [6, p. 642], Вульгата: *Scyphum* — чаша, кубок, бокал; Септуагинта: *κόνδυ* — a drinking vessel [5, p. 829] — здесь и далее Быт. 44: 5–17).

Важное замечание относительно чаши:

- Быт. 44: 5: *hālō(?) zā ʔāšār yištā ʔādōnī bō wəhū(?) naḥeš yənaḥeš bō* — «не та ли это чаша, из которой пьет мой господин и по которой он гадает»;
- Быт. 44: 12, 16, 17: *gābiaʿ* (Таргум Онкелос: *kallidā*, Вульгата: *Scyphum* — чаша, кубок, бокал);
- Иер. 35: 5: *wāʔāṭten ... gəbīʿīm mələʿīm yayin wəkosot* — «и дал... полные чаши вина и стаканы» (Таргум Йонатан: *kalidin*, Пешитта: *ʔaganā*, Вульгата: *scyphos plenos vino* — полная чаша вина, Септуагинта: *κεράμιον* — an earthenware vessel [5, p. 797]).

Второй случай — как элемент светильника *məpōgā* (Исх. 25, с параллельным текстом в Исх. 37: 17 и далее):

Исх. 25: 31: *wəʔāšītā mənorat zāhāb ʔāhōr miḫšā tēʔāšā hamməpōgā yərekāh wəḫānāh gəbīʿāhā kəptorāhā ʔəpārāḥāhā mimmənnā yihū* — «сделай чеканный светильник из чистого золота, сделай светильник, чтобы его стебли, его ветви и его чаши, его подсвечники и его цветы были из него» (Таргум Онкелос: *kallidāhā* — *calyx of flowers* (чашечка цветка), Вульгата: *scyphi* — чаша, кубок, бокал; Септуагинта: *κράτηρες* — a mixing vessel, esp. a large bowl, in which the wine was mixed with water, and from which the cups were filled (чаша для смешивания, в особенности в которой вино смешивается с водой и из которой разливается по чашам) [5, p. 842] — здесь и далее в Исх. 25: 33–34).

Противопоставление в конструкции:

- Исх. 25: 33: *šəlošā gəbīʿīm məšukḫādīm baḫḫānā hāʔāḥād* — «три чаши в форме цветов миндаля на одной ветви» (Вульгата: *scyphi*; Таргум Онкелос: *kallidīm* — *calyx of flowers* (чашечка цветка)).
- Исх. 25: 34: *ūbamməpōgā ʔarbāʔā gəbīʿīm məšukḫādīm* — «на светильнике четыре чаши в форме цветов миндаля» (Вульгата: *scyphi* — чаша, кубок, бокал; Таргум Онкелос: *kallidīm* — *calyx of flowers* (чашечка цветка)).

Стоит обратить внимание на ущербное написание термина во множ. ч. (т.е. отсутствие *y* в середине слова). Это может свидетельствовать о некорневом характере данного *y*.

Термин также встречается в постбиблейском иврите: *gābīaʿ* — только один раз в Гenezис Рабба [6, p. 207].

Что касается параллелей из других семитских языков, то нам удалось установить лишь одну: Syr. *gbūʿā* — a vessel, water pot (сосуд, горшок для воды) [8, p. 59].

Чтобы установить этимологию, обратимся еще к нескольким терминам.

gebīm

Данный термин встречается в тексте дважды и только в форме множественного числа:

- 2Цар. 3: 16: *wayyomār kō ʾāmar yhw ʾāšo hannaḥal hazzā gebīm gebīm* — «И сказал: так сказал Г-дь: сделай эту долину рвами и рвами (рвами за рвами)» (В Таргуме Йонатана данный термин передается как *rəṣīd* — “cut, trench, rivulet” (канавы, ров, речка/ручей) [6, p. 1204]).
- Иер. 14: 3: *wəʾaddirēhām šālḥū šəʾōrēhām lammāyim bāʾū ʾal- gebīm lō-māšʾū mayim* (...) — «И послали выдающиеся люди слуг за водой, пришли они к колодцам/ямам, но не нашли воду...» (*rəṣīd* в Таргуме Йонатана).

Можно реконструировать форму единственного числа для данного термина: *geb (приведенные случаи употребления термина не содержат указаний на *pluralia tantum*).

Рассмотрим параллели для данного термина из других семитских языков:

- Аккадский: *gubbû* — cultic water basin (водоем культового назначения) [14, G, p. 117] / *Zisterne* (цистерна) [17, S. 295]. Фон Зоден считает его западно-семитским, скорее всего, арамейским заимствованием, в то время как авторы «Словаря аккадского языка» [14] считают данный термин вариантом термина *agubbû*.
- agubbû*, *egubbû* — holy water, basin for holy water [14, E, p. 49; 17, S. 17]. И авторы «Словаря аккадского языка», и фон Зоден сходятся во мнении, что данный термин является заимствованием из шумерского (DUG) A. GÚB. BA.
- Угаритский: *gb* — a cult installation, probably a kind of a ‘pit’ (культовое сооружение, вероятно, разновидность «ямы») [15, p. 291].
- Мандейский: *guba* — ditch, pit, water-runnel, cistern, pool (канавы, яма, водосток, цистерна, бассейн) [16, p. 82].
- Сирийский: *gub*, *gubā* — well, cistern, pit, den (колодец, цистерна, яма, нора) [8, p. 62].
- Арабский: *ḡubb(-un)* — puits, citerne (колодец, скважина; водоем, цистерна, резервуар) [9, p. 246].
- Геэз: *gəbb* (pl. *gəbab*) — pit, ditch, cavern, abyss, cave, lair, hole, den (яма, канава, полость, пропасть, пещера, берлога, дыра, нора) [10, p. 176]. Леслау указывает на параллели из других семитских языков (арабского, аккадского, угаритского и пр.) и не рассматривает данный термин как заимствование.
- Тигре: *gəbb* — cave, hole, pit (пещера, дыра, яма) [10, p. 176];
- Амхарский: *gəbb* — cave, hole, pit (пещера, дыра, яма) [10, p. 176];
- Харари: *gäb* — cave, hole, pit (пещера, дыра, яма) [10, p. 176].

Кёлер и Баумгартнер указывают на то, что др.-евр. термин *gēbīm* связан с ниже-следующим термином:

gäbäʔ — cistern, pool — цистерна, бассейн.

Данный термин также встречается лишь дважды в корпусе Библии, причем оба раза в книгах Пророков:

— Ис. 30: 14: ...wəlaḥṣor mayim miggäbäʔ — «...и брать воду из водоема» (рəṣīd в Таргуме Йонатана).

— Иез. 47: 11: biṣṣātō ugəbāʔāw lō yerārʔū ləməlaḥ nittānū — «болота и водоемы его, которые не исцелятся, будут отданы для соли» (рəṣīd в Таргуме Йонатана).

Данный термин засвидетельствован также в постбиблейском иврите: *gäbäʔ*, *geb* — cavity for collecting water, pond, cistern (углубление для сбора воды, пруд, цистерна) [6, p. 203].

Приведем параллели из других семитских языков:

— набатейский: sing. emph. *gbʔ* — well, cistern (колодец, цистерна) [7, p. 207];

— пальмирский: sing. emph. *gbʔ* — well, cistern (колодец, цистерна) [7, p. 207];

— арабский: *ḡabʔ(-un)* — fosse, creux de terre où l'eau s'amasse (яма, углубление в земле, в котором скапливается вода) [9, p. 247];

— сабейский: *hgbʔ* — collect (rain in an irrigation channel) (собирать (дождевую воду в ирригационный канал)) [18, p. 48] (Бистон выделяет корень *g-b-ʔ*).

Мы попытаемся свести этот, на первый взгляд, довольно стихийный набор данных к единой схеме. Допустим, что все рассматриваемые термины связаны между собой, и возведем все их к предполагаемому протосемитскому слову **gVb* со значением «яма с водой (искусственного или природного происхождения)». Вероятно, данная лексема и лексема **gVbʔ* являются двумя близкими корневыми вариантами (возможно, даже вариантами основ — с алефом и редупликацией *b*), однако проследить какое-либо смысловое различие между ними очень трудно: во всех случаях речь идет о некоем углублении в земле (яма или ров), заполненном водой. В данном случае *-ʔ* в термине **gVbʔ* следует рассматривать как радикал, расширяющий исходный двухконсонантный корень *g-b* до трех согласных⁵.

Что касается термина, от которого отталкивалось данное исследование, — др.-евр. *gābiaʔ*, то в данном случае мы допускаем, что термин происходит от **gVb*, который расширяется при помощи *-ʔ* с последующим изменением значения на «чаша, сосуд». Другими словами, термин *gābiaʔ* обозначает мелкий объект — по сравнению с **gVb*, однако связь с жидкостью осталась неизменной (что подтверждается, например, в Иер. 35: 5). Стоит оговориться, что это лишь гипотеза, имеющая право на существование.

Понимание того, из какого материала был сделан данный сосуд и что он вообще собой представлял, дают переводы Библии. *gābiaʔ* — это как питьевая чаша (κόλυν в Быт. 44: 2), изготовленная из серебра, так и крупная керамическая чаша (возможно, кувшин) для вина (ʔagaṇā в Пешитте, керάμιον в Септуагинте). Впрочем, и Ханиман,

⁵ Этот случай вполне соответствует характеристике triconsonantizer, приведенной А. Ю. Милитаревым [19, 1].

и Келсо в своих работах указывают на то, что чаша могла быть как керамической, так и металлической [20, p. 17; 21, p. 80].

В настоящем исследовании мы рассмотрели термин для светильника *тəṇōgā*, а также для некоторых его элементов:

- Термин *тəṇōgā* образован от корня *nVr, который как таковой не засвидетельствован в древнееврейском языке, однако хорошо реконструируется на прасемитском уровне со значением «свет, огонь».
- Элемент светильника *пег* представлял собой металлическую масляную лампу, имевшую длинный носик, в который вставлялся фитиль. Что касается материала, из которого изготавливалась данная лампа, то в книге Исхода имеется явное указание на то, что для светильника *тəṇōgā* подобные масляные лампы изготавливались из золота, однако в быту могли использоваться и керамические лампы (на что указывает Келсо [19, p. 26]). Является однокоренным с термином *тəṇōgā*.
- Элемент светильника *gābiaʿ* представлял собой чашу, размеры которой варьировались. Чаша могла быть как керамической, так и сделанной из металла (учитывая предписание о том, что светильник *тəṇōgā* должен был полностью изготовлен из золота, чаша должна быть золотой). Мы предполагаем, что этимологически термин *gābiaʿ* может восходить к протосемитскому слову *gVb со значением «яма с водой (искусственного или природного происхождения)».

Литература

1. Brown F., Driver S. R., Briggs C. A. *Brown-Driver-Briggs Hebrew and English Lexicon*. Hendrickson Publishers, 1996.
2. Militarev A., Kogan L. *Semitic Etymological Dictionary*. Vol. I: Anatomy of Man and Animals. Münster: Ugarit-Verlag, 2001.
3. Militarev A., Kogan L. *Semitic Etymological Dictionary*. Vol. II: Animal Names. Ugarit-Verlag, 2005.
4. *Biblia Hebraica Stuttgartensia*. Deutsche Bibelgesellschaft, 1997.
5. Liddell H. G., Scott R. *Greek-English Lexicon*. New York: Harper & Brothers, Franklin Square, 1883.
6. Jastrow M. *Dictionary of the Targumim, Talmud Babli, Yerushalmi, and Midrashic Literature*. New York: The Judaica Press, Inc, 1996.
7. Hoftijzer J., Jongeling K. *Dictionary of the North-West Semitic Inscriptions*. Leiden; New York; Köln: E. J. Brill, 1995.
8. Payne Smith J. A. *Compendious Syriac Dictionary* (founded upon the *Thesaurus Syriacus* of R. Payne Smith). Oxford: Clarendon Press, 1903.
9. Biberstein Kazimirski A. de. *Dictionnaire Arabe-Français*. I-II. Beyrouth: Librarie du Liban, 1860.
10. Leslau W. *Comparative Dictionary of Ge'ez (Classical Ethiopic)*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1987.
11. Joüon P. *Grammaire de l'Hébreu Biblique*. Rome: Institut Biblique Pontifical, 1947.
12. Koehler L., Baumgartner W. *The Hebrew and Aramaic Lexicon of the Old Testament*. Leiden: E. J. Brill, 1994–2000 (CD-Rom Edition).
13. Sokoloff M. *A Syriac Lexicon*. A Translation from the Latin, Correction, Expansion, and Update of C. Brockelmann's *Lexicon Syriacum*. Winona Lake, Indiana: Eisenbrauns; Piscataway, New Jersey: Gorgias Press, 2009.

14. *Brinkman J. A., Civil M., Gelb I. J., Oppenheim A. L., Reiner E.* The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. Oriental Institute, Chicago, Illinois, U. S. A. & J. J. Augustin Verlagsbuchhandlung, Glückstadt, Germany, 1956 — по настоящее время.

15. *Olmo Lete G. del, Sanmartín, J.* A Dictionary of the Ugaritic Language in the Alphabetic Tradition. Leiden; Boston: Brill, 2003.

16. *Drawer E., Macuch R.* A Mandaic Dictionary. Oxford, 1963.

17. *Soden W. von.* Akkadisches Handwörterbuch. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1985.

18. *Beeston A. F. L., Ghul M. A., Müller W. W., Ryckmans J.* Sabaic Dictionary. Louvain-la-Neuve, Éditions Peeters; Beyrouth, Librairie du Liban, 1982.

19. *Militarev A.* Root extension and root formation in Semitic and Afrasian. URL: <http://www.aulaorientalis.org/AuOr%20escaneado/AuOr%2023-2005/AuOr%2023%20PDF/8-Militarev-def.pdf> (дата обращения: 24.04.2012).

20. *Kelso, J. L.* The Ceramic Vocabulary of the Old Testament // Bulletin of the American Schools of Oriental Research. Supplementary Studies. N 5-6. 1948.

21. *Honeyman A. M.* The Pottery Vessels in the Old Testament // PEQ 71 (1939). P. 76-90.

Статья поступила в редакцию 18 июня 2012 г.

В. М. Рыбаков

ВЗЯТКА И ПОДОБНЫЕ ВЗЯТКЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ТРАДИЦИОННОМ КИТАЙСКОМ ПРАВЕ¹

Взятка как таковая

Коррупция является бичом всякой развитой бюрократии. Ко времени составления уголовного Кодекса династии Тан (618–907) «Тан люй шу и», или «Танских уголовных установлений с разъяснениями» (653), Китай накопил громадный, бесценный для мировой культурной копилки опыт как страданий от этого зла, так и борьбы с ним.

В танском Китае считалось несомненным, что с дефектами мотиваций, нерадивостью, неумением, недостатком опыта должны справляться конфуцианская идеология, сформировавшая идеальный образ чиновника и смысла его деятельности, а также осуществляемые прямым начальством регулярные организационные и дисциплинарные меры: поощрения, взыскания, ускорение карьерного роста или его приостановка. Коль скоро эти два фактора (идеологический и организационный) сохраняли эффективность, преднамеренные и тем более корыстные использования служебного положения в личных целях могли оставаться относительно немногочисленными. Пока такое положение оставалось в целом неизменным, отклонения от него — для которых, собственно, и предназначались уголовные законы — и впрямь могли быть достаточно успешно парированы правоохранительной активностью.

Чтобы в аппарат не проникли глупые и ленивые, достаточно было отладить систему отбора чиновников. Этому отбору посвящена одна-единственная статья Кодекса — та, в которой назначались наказания за рекомендацию к академическим экзаменам неспособных кандидатов или аттестацию начальниками своих подчиненных не по реальным заслугам. Назначаемые ею наказания были весьма мягки [1, ст. 92. См. также: 2, с. 12].

Но истари было усвоено, что наибольшую опасность для аппарата представляют собой не те, кто неловко справляется со своими обязанностями, но те, кто начинает чересчур уж ловко применять их, сменив главный смысловой адресат их применения с государства на самого себя.

Танское уголовное право выделяло шесть основных типов имущественных преступлений, так называемых «шесть присвоений» (*лю цзан* 六賊). В тексте «Тан люй шу и» содержание термина «присвоение» раскрывается, например, так:

В уголовных установлениях предусматривается только шесть категорий прямых присвоений: грабеж, кража, [взятка, приведшая к] нарушению закона и [взятка, не приведшая к] нарушению закона, получение имущества в сфере полномочий и незаконное присвоение [1, ст. 33; 3, с. 195].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Уголовные законы китайской династии Тан и оптимизация деятельности бюрократии», проект № 12-01-00017а.

© В. М. Рыбаков, 2012

Уже одно то, что из этих шести типов имущественных преступлений четыре (за исключением лишь «общечеловеческих» грабежа и кражи) были связаны с именно чиновничеством, говорит само за себя.

Самым простым и выгодным способом использования служебного положения в личных целях всегда и везде было взяточничество.

Вообще любое, даже не связанное с попыткой дать взятку, обращение к чиновному лицу с просьбой что-то сделать в нарушение правил и в пользу просителя было наказуемо.

Все общественные дела [ведутся] согласно правильным справедливым принципам. Тот, кто самоуправно обратился [к чиновнику] с домогательским прошением (*цинцю* 請求), вождея искривления закона (*цью фа* 曲法), наказывается 50 ударами легкими палками [1, ст. 135; 2, с. 84]².

В подобной ситуации чиновник мог, во-первых, отказаться выполнить просьбу; во-вторых, согласиться ее выполнить, но ничего не предпринять; в-третьих, дав согласие или, скажем, уклонившись от ясного ответа, начать реально действовать в обход закона.

В первом случае ни тот, кто обратился к чиновнику с просьбой, ни сам чиновник не подлежали ответственности.

Во втором случае как проситель, так и чиновник наказывались 50 ударами легкими палками.

В третьем, т.е. если по просьбе уже были предприняты реальные действия, нарушающие те или иные законы или правила, и виновный чиновник, и тот, кто к нему обратился с просьбой, наказывались 100 ударами тяжелыми палками.

Однако даже в третьей ситуации действия чиновника были бескорыстными. Чиновник ничего не получал за свои противоправные деяния; его мотивации могли быть какими угодно, но не вызывались непосредственной алчностью. Поэтому и наказания предусматривались относительно легкие.

Совершенно иная картина возникала, когда к мотивации чиновника примешивалась корысть.

Всякий полномочный или заведующий чиновник (*цзяньлинь чжусы* 監臨主司), получивший взятку и нарушивший закон (*шоуцай ванфа* 受財枉法), за 1 *чи* наказывается 100 ударами тяжелыми палками. За [каждую последующую] 1 *пи* наказание увеличивается на 1 степень. За 15 *пи* — удушение [1, ст. 138; 2, с. 89]³.

² Шкала основных наказаний по танскому праву состояла из: пяти разновидностей наказания легкими палками (10, 20, 30, 40 и 50 ударов); пяти разновидностей наказания тяжелыми палками (60, 70, 80, 90 и 100 ударов); пяти разновидностей наказания каторгой (1 год, 1,5, 2, 2,5 и 3 года работ); трех разновидностей наказания ссылкой (ссылка на 2000, на 2500 и на 3000 *ли*, где *ли* — ок. полукилометра); двух разновидностей наказания смертью (удавление и обезглавливание). Эти наказания группировались по степеням тяжести, которые отчасти повторяли разбивку по разновидностям. Для чиновников предусматривались также специфические должностные наказания: разжалование (*чумин* 除明), заключавшееся в низведении на 6 лет к тому статусу, который преступник имел до начала карьеры, с последующим восстановлением в значительно пониженном ранге, а также лишение должностей (*мньгуань* 免官) и лишение занимаемой должности (*мянь соцзюй гуань* 免所居官); в первом из этих двух случаев чиновник терял все должности и восстанавливался на службе через 3 года с понижением в ранге на 2 разряда; во втором — только одну должность, как правило, последнюю реально исполнявшуюся, а восстановление на службе происходило через 1 год с понижением на 1 разряд.

³ Мерилем стоимости в танском Кодексе был избран шелк определенного сорта, который измерялся либо в штуках (*пи* 疋), либо, если присвоение было небольшим, в *чи* (尺). Одна штука определяется в Ко-

Понятие *цзяньлинь чжусы* — одно из краеугольных понятий танского права в тех его аспектах, что касаются чиновничества. Чиновник в сфере своих административных полномочий и чиновник вне ее — это были, в сущности, совершенно разные субъекты права.

Во-первых, согласно самым общим культурным представлениям традиционного Китая именно своим подведомственным полномочный чиновник должен был служить моральным примером, гарантом справедливости в данном сегменте социального пространства. Во-вторых, зависимость подведомственного лица от своего начальника была не в пример выше, чем зависимость обычного человека от какого-то чужого чиновника. Чтобы преступление было отнесено к взятке, оно должно было быть совершено именно в отношении зависимого, более или менее беспомощного по отношению именно к данному властному лицу человека. Зависимость могла быть самого разного толка. Начальники учреждений были полномочными относительно своих подчиненных и их семей. Начальники местных административных единиц — округов, уездов и пр. — относительно всего подведомственного населения. Ведущий следствие или разбирающий тяжбу чиновник, пусть и невысокого ранга — относительно тех, кто проходил по данному уголовному делу или данной тяжбе. Мелкие начальники отдельных объектов — хранилищ, амбаров, складов — относительно вверенного им имущества и своих непосредственных подчиненных.

Понятно, что именно от тех, чью судьбу были вправе по службе решать чиновники, исходили и основной коррупционный соблазн, и основная коррупционная угроза. Природа связи между взяткодателем и взякополучателем была тут наиболее существенным фактором.

Так подразделялись согласно своим функциям чиновники.

Но подразделялись и их действия. Чиновник мог взять взятку, но затем либо предпринять некие реальные действия в обход закона и в пользу взяткодателя, либо не предпринять.

Кодекс гласит:

Всякий полномочный или заведующий чиновник, получивший взятку и нарушивший закон, за 1 *чи* наказывается 100 ударами тяжелыми палками. За [каждую последующую] 1 *пи* наказание увеличивается на 1 степень. За 15 *пи* — удушение. Не нарушивший закон за 1 *чи* наказывается 90 ударами тяжелыми палками. За [каждые последующие] 2 *пи* наказание увеличивается на 1 степень. За 30 *пи* — ссылка с дополнительными работами [1, ст. 138; 2, с. 89–90]⁴.

Предписание, точно устанавливавшее соответствие стоимости взятки в 15 *пи* и более — смертной казни через удушение, означало, что в интервале от 8 *пи* 1 *чи* до 15 *пи* наказание не увеличивалось, оставаясь равным ссылке на 3000 *ли*.

Во втором же случае статья тяжелее ссылки с дополнительными работами и достигнуть смертной казни наказание не могло, как бы ни был велик размер взятки. Ведь закон взякополучателем в пользу взяткодателя не был нарушен.

деке как единица ткани длиной в 40 *чи* и шириной в 1 *чи* 8 *цуней* [1, ст. 418. 4, с. 60]. Один *чи* представлял собой отрез этой ткани длиной в 1 *чи*. Что же касается покупательной способности этих денег, то в Кодексе несколько раз упоминается, например, что 1 трудодень отбывающего трудовую повинность или нанятого на работу человека стоил 3 *чи*.

⁴ Ссылка с дополнительными работами — особый вид наказания, назначавшийся за некоторые преступления, которые в первые годы династии Тан наказывались смертной казнью. Это была ссылка на 3000 *ли*, обремененная 3 годами каторжных работ. Она не входила в стандартную шкалу основных наказаний, но располагалась как бы между обычной ссылкой на 3000 *ли* и смертной казнью через удушение.

Однако взятка без нарушения закона была отнюдь не столь безобидна, как можно поначалу подумать. Во всяком случае, она выделялась в самостоятельную группу имущественных преступлений, явно отличную от простого получения имущества чиновником в сфере его полномочий, и наказывалась куда суровее него.

Надо полагать, что на самом деле речь тут идет о знакомой нам коллизии выкупа законных прав. Чиновнику совсем не обязательно рисковать, нарушая закон в пользу взяткодателя, чтобы получить от него мзду. Достаточно под любыми предложениями не предпринимать правильных, надлежащих, обусловленных законом и всеми инструкциями действий; тянуть, ссылаясь, скажем, то на проливные дожди, то на некие распоряжения начальства или иные высшие материи, то на интересы неких абстрактных вдов и сирот, пока подданные не стимулируют слугу народа соответствующим подношением. Выкуп у администрации законных прав — одна из наиболее мощных составляющих коррупции.

Наказание взяткодателя радикально отличалось от наказания того, кто просто обратился к чиновнику с домогательским прошением.

Всякому, кто... осуществил домогательство (*син цю* 行求) посредством [дачи] имущества, если он добился нарушения закона (*дэ ванфа* 得枉法), наказание определяется за незаконное присвоение (*цзо цзан* 坐贓), а если нарушения закона не было (*бу ван фа* 不枉法) — это наказание уменьшается на две степени [1, ст. 137; 2, с. 88].

За незаконное присвоение среди прочих полагалось наиболее легкое наказание: от 20 ударов легкими палками за 1 *чи* до трех лет каторги за 50 *ни* и более. Этот вид имущественных преступлений не является сейчас предметом рассмотрения, поэтому отметим лишь главное. Во-первых, наказание взяткодателя тоже определялось посредством прогрессивного увеличения в зависимости от стоимости предложенных в качестве взятки ценностей. Во-вторых, в отличие от ситуации с безвозмездным обращением (когда и чиновник, и проситель могли получать равные наказания — 50 ударов легкими палками, 100 ударов тяжелыми палками), здесь наказание просителю всегда оказывалось легче того, что грозило чиновнику.

В-третьих, несмотря на эту относительную легкость, при существенных размерах предложенной взятки взяткодатель мог получать принципиально более тяжелые наказания, чем если бы обратился с аналогичной просьбой без предложения взятки. Над верхним пределом наказания за безвозмездное обращение, равным 100 ударам тяжелыми палками, возникало сразу несколько более суровых градаций: 1 год, 1,5 года, 2 года, 2,5 года и 3 года каторги.

Взяткоподобные преступления

1. Для страны, все могущество и благосостояние которой зависело от налоговых поступлений, по большей части — натуральных поступлений продукции сельского хозяйства, учет населения и соответствующая ему разверстка налогов имели первостепенное значение. Мониторинг численности населения и состояния семейных хозяйств проводился постоянно. С самого низа, начиная с глав семей, периодически подавались наверх документы, в которых описывалось состояние каждого хозяйства, в первую очередь — количество едоков в семье, количество дворов в подотчетных единицах и пр. С каждым переходом на ступень вверх по административной лестнице эти документы подытоживались, сводились воедино, обобщались и шли дальше наверх,

в следующую по масштабу административную единицу, где происходило то же самое, но уже в иных масштабах.

Всякий... ответственный чиновник [уезда или округа], произвольно [кого-либо] не внесший, пропустивший, либо завывсивший или занизивший [данные] с тем, чтобы вывести [кого-либо] из-под обложения налогами и повинностями или подвести под него, за одного едока наказывается 1 годом каторги. За [каждых последующих] двух едоков наказание увеличивается на одну степень. ...Если благодаря невнесению, пропуску, завышению или занижению взял данный налог... себе (жу цзи 入己), рассчитывается стоимость присвоения, и... наказание определяется как за [взятку с] нарушением закона (и ванфа лунь 以枉法論). Когда по расчету [стоимости] присвоения [наказание] доходит до смерти, [преступник] наказывается ссылкой с дополнительными работами (цзя и лю 加役流) [1, ст. 153; 2, с. 116–117].

Чиновник использовал свои должностные возможности для того, чтобы обмануть государство; из-за его дезинформации праведная государственная система, продолжающая действовать по закону, оказалась на деле орудием нарушения закона. Подтасовав статистику, преступник вынудил закономерно действующий общественный механизм работать для его собственного незаконного личного обогащения. Совершилось нарушение закона, в результате которого произошло получение имущества нарушителем — параметры взятки с нарушением закона сошлись воедино.

В подобных ситуациях соответствие эталонной взятке было очень велико, и потому такие преступления приравнивались к фактическому совершению взятки с нарушением закона.

Наказание определялось как за взятку, следовательно, с применением должностных наказаний. Даже если присвоение и было небольшим (от 1 *пи*), виновный чиновник, тем не менее, подлежал разжалованию. Единственным послаблением было запрещение применять смертную казнь, вместо которой надлежало назначать ссылку с дополнительными работами. Ближайший аналог взятки с нарушением закона все же ею не был, и это сказалось на пиковой строгости наказания. Чиновник нарушил закон. Чиновник вследствие этого обогатился. Но не было взяточдателя, который получил бы в результате некие незаконные блага или преимущества. Не было подчинения того, кто обязан руководить, тому, кто обязан быть руководимым.

2. Сходного характера манипуляции могли быть произведены чиновником и в иных ситуациях.

Известно, сколько напастей подстерегает хлебопашца. Дух конфуцианства настойчиво требовал от правительства человеколюбия и заботы о народе. Вот и в танском Кодексе разъясняется с немалым знанием дела:

Засуха — имеется в виду чрезмерно палящее солнце. Наводнение — имеется в виду затяжной дождь и нескончаемое ненастье. Заморозки — имеется в виду, что [морозы] ударили не вовремя. Град — имеется в виду причинение бедственного ущерба. Насекомые либо саранча — имеются в виду гусеницы-стеблееды, черви, пожирающие корни, черви, пожирающие сердцевину, и [другие] вредители злаков такого рода [1, ст. 169; 2, с. 143].

На случай подобных несчастий законами предусматривались ослабления налогового бремени. Чем тяжелее был ущерб, нанесенный природными аномалиями, тем более значимыми были льготы.

Однако же, как и всякий чреватый ситуационными изменениями в упорядоченном перемещении имущества перерасчет, эта гуманная мера, будучи проведенной

в жизнь недобросовестными чиновниками, приводила не к облегчению положения народа, но лишь к обогащению самих чиновников.

Если полагается [от чего-либо] избавить в соответствии с нанесенным ущербом, не посредственно ответственные лица должны сообщить. ...Если в сообщении наверх... имелись произвольные завышения или занижения, и [из-за них] дошло до того, что были взыскивания или избавления с нарушением закона — имеется в виду, что полагалось [действовать, как при] ущербе, но взыскали, или не полагалось [действовать, как при] ущербе, но избавили. Подсчитывается то, что с нарушением закона было взыскано или оставлено, и... если [взысканное] пошло в частные [руки] (*жусы 入私*), наказание определяется как за [взятку с] нарушением закона. Когда доходит до смерти, [преступник] наказывается ссылкой с дополнительными работами [1, ст. 169; 2, с. 142–144].

Действительно, вполне можно представить, как в ситуации, когда ущерб от стихийного бедствия не достигал величин, при которых пострадавших земледельцев следовало от взыскания налога избавлять, некий оборотистый и корыстолюбивый начальник мог в своем рапорте завысить степень ущерба так, что по закону пострадавших земледельцев надлежало избавить от взыскания всего налога или какой-то его части. Высшие власти, действуя сообразно полученным сведениям, и впрямь гуманно и закономерно принимали решение не взыскивать весь налог или какую-то его часть. И тогда недобросовестными должностными лицами этот налог мог быть все же взыскан (откуда населению знать о гуманных мероприятиях имперского центра, как не от самих же местных чиновников?) и оставлен себе.

Это была уже чистая корысть, мотивировавшая нарушение закона, которое, в свою очередь, привело к получению преступной наживы. Обман вышестоящих инстанций ради выгоды и получение выгоды, порожденной обманом вышестоящих инстанций. Поэтому в подобных ситуациях виновные должностные лица подлежали наказанию по шкале взятки с нарушением закона. Единственным послаблением, как и в предыдущем случае, оставалась невозможность применения смертной казни.

3. Понятно, насколько зависит арестант от тюремщика, подследственный — от следователя, подсудимый — от судьи. Эта подвластность куда сильнее, чем простая подчиненность или подведомственность. Возможности для оказания давления тут безоговорочны, стремление преступника изменить в свою пользу ход событий — особенно интенсивно, а следовательно — и подстерегающие чиновника соблазны предельно беззащитны.

...Имеются в виду... должностные лица тюрем. ...Если... получив от арестанта [какое-либо] имущество, наставил его, как переиначить или исказить письменные разъяснения... и [в переиначивании] содержалось нечто, [способное привести] к завышению или занижению [наказания арестанта], наказание [такому чиновнику] определяется как за [взятку с] нарушением закона (*и ванфа лунь 以枉法論*) по нормам о не получающих жалованья: за получение имущества стоимостью в 1 *чи* — 90 ударов тяжелыми палками, за [каждую последующую] 1 *пи* наказание увеличивается на одну степень. За 15 *пи* — ссылка с дополнительными работами. За 30 *пи* — удушение [1, ст. 472; 4, с. 170]⁵.

⁵ Для служащих, не получающих от государства регулярного жалованья, наказания за взятку смягчались. Тех из них, кто взял взятку и затем нарушил закон, надлежало наказывать удушением при стоимости взятки в 20 *пи* и более, а если закон, несмотря на получение взятки, не был нарушен — ссылкой с дополнительными работами при стоимости взятки в 40 *пи*. За исключением этих экстремумов, послабление состояло в том, что все полагавшиеся по основному правилу наказания просто уменьшались на одну степень: вместо 100 ударов тяжелыми палками — 90 ударов, вместо 1 года каторги — 100 ударов тяжелыми палками, и т. д.

Пожалуй, это единственный случай, когда определяемое с применением шкалы взяток наказание за преступление, сходное со взяткой, но все же фактической взяткой не являющееся, было доведено до смертной казни. Зависимость заключенного от тюремного начальства считалась, очевидно, столь полной, а беспомощность подследственного (и не без оснований) столь глубокой, что получение государственным служащим мзды от целиком зависимого от него человека в обмен на помощь этому человеку закон полагал особенно нетерпимым. К тому же в этой ситуации налицо была третья составляющая: человек, получивший свою выгоду от того, что чиновник обогатился, нарушив закон. В сущности, возникало сразу два социально опасных явления: коррупционное разложение государственных служащих и снижение эффективности государственной судебной системы. Реальный преступник избегал наказания, а казенный человек становился преступником. Тут нужна была очень сильная остратка.

Правда, нормы взятки с нарушением закона были здесь все же несколько смягчены — во-первых, посредством применения шкалы, предназначенной для чиновников, не получающих жалованья, и, во-вторых, прямым назначением наказания каторгой с дополнительными работами тому, кто присвоил имущество в 15 *пи*, и наказания удушением тому, кто присвоил 30 *пи*⁶. Возможно, потому, что виновный чиновник сам не принимал прямо незаконных решений в пользу взяткодателя; он лишь учил его подтасовывать факты так, чтобы итоговое решение оказалось искаженным.

Литература

1. 唐律疏議 T'ang lü shu yi = Уголовные установления Тан с разъяснениями // Congshu jicheng = Библиотека-серия. Т. 775–780. Шанхай, 1936–1939.
2. Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и) / введ., пер. с кит. и комм. В. М. Рыбакова. Цзюани 9–16. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. 299 с.
3. Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и) / введ., пер. с кит. и комм. В. М. Рыбакова. Цзюани 1–8. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 376 с.
4. Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и) / введ., пер. с кит. и комм. В. М. Рыбакова. Цзюани 25–30. СПб.: Петербургское востоковедение, 2008. 408 с.

Статья поступила в редакцию 18 июня 2012 г.

⁶ По шкале взяток с нарушением закона для не получающих жалованья при стоимости уже в 9 *пи* полагалась ссылка на 3000 *ли*, а ссылка с дополнительными работами вообще не назначалась; когда стоимость присвоения достигала 20 *пи*, полагалась смертная казнь через удушение.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

А. М. Боголюбов, Н. М. Боголюбова

РОССИЯ И ВОСТОК. ОСОБЕННОСТИ МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЭПОХУ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Рецензия на коллективную монографию **РОССИЯ и ВОСТОК: Феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время. Коллективная монография** / отв. ред. Н. Н. Дьяков, Н. А. Самойлов. СПб.: СПбГУ, Восточный факультет; Изд-во «Студия НП-Принт», 2011. 392 с.

Монография «РОССИЯ и ВОСТОК: Феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время» вышла в свет в издательстве «Студия НП-Принт» в 2011 г. Ее появление сразу привлекло внимание широкого круга исследователей, интересующихся вопросами межкультурных связей России и стран Востока. Настоящее издание является результатом многолетней работы научного коллектива Восточного факультета Санкт-Петербургского университета и обобщает разнообразные направления научных поисков многих хорошо известных специалистов и молодых исследователей.

Авторы монографии обращаются к интереснейшему периоду в истории России и стран Востока. Это эпоха, когда во многом складывались традиции современного политического, экономического, культурного взаимодействия, разрабатывались и оформлялись новые направления и формы контактов, которые уже в XX–XXI вв. получили свое последовательное развитие. Действительно, сегодня мы можем с уверенностью заявить,

что для многих направлений сотрудничества и целого ряда стран — участников диалога это был переломный период, сыгравший важную роль во взаимодействии России со странами Востока.

Совершенно очевидно, что для Российской Империи в эпоху Нового времени взаимоотношения со странами Востока приобретают особенное значение. Наши восточные соседи в XVIII–XIX вв. постепенно становятся не только важнейшими политическими, экономическими партнерами, но и играют особую роль в политических дискуссиях России с европейскими державами.

Кроме того, Востоку принадлежит важнейшая роль в художественной культуре России. Восточные темы становятся основой творчества многих русских писателей, художников, поэтов. Восточные мотивы присутствуют в произведениях русских композиторов. В эпоху Нового времени формируется своеобразный утонченный, эмоционально окрашенный «образ» Востока, созданный талантливыми русскими авторами. Этот образ оказался достаточно устойчивым и даже сегодня не утратил своего особенного романтического колорита.

Эпоха Нового времени стала переломным периодом для жизни целого ряда восточных стран, которые переживают бурные события политической жизни, активно включаются в политический диалог с европейскими

державами и все активнее заявляют о себе на международной арене. По-разному складывалась судьба Китая, Японии, Османской Империи, Индии, Сиам, но очевидно одно: начиная с XVIII–XIX вв. Восток для европейских стран становится центром притяжения политических интересов и начинает играть важнейшую роль в формировании художественных стилей, которые подтвердили особенную ценность диалога культур для творческих поисков и экспериментов европейских мастеров.

Одним словом, данный период можно без преувеличения назвать наиболее важным в истории взаимодействия России и стран Востока, что подтверждается как результатами контактов того времени, так и многими аспектами современного диалога, основанного на богатейших традициях межкультурного общения.

Особо следует отметить источниковую базу монографии. Отдельные очерки, главы монографии написаны на архивных материалах, которые впервые вводятся в научный оборот. Основой целого ряда сюжетов послужили материалы на иностранных языках, которые также не были прежде доступны отечественным исследователям.

В книге диалог России и стран Востока рассматривается достаточно широко. Авторы обратили внимание на экономическую, политическую, культурную составляющую сотрудничества и показали, что наши взаимоотношения со странами Востока — это сложное многоаспектное явление, которое охватывает различные направления, сферы и формы, каждая из которых является важной частью двустороннего диалога и в то же время самостоятельным интереснейшим явлением.

Авторам удалось не просто отметить особенности сложного и бурного периода развития взаимодействия, но и передать атмосферу времени, выявить те специфические факторы, которые сыграли определяющую роль в развитии сотрудничества Российской Империи со своими восточными соседями, показать значимость контактов для всех участников диалога.

Статьи исследователей написаны в разных научных жанрах. В каждом разделе, в каждой главе коллективной работы решаются свои задачи, которые могут иметь отношение к конкретным явлениям межкультурного

взаимодействия или посвящены обзору целого периода двустороннего сотрудничества. Многие работы позволяют по-новому взглянуть на казалось бы хорошо изученные в отечественной научной школе проблемы.

В разделе, посвященном отношениям России и Османской Турции в конце XV — начале XX в. (автор К. А. Жуков), отмечена не только важность «Восточного вопроса» для внешней политики России, но и выявлены новые подходы в изучении данной проблемы, которая имеет большое мировоззренческое значение для нашей страны и наполняется особым содержанием сегодня, в период кардинальных изменений всей системы международных отношений, развития межкультурного общения.

Проблема российско-иранских отношений представлена в данном издании в отдельном разделе. Автор, известный петербургский ученый И. В. Базиленко, рассмотрел два важнейших направления сотрудничества России и Ирана — военно-политическое и культурологическое, отмечая, что диалог двух стран в эпоху Нового времени отличался исключительным многообразием и богатством направлений и форм, многие из которых сложились еще в XVI в. Обращение к более ранним этапам взаимодействия России и Ирана наглядно показывает, что исследование современного диалога двух стран невозможно без внимания к традициям, к тем важнейшим событиям, которые на долгие годы определили содержание сотрудничества двух стран.

Глава «Россия и Афганистан. История политических связей» (автор С. Е. Григорьев), на наш взгляд, представляет интерес не только для понимания истоков сотрудничества двух стран, но также имеет особенное значение для современной России. Материалы, ставшие основой исследования, позволяют понять причины многих проблем в выстраивании политического диалога России с нашим близким соседом. В данной публикации Афганистан в эпоху Нового времени представлен как центр пересечения внешнеполитических интересов великих держав, как страна, которой действительно суждено было сыграть особенную роль в мировой истории и международных отношениях не только прошлого, но и современности.

Экономические и культурные связи России и Афганистана рассмотрены в исследовании другого автора — Г.С.Харатишвили. Это особый раздел, который отсылает читателя еще к эпохе средневековья, тема многогранно раскрывается на исторических примерах XVIII–XIX вв. В разделе рассмотрена особенная ценность настоящих направлений сотрудничества, которые в эпоху Нового времени были без преувеличения важнейшими в выстраивании двустороннего диалога и во многом стимулировали развитие политического сотрудничества.

Взаимодействие России и Арабского Востока открывает исследование Т.М.Сипенковой, которое посвящено истории становления и развития диалога, выявлению ключевых этапов контактов и факторов, оказавших наибольшее влияние на сближение различных стран. Диалог России и стран Арабского Востока рассмотрен автором в контексте важнейших политических событий. В данном разделе автор уделил значительное внимание отдельным участникам диалога, венценосным особам, представителям Русской Духовной миссии, ученым, которые внесли заметный вклад в становление и развитие различных направлений взаимодействия.

Раздел продолжают работы других авторов — преподавателей Восточного факультета Санкт-Петербургского университета.

Большую ценность, прежде всего для историков и востоковедов, представляет материал, опубликованный исследователем М.Ю.Илюшиной, который посвящен изучению и скрупулезному анализу арабских источников о народах России в Средние века и Новое время. Данная публикация продолжает серию самостоятельных исследований и научных работ, раскрывающих проблему «образа» России. Действительно, представления о нашей стране за рубежом складывались на протяжении долгого времени. Образ России, Российской Империи в периоды средневековья, Нового и Новейшего времени формировался на основе различных источников, в том числе записок, воспоминаний, дневников иностранцев. «Россия глазами иностранцев» — это самостоятельная тема, которая вызывает интерес у широкого круга специалистов гуманитарного знания. В отече-

ственных исследованиях настоящая тема рассматривается преимущественно на материале сочинений европейских авторов, путешественников, ученых, дипломатов. Публикация М.Ю.Илюшиной существенно расширяет географию сложной и весьма актуальной темы и позволяет наполнить образ нашей страны новыми фактами, суждениями, ценными наблюдениями. Позволяет иначе взглянуть на нашу историю, на наши обычаи и традиции, выявить те особенности национальной истории и культуры, которые остались незамеченными европейскими авторами [3].

Интереснейший материал, новые факты взаимодействия России и стран Арабского Запада представлены в публикации известного петербургского ученого Н.Н.Дьякова. Настоящая глава в коллективной монографии посвящена политическому и культурному взаимодействию Магриба и России в Новое время. В исследовании выявлены факторы, определяющие развитие двустороннего диалога и отмечено общее и особенное во взаимоотношениях России и Туниса, России и Алжира, России и Марокко. Следует отметить, что взаимодействие Магриба и России в Новое время мало изучено как в России, так и за рубежом. Полагаем, что материалы данной главы вызовут интерес у молодых исследователей, которые продолжают изучение различных направлений и форм контактов России и Магриба, как на историческом, так и на современном материале.

Лингвистический аспект культурного взаимодействия российско-арабских связей рассмотрен в отдельной главе настоящей монографии. Ее автором является доктор филологических наук О.И.Редькин. Исследование посвящено очень интересной, сложной теме, которая носит междисциплинарный характер и представляет интерес для востоковедов, историков, филологов, культурологов, специалистов в области межкультурных коммуникаций и международных отношений. Автор показывает особую роль языка, литературных традиций в развитии экономических отношений, гуманитарного диалога России и Арабского Востока. Проблема лингвистического взаимодействия рассмотрена достаточно широко на разных интересных примерах. Отдельные части работы представляют собой законченные научные очерки, посвященные

оригинальным формам языковых контактов; арабской лексике в русском языке, переводам Корана, сбору и изучению в России арабских рукописей и другим аспектам лингвистического взаимодействия. Глава основана на ценных материалах источников на арабском языке, работах авторитетных отечественных авторов. Важность лингвистического направления культурного взаимодействия осознана сегодня многими государствами, которые рассматривают язык как важное направление культурных связей, стратегический элемент внешней культурной политики [4, с. 80].

Самостоятельное значение в коллективной монографии отведено развитию контактов России с народами Южной и Восточной Азии в эпоху Нового времени.

Петербургские исследователи, авторы целого ряда научных работ, посвященных российско-китайским и российско-японским отношениям, Е. М. Османов (Е. М. Османов и Н. А. Самойлов, глава «Россия и Япония») и Н. А. Самойлов (глава «Российско-китайские отношения: этапы взаимодействия и взаимопознания») показывают особенности сотрудничества России с Китаем и Японией. Диалог стран в эпоху Нового времени рассмотрен в контексте российских внешнеполитических интересов. Авторам удалось показать не только те очевидные успехи, которые переживали российско-японские и российско-китайские отношения, но и выявить проблемы сотрудничества в контексте диалога культур.

Российско-китайские отношения представлены в монографии как сложное явление, которое непосредственно связано с проблемой взаимопознания. Н. А. Самойлов на обширном историческом материале показывает, что именно взаимопознание создает основу для развития контактов, направлений, форм и определяет насыщенность сотрудничества.

Российско-корейское взаимодействие в конце XIX–XX в. рассмотрено в монографии известным петербургским ученым, корееведом С. О. Курбановым. Автор обращается к важнейшему периоду взаимоотношений двух стран, завершившемуся установлением общих границ. Кроме того, именно с данного периода можно говорить о достаточно массовой корейской иммиграции в Россию, которая

в свою очередь сыграла важную роль в двустороннем сотрудничестве и развитии культурного диалога. Как отмечает автор, российско-корейское взаимодействие в данный период оказало большое влияние и на судьбу Российской Империи. Сближение двух стран стало причиной русско-японской войны, которая во многом определила весьма драматичный характер русской истории начала XX в.

Отдельный раздел коллективной монографии посвящен российско-сиамским связям. Двусторонний диалог, который активно развивался в XIX–XX вв., оказался исключительно плодотворным для двух стран. Россия получила возможность познакомиться со страной далекой и экзотической, представлявшей буддийские традиции. В свою очередь для Сиам Российской Империя становится в это время важным политическим партнером, который, используя свой международный авторитет, выступал за сохранение независимости страны. Именно в эпоху Нового времени сотрудничество двух стран отличалось разнообразием направлений, в это время происходит становление дипломатических, династических, культурных контактов, которые заложили основы современного сотрудничества.

Отдельный раздел монографии посвящен развитию контактов России и стран Юго-Восточной Азии, которые сегодня играют все более значимую роль в мировой политике и международных отношениях. Исследователь В. Н. Колотов показывает важность изучения данного направления контактов. Диалог России и стран ЮВА показан автором на фоне развития европейского интереса к данному региону, который был известен в Португалии еще в XVI в.

Связи России с ЮВА рассмотрены на материале оригинальных источников, включая дневники и воспоминания российских ученых, военных и путешественников. Сегодня сочинения наших соотечественников являются основой для самостоятельных научных работ и продолжают общую широкую тему «образа» Востока в России.

Интереснейший материал данной монографии посвящен российско-индийскому сотрудничеству (автор Е. В. Смирнова). Его истоки восходят еще к эпохе средневековья, однако сотрудничество двух стран развивалось практически на протяжении всей последу-

ющий истории. Для России диалог с Индией всегда имел большое политическое, экономическое, культурное значение, которое весьма велико и сегодня.

Индия в XXI в. — это страна, которая обладает мощнейшими ресурсами, государство с более чем миллиардным населением, наш важнейший политический, экономический и культурный партнер, о чем сказано практически во всех современных документах, относящихся к внешней политике России [5; 6].

Обращаясь к истокам диалога, можно отметить, что двусторонние связи России и Индии всегда отличались особым характером. Это было сотрудничество партнеров, основанное на взаимном уважении и доверии. Можно выразить надежду, что традиции диалога двух стран станут основой для дальнейшего сотрудничества.

Краткий обзор издания показывает, что все разделы коллективной монографии посвящены различным направлениям и формам сотрудничества России со странами Востока. Все публикации отличает особый научный стиль исследования, внимание к деталям, высокий аналитический уровень представления материала, композиционная ясность. Все главы написаны с привлечением широчайшего корпуса источников и исследований российских и зарубежных авторов, новейших публикаций по различным темам.

Каждый сюжет коллективной монографии — это представление отдельного направления контактов России и стран Востока в эпоху Нового времени; объединенные в одном издании, они дают широкое и панорамное представление о двустороннем сотрудничестве в очень бурное, богатое на различные события время.

В исследовании также рассмотрены биографии отдельных личностей, сыгравших заметную и весьма значимую роль во взаимодействии России со странами Востока. Как показывает история контактов, в определенные периоды истории именно интерес путешественников и ученых, венценосных особ и дипломатов, представителей Духовных миссий определял направления и содержание сотрудничества. Человеческий фактор способствовал активизации контактов, гуманизации сотрудничества. Очень важно, что биографи-

ческие сюжеты также представлены в рецензируемой монографии.

Отдельные очерки, сюжеты книги позволяют читателям выявить особую роль Петербурга, петербургской школы востоковедения, продолжателями которой и являются авторы данного фундаментального труда.

Главы монографии написаны в разных научных жанрах, тем не менее это не нарушает целостность и законченность работы, а напротив, показывает, насколько многообразны сегодня подходы в исследовании проблемы контактов России и стран Востока. В этом плане настоящую монографию можно рассматривать как прекрасный панорамный методический материал, который станет настольной книгой для любого исследователя.

Нельзя не обратить внимания на междисциплинарный характер данной работы. Подбор тем и отдельных сюжетов, широкая география контактов, представленная авторами, может заинтересовать специалистов различных направлений гуманитарного знания, историков, культурологов, специалистов в области международных отношений и всех, кто интересуется проблемами межкультурного взаимодействия.

Актуальность настоящего издания совершенно очевидна и подтверждается теми многочисленными проблемами, вызовами и угрозами, которые характерны для XXI в. Межкультурные взаимодействия сегодня приобрели необратимый характер. Изучение традиций диалога, направлений и форм контактов можно рассматривать как основу для построения современного взаимодействия, которое должно протекать на взаимовыгодной и доверительной основе.

Авторы рецензии, представители семьи академика Михаила Николаевича Боголюбова, выражают глубокую признательность авторам монографии за посвящение данной работы памяти почетного декана Восточного факультета Санкт-Петербургского университета. Данный коллективный труд является лучшим признанием его педагогической и научной деятельности и свидетельствует о том, что петербургская школа востоковедения обладает своим особым стилем, высокой научной культурой, уважением к традициям и успешно развивается сегодня.

Мы надеемся, что данное издание найдет своих читателей и станет основой для научных поисков многих исследователей.

Литература

1. Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев / сост. Ю. А. Лимонов. Л.: Лениздат, 1986.
2. Россия XVIII века глазами иностранцев / сост. Ю. А. Лимонов. Л.: Лениздат, 1989.
3. Россия первой половины XIX века глазами иностранцев / сост. Ю. А. Лимонов. Л.: Лениздат, 1991.

4. Боголюбова Н. М., Николаева Ю. В. Российско-французские культурные связи начала XXI века в контексте внешней культурной политики Франции // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2008. № 3. С. 76–83.

5. Концепция внешней политики Российской Федерации // Президент России. Официальный сайт. URL: archive.kremlin.ru

6. Тезисы «Внешняя культурная политика России — год 2000» // Дипломатический вестник. 2000. №4 (апрель). С. 74–86.

Протестные движения в арабских странах. Предпосылки, особенности, перспективы. Материалы конференции «Круглого стола». Центр цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН (30 мая 2011 года) / отв. ред. И. В. Следзевский, А. Д. Саватеев. URSS. М., 2012. 124 с.

Начало 2011 г., отмеченное беспрецедентным всплеском массовых выступлений в странах Ближнего Востока и Северной Африки, открыло сезон «арабской весны», последствия которого и сегодня ощущаются в политической жизни не только указанного региона, но и в весьма отдаленных от него частях планеты.

Проведенная в мае 2011 г. ведущим российским центром современной африканистики и арабистики, ИА РАН, представительная «встреча за круглым столом», собравшая известных отечественных и зарубежных исследователей — своеобразная и весьма плодотворная попытка проанализировать по горячим следам бурные социально-политические сдвиги и события «арабской весны».

Наиболее яркие проблемные выступления участников «круглого стола» вошли в предлагаемый читателю сборник научных материалов, на страницах которого дан анализ природы народных восстаний в арабском мире, а также перспектив их распространения в сопредельных странах, в том числе в переживающих серьезный социально-экономический кризис странах Средиземноморья, Африки и других районов «Старого Света».

Сборник открывает публикация директора ИА РАН чл.-корреспондента РАН А. М. Васильева, где автор определяет происшедшие в арабском мире восстания как «подлинную революцию» (с. 8).

Старший научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН Б. В. Долгов размышляет далее о причинах подъема протестных движений в арабских странах, вызванных как внутренними, так и внешними факторами.

Важнейшими факторами «арабской весны» В. И. Гусаров (ведущий научный со-

трудник ИА РАН) называет в свою очередь демографический фактор, а также углубление социального кризиса, сопровождающегося ростом «застойной безработицы», «выталкиванием на общественное дно большей части молодого трудоспособного населения...» (с. 25).

Структурно-демографические факторы «арабской весны» исследуют в своей публикации А. В. Коротаев и Ю. В. Зинькина (ИА РАН). Администрация Х. Мубарака в Египте по сути «проморгала» социальный взрыв. «...Статистика (не без оснований) утверждала, что страна развивается успешно», а уровень бедности и неравенства в стране казался вполне «благополучным» для Третьего мира...». Трудно было представить, что «по режиму Мубарака больно ударят успехи, достигнутые им (и его предшественником) в модернизации Египта, успехи, обеспечившие резкое падение в 1975–1990 гг. смертности вообще и младенческой и детской смертности в особенности, успехов, без которых очень многие молодые египтяне, с пеной у рта требовавшие на Тахрире отставки (или даже смерти) Мубарака и падения режима, просто умерли бы, не дожив до того возраста, когда они смогли бы выйти на улицы с подобными требованиями...» (с. 28).

Социально-демографический фактор массовых волнений в арабских странах и Иране анализирует далее Н. А. Филин (старший преподаватель кафедры современного Востока факультета истории, политологии и права РГГУ, научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН). Объяснение частоты и синхронности протестных выступлений будет неполным без учета еще одного важного дестабилизирующего фактора — «динамики роста населения в арабских странах и особенно роста возрастной группы от 20 до 24 лет...» (с. 40).

Бесспорный интерес представляет проведенный Л. М. Исаевым (НИУ ВШЭ) анализ социальных сетевых технологий и их роли в революционных событиях на севере Африки: «уровня проникновения интернета в Тунисе и Египте (24% и более) оказалось доста-



точно для того, чтобы вывести массы людей на улицу и парализовать ответные действия властей, создав условия для сравнительно мирного свержения правящих режимов...» (с. 43).

В «антиавторитарных выступлениях в арабских странах» полагает, в свою очередь ведущий научный сотрудник ИА РАН, заместитель директора Филиала ИА РАН в СПбГУ А. Д. Саватеев, «отразились глобальные процессы социокультурного характера и традиционные парадигмы исламской цивилизации...». Именно их «причудливое взаимодействие, которое проявляется как в противоборстве, так и в симбиозе, соперничестве и взаимной адаптации, в наибольшей мере способно объяснить причины и суть потрясений, переживаемых арабскими странами...» (с. 47).

Факторы «устойчивости власти» в Королевстве Марокко на общем фоне «арабских революций» анализирует далее доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ В. В. Орлов. Действие кризисных тенденций, присущих развитию разных арабских стран, в Марокко, по мнению автора, «ослабляется или нейтрализуется рядом факторов, отражающих специфику правящего режима в этой стране и результаты проводимой им внутренней политики...» (с. 53).

Исторический анализ арабской политической культуры, феномена «смуты», анархии,

революций и их места во вступившем в системный кризис современном арабском обществе дает в своей публикации декан Восточного факультета СПбГУ профессор Е. И. Зеленов. Происходящее на Арабском Востоке, отмечает автор, дает основания для нескольких предположений: «1) волнения и беспорядки, в ряде случаев перерастающие в вооруженную борьбу, имеют сугубо внутренние предпосылки, а их совпадения по времени в ряде арабских стран — случайность; 2) налицо более общий системный кризис важного сегмента международных отношений — модели государственного управления; 3) важнейшее значение в происходящем приобретает внешний фактор, который придает всем революциям некоторое сходство; 4) речь идет не о кризисе системы государственного управления, не о региональной проблеме, и даже не о международном заговоре против арабов, а об одном из этапов «перезагрузки» системы международных отношений на глобальном уровне, инициатива которой исходит из сфер, связанных с национальными интересами отдельных стран...» (с. 57).

«Видимость и суть» политических волнений в арабском мире раскрывает в своей работе главный научный сотрудник ИВ РАН профессор Р. Г. Ланда: социально-политический подъем на севере Африки и в ряде стран Ближнего Востока нельзя считать ни делом рук исламистов, ни «революциями в подлин-

ном смысле этого слова». С большой натяжкой произошедшие в арабских странах персональные перемены в руководстве можно назвать «полу-революциями», скорее даже «недо-революциями»... Все эти события, подчеркивает в первую очередь автор, носили «ярко выраженный политический характер, проходили под светскими лозунгами, причем направленными не столько на социальные, сколько на персональные перемены...» (с. 63).

Политические аспекты потрясений в регионе Северной Африки и Ближнего Востока в конце 2010 — начале 2011 гг. тщательно исследуют далее в своих публикациях специалисты из ИА РАН Р.С. Бобохонов («Кризис авторитарных режимов в арабских странах в свете опыта демократических перемен в мусульманском мире»), Э.Ф. Кисриев («Арабские революции в глобализирующемся мире и «новый ислам»»), А.А. Ткаченко («Политический кризис в странах Арабского Востока: динамика и перспективы»). Ответ на вопрос «Далеко ли революции в Северной Африке до Африки южнее Сахары?» дает далее в своем исследовании ведущий научный сотрудник ИА РАН Ю.Н. Винокуров (с. 90–96).

Не менее важный для современного политического развития арабского мира вопрос: «Сохранят ли единство арабские общества?» ставит А.Г. Сулейманян (МГППИ), отметивший, в частности, что события «арабской весны» 2011 г. разворачивались под влиянием «накопившегося в Тунисе, Египте и Ливии недовольства авторитарным правлением престарелых политических лидеров...» (с. 111).

Особую ценность научному сборнику придает публикация египетского исследователя, преподавателя Каирского университета кандидата экономических наук Абу Аль Хасана Махмуда Бакри, посвященная событиям в Египте после выступлений 25 января 2011. Колесо истории, не без доли здорового оптимизма замечает автор, «назад не повернется, а это значит, что Египет движется в сторону лучшего будущего, и что египтяне изменили лицо истории, пожертвовав во время и после революции многим дорогим...» (с. 75).

В целом, как справедливо подчеркивают в Заключении коллективного труда его составители, «арабская весна» 2011 г. по своему значению далеко вышла за пределы ближневосточного региона и приобрела сегодня глобальное звучание.

Сборник публикаций Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН «Протестные движения в арабских странах. Предпосылки, особенности, перспективы» (ответственные редакторы: И.В. Следзевский, А.Д. Саватеев) — чрезвычайно актуальный коллективный труд отечественных и зарубежных ученых, затрагивающий важные аспекты общественно-политического развития арабских стран на судьбоносном этапе их истории. Настоящее научное издание уже вызвало немалый интерес как специалистов — востоковедов, арабистов, африканистов, так и самого широкого круга читателей, увлеченных сегодня развитием событий в странах Ближнего Востока и Северной Африки.

Н. Н. Дьяков

АННОТАЦИИ

УДК 94

Желтов А. Ю. **Россия и Африка — история и современность** // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 13. 2012. Вып. 4. С. 3–13.

В первой части статьи А. Ю. Желтова анализируется история взаимоотношений России и Африки, история изучения Африки в СССР и России. Во второй части анализируется состояние российско-африканских отношений в контексте современных глобализационных процессов.

Ключевые слова: Россия, Африка, история взаимоотношений, история изучения, глобализационные процессы.

УДК 94

Самойлов Н. А., Ли Суйань. **Образ Советского Союза в китайских учебниках 1950-х годов** // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 13. 2012. Вып. 4. С. 14–22.

После победы революции 1949 г. в Китае началась большая работа по реформированию образования, появились новые учебники. Данная статья посвящена анализу текстов о Советском Союзе, включенных в китайские учебники того времени. На основе большого количества текстов авторы приходят к выводу о том, что содержание учебников способствовало формированию в сознании молодого поколения китайцев позитивного образа СССР.

Ключевые слова: СССР, Китай, учебники, образ.

УДК 94

Илюшина М. Ю. **Трактат аль-Бакламиши об искусстве стрельбы из лука** // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 13. 2012. Вып. 4. С. 23–28.

В основу публикации положена рукопись «Желанная цель и предел стремлений к сущности в науке стрельбы из лука» («بغنة المرامي و غاية المرام للمعاني في علم الرمي») 1867/5. из коллекции из Национальной библиотеки Королевства Марокко в Рабате, которая содержит трактат одного из наиболее известных авторов сочинений по военной подготовке мамлюков — Тайбуги аль-Ашрафи аль-Бакламиши аль-Йунани (ум. в 1394 г.). Исследование включает в себя описание манускрипта, арабский текст и перевод ряда фрагментов.

Ключевые слова: арабские рукописи, аль-Бакламиши, мамлюки, стрельба из лука.

УДК 94

Фирсова В. С. **Индийцы в Японии: прошлое и настоящее** // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 13. 2012. Вып. 4. С. 29–36.

Цель данной статьи — описать процесс образования индийской диаспоры в Японии. Автором была проанализирована динамика численности индийцев в период с середины XIX в., когда в Японию начали приезжать купцы из Индии, по настоящее время, а также роль индийской общины в экономике и политике Японии. В статье описывается процесс освоения индийцами собственного пространства в Японии, а также рассматриваются вопросы, связанные с культурно-бытовой адаптацией индийцев в японском обществе и сохранением ими национальной идентичности.

Ключевые слова: индийцы, индийская диаспора, Япония, миграция.

УДК 22.03

Шухман Е. О. Первое издание конкорданции к Еврейской Библии (По экземплярам из коллекции Института восточных рукописей РАН) // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 13. 2012. Вып. 4. С. 37–45.

Статья посвящена первому изданию конкорданции к Еврейской Библии («Меир Натив». Венеция, 1523 г.). В статье изложена история создания конкорданции, рассмотрен вопрос о ее авторстве, и значении в развитии библеистики. Далее приведено научное описание двух экземпляров конкорданции, находящихся в коллекции Института восточных рукописей РАН.

Ключевые слова: конкорданция, Библия, палеотип, старопечатные книги.

УДК 94

Юлгушева А. Х. Род бану Хаджжадж в политической истории ал-Андалуса // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 13. 2012. Вып. 4. С. 46–53.

Статья посвящена роду бану Хаджжадж, который вел свое происхождение от йеменитского племени лахм и сыграл заметную роль в политической истории мусульманского государства на Пиренейском полуострове. В статье рассказывается о взаимоотношениях представителей этого рода с родом бану Халдун, а также упоминается о роли аднанитско-кахтанитского противостояния на данном этапе истории ал-Андалуса.

Ключевые слова: Ал-Андалус, Севилья, Аднанитско-кахтанитский конфликт, Йемениты.

УДК 82-1/-9

Корнильева Т. И. Шаньшу как жанр китайской литературы // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 13. 2012. Вып. 4. С. 54–60.

В данной статье рассматривается класс китайской простонародной религиозной литературы под названием «книги добра», или *шаньшу* (кит. [цюань]шаньшу, [劝]善书). Часть из этих литературных произведений обладает некоторыми общими жанровыми особенностями, достаточно ярко выраженными, чтобы говорить об отдельном прозаическом жанре литературы — мы предлагаем называть его *жанром шаньшу* в противопоставление классу книг *шаньшу*. В европейской и русской литературе существует похожий жанр «хождения по мукам». Наиболее типичным произведением этого жанра является «Юйли Баочао» (玉曆寶鈔, «Драгоценные Копии Нефритовых скрижалей»), датированное династией Сун.

Ключевые слова: Жанр шаньшу, Народные верования Китая, Народная литература, «Юйли баочао», «Драгоценные копии нефритовых скрижалей».

УДК 821.411.21

Суворов М. Н. Реализм и модернизм в художественной прозе стран Аравии // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 13. 2012. Вып. 4. С. 61–68.

В статье рассматривается специфика процесса развития в художественной прозе стран Аравии реалистического и модернистского направлений, обусловленная особыми социально-культурными и политическими факторами жизни этих стран во второй половине XX в.

Ключевые слова: Аравия, литература, проза.

УДК 821.411.21

Тептюк П. С. Вариативность канона макамы в позднем средневековье («Законоведная макома ал-'Аббаса», XVI в.) // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 13. 2012. Вып. 4. С. 69–75.

В данной статье автор характеризует роль макамого канона в позднем средневековье и его связь с задачами традиционной арабской назидательной литературы на примере творчества ал-'Аббаса (XVI в.), сборник макам которого содержится в двух схожих между собой до сих пор неизученных рукописях (В 66, ИВР РАН и N. F. 66, Австрийская национальная библиотека).

Сравнение «Законоведной макамы» ал-‘Аббаса («ал-Мақама ал-фиқхийя») с «Законоведной макамой» ал-Ҳарӣрӣ (XI в.) («ал-Мақама ал-фардийя»), сюжет которых, несмотря на вариации и некоторое расхождение в деталях, внешне совпадает, показывает, как в зависимости от требований времени, личных вкусов и широты взглядов автора менялось наполнение макамого жанра. Центральное место в сюжете занимает решение героем парадоксального юридического казуса, изложенного в стихотворной форме. Композиционная структура обеих макам также одинакова, особенно это заметно в начале сопоставляемых текстов.

Оба автора превозносят остроумие и красноречие, умение решить сложный вопрос экспромтом, — то есть качества, относящиеся к традиционным для арабской культуры ценностям, но ал-‘Аббас ставит перед собой иные задачи, нежели ал-Ҳарӣрӣ, поэтому во внешне схожих сюжетах мы находим разных по характеру главных героев — один остроумный артист (ал-Ҳарӣрӣ), другой — морализатор-факих (ал-‘Аббас).

Ключевые слова: ИБР РАН, рукопись, арабская литература, макамы, ал-‘Аббас, ал-Ҳарӣрӣ, XVI век.

УДК 82

Фролова М. В. **Яванская мифология в современном индонезийском романе Буди Сарджоно «Ньяи Роро Кидул — богиня Южных морей»** // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 13. 2012. Вып. 4. С. 76–81.

Статья посвящена роману-бестселлеру 2011 г., созданному на фольклорную тематику и наполненному современным содержанием. На материале романа Буди Сарджоно «Ньяи Роро Кидул — богиня Южных морей» показан синтез постмодернистских тенденций и яванской мифологии. Объектом исследования в работе выступают образы протагонистов романа, созданные на основе образов широко известных в народе божеств воды и огня, океана и вулкана. Приводится анализ современного индонезийского романа с точки зрения его мифологической составляющей. Интерес к теме вызван актуальностью явления «ремифологизации» в литературе Индонезии, и образы героев романа Буди Сарджоно, древних яванских божеств, могут послужить ярким примером обращения современности к мифологическим истокам.

Ключевые слова: современная индонезийская литература, фольклор, яванская мифология, Ньяи Роро Кидул, Петрук.

УДК 37

Дьяков И. М. **Проблема высшего образования в контексте развития африканского континента** // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 13. 2012. Вып. 4. С. 82–87.

В статье рассматривается вопрос о том, действительно ли высшее образование может способствовать развитию Африки южнее Сахары. Сравняется влияние, которое оказывает на благосостояние населения распространение образования разных уровней на континенте. Учитываются различные аспекты развития. В конце статьи приводятся практические рекомендации.

Ключевые слова: образование в Африке, высшее образование, Африка южнее Сахары, экономическое развитие.

УДК 327

Зеленев Е. И. **Геокультура и хронокультура: противостояние** // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 13. 2012. Вып. 4. С. 88–94.

Бинарная оппозиция хронокультура/геокультура вводит в научный оборот особую оценочную шкалу, которая весьма остро ставит вопрос о культурном состоянии современного ми-

ра, выстраивающемся между двумя полюсами. Полюс хронокультуры символизирует универсальные ценности, восходящие, прежде всего к западному паттерну культурного развития, с его акцентом на духовную независимость личности. Полюс геокультуры, напротив, указывает на сохранение локального культурного разнообразия.

Ключевые слова: геокультура, образ мира.

УДК 811.411.16'02

Кириллова А. А. **Светильник менора и его элементы** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2012. Вып. 4. С. 95–103.

Данная статья посвящена анализу термина *תְּנֹקָא*, который использовался в древнееврейском языке для обозначения светильника, а также некоторых его элементов — *ner* и *gābiaʿ*. В ходе исследования анализируется контекст употребления термина, приводятся данные из различных переводов Библии, и также предпринимается попытка установить этимологию указанных лексем.

Ключевые слова: Библия, древнееврейский язык, семитские языки, сравнительно-историческое языкознание.

УДК 34

Рыбаков В. М. **Взятка и подобные взятке преступления в традиционном китайском праве** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2012. Вып. 4. С. 104–110.

В статье анализируется один из аспектов богатого опыта борьбы китайской империи с коррупцией ее чиновничьего аппарата. Ко времени создания уголовного кодекса династии Тан «Тан люй шу и» (653 г.) этот опыт уже исчислялся несколькими веками. Из шести видов имущественных преступлений, предусмотренных танским уголовным правом, четыре были связаны с деятельностью чиновничества. Наиболее нетерпимым и наиболее сурово наказуемым из этих преступлений была т. н. «взятка с нарушением закона», т. е. искажение полномочным чиновником законного хода дел в чью-либо пользу ради получения выгоды. Некоторые обусловленные корыстью преступления чиновников рассматривались танским правом как ближайшие аналоги взятки и наказывались по тем же нормам. Вариации строгости такого рода наказаний позволяют вычленить несколько основных самостоятельных элементов, в целом составлявших «взятку с нарушением закона», а также оценить идеологическую и психологическую иерархию этих элементов.

Ключевые слова: традиционные общества, культура и уголовное право, эффективность чиновничества.

ABSTRACTS

Zhel'tov A. Yu. **Russia and Africa: history and modernity** // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2012. Issue 4. P. 3–13.

The first part of the article by Alexander Zhel'tov deals with the history of the relationships between Russia and Africa. The second part is concerned with the relationships between Russia and Africa in the context of modern process of globalization

Keywords: Russia, Africa, history of relationships, history of study, globalizing process.

Samoylov N. A., Li Suian. **Image of the Soviet Union in the Chinese text-books in 1950s** // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2012. Issue 4. P. 14–22.

The revolution of 1949 in China resulted in a big work on reforming of education, with new textbooks being published. The article is devoted to the analysis of the texts about the Soviet Union from Chinese textbooks of that period of time. After analyzing a considerable quantity of these texts the authors come to a conclusion that the text-books promoted a positive image of the USSR to young Chinese people.

Keywords: the USSR, China, text-books, image.

Iliushina M. Yu. **Al-Baklamishi's treatise on archery** // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2012. Issue 4. P. 23–28.

The main source of the publication is a manuscript from the National Library of the Kingdom of Morocco in Rabat "The desired purpose and limits of aspiration to the essence of science of archery" («بغنة المرامي وغاية المرام للمعاني في علم الرمي» 1867/5). This is a treatise by Taybuga al-Ashrafi al-Baklamishi al-Yunani (d. in 1394), a famous author of mamluk war literature. The manuscript is dated by 1449. It consists of 32 paper folios measuring 27×18 cm. For the most part there are thirty lines to the page written in small close *naskhi*. The text is not vocalized. "The desired purpose and limits of aspiration to the essence of science of archery" contains an introduction, a didactic poem on archery and the author's commentary on it. The structure of the treatise, the same names of some chapters, the partial coincidence of texts allow to assume that "The desired purpose and limits of aspiration to the essence of science of archery" and "Essential Archery for Beginners" («كتاب غنية الطلاب في معرفة رمي النشاب»), translated by Latham J. D. and Paterson W. F. from an Arabic manuscript preserved in the British Museum with the shelfmark Add. 23489 (Latham J. D., Paterson W. F. Saracen archery: an English version and exposition of a Mameluke work on archery (ca. A. D. 1368). London: The Holland Press, [1970]. xl, 219 pp.) are two author's versions of the same work.

The research includes a description of the manuscript, Arabic text and translation of some fragments.

Keywords: Arabic manuscripts, al-Baklamishi, mamluks, archery.

Firsova V. S. **The Indians in Japan: Past and Present** // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2012. Issue 4. P. 29–36.

The objective of this paper is to describe the process of the formation of Indian diaspora in Japan. The author has analysed the changes in dynamics of Indian population in Japan from the middle 19th Century, when first silk merchants from India arrived to Japan, up to the present time. Also the role of Indian community in Japanese economy and politics was studied. The present paper reviews how Indians created the living space of their own in Japan, the process of their cultural and general adaptation to local Japanese society and the problems of their self-identity.

Keywords: the Indians, Indian diaspora, Japan, migration.

Shukhman E.O. **The first edition of the concordance of Biblia Hebraica. (Based on the exemplars from the collection of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences)** // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2012. Issue 4. P. 37–45.

The article deals with the first edition of the concordance of Biblia Hebraica (“Meir Nativ”. Venetia, 1523) and represents the history of its creation, examines the problem concerning the authorship of the book and its role in the development of Biblical studies. It also provides a scientific description of two exemplars of the concordance from the collection of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences.

Keywords: concordance, Biblia Hebraica, paleotype, early printed books.

Yulgusheva A.H. **The family of Banu Hajjaj in the political history of al-Andalus** // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2012. Issue 4. P. 46–53.

The article is devoted to the history of the family of Banu Hajjaj that descends from the Yemenite tribe Lakhm. The family played an important role in the political history of the Muslim state in the Iberian Peninsula. The article tells about the relationship between the clans of Banu Hajjaj and Banu Khaldun, as well as mentions the role of the confrontation between adnanites and qahtanites in this period of the history of al-Andalus.

Keywords: Al-Andalus, Sevilla, Confrontation between adnanites and qahtanites, Yemenites.

Kornilyeva T.I. **Shanshu as a Chinese literature genre** // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2012. Issue 4. P. 54–60.

This paper examines a class of Chinese religious books called “morality books”, or “[quan] shanshu” books ([劝]善书), which are widely-spread among common people in China. However some works are characterised by common peculiarities, that are enough to distinguish a prosaic genre of literature — namely, the shanshu genre (we propose to call it), opposing the shanshu class of books. European and Russian literature features a similar genre — the Purgatory genre. The most representative piece of literature of the shanshu genre is “Yuli baochao” (玉曆寶鈔), or “Precious Copies of Jade Tablets”, the origin of which dates back to the Song period.

Keywords: Shanshu genre, popular beliefs in China, popular literature, “Yuli baochao”, “Precious Copies of Jade Tablets”.

Suvorov M.N. **Realism and modernism in the fiction prose of Arabia** // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2012. Issue 4. P. 61–68.

The article deals with some peculiar features of the development of realistic and modernistic trends in the fiction prose of Arabia, influenced by specific socio-cultural and political factors peculiar to the countries of Arabia in the second half of the 20th century.

Keywords: Arabia, literature, prose.

Teptyuk P.S. **Variations of the maqāma canon in the late Middle Ages («The Legal maqāmā» of al-‘Abbās (16th cent.)** // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2012. Issue 4. P. 69–75.

This article is devoted to the research of the role of maqāma canon in the late Middle Ages and its connection with the aims of traditional Arab edifying literature on the example of an unknown author al-‘Abbās (16th cent.), whose maqāmāt collection is represented in two unstudied similar manuscripts, which have so far gained little academic consideration (B66 at Saint-Petersburg Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences and N. F. 66 at Austrian National Library).

Comparison of «The Legal maqāma» of al-‘Abbās («al-Maqāma al-Fiqhiyya») and «The Legal maqāma» of al-Ḥariri (11th cent.) («Al-Maqāma al-Farḍiyya»), the plots of which in spite of variations and some differences in details are the same, shows how the content of maqāma genre has been changing depending on the demands of the time and the author’s personal tastes and views. The plot focuses on the hero’s solution of the paradoxical legal riddle, presented in a verse form. Composite structure of both maqāmas is the same, which is especially noticeable at the beginning of the compared texts.

Both authors praise the wit and eloquence, the ability to extemporarily solve complicated question, — the quality related to the traditional values of the Arab culture, but al-‘Abbās poses different tasks than al-Ḥarīrī, therefore in outwardly similar plots we find different main characters — one is a witty actor (al-Ḥarīrī) and the other is moralizer-faḡīh (al-‘Abbās).

Keywords: Saint-Petersburg Institute of Oriental Manuscripts, manuscript, Arabic literature, maqāmāt, al-‘Abbās, al-Ḥarīrī, 16th century.

Frolova M. V. Javanese mythology in the modern Indonesian novel “Nyai Roro Kidul — the Queen of the South Seas” by Budi Sardjono // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2012. Issue 4. P. 76–81.

The article is devoted to the best-seller novel of 2011, created in the folklore theme and filled with up-to-date elements.

The novel Budi Sardjono “Nyai Roro Kidul — the Queen of the South Seas” shows the synthesis of postmodern trends and Javanese mythology. The objects of this study are to study the images of the protagonists, based on the well-known folklore images of Javanese deities of water and fire, ocean and volcano.

The analysis of the modern Indonesian novel is devoted to its mythological component. The close interest to the novel is caused by the topical problem of “remythologisation” in contemporary Indonesian literature, and the main images and characters in the novel by Budi Sardjono, the ancient Javanese deities, are a vivid example of the present-day literary return to the mythological roots.

Keywords: contemporary Indonesian literature, folklore, Javanese mythology, Nyai Roro Kidul, Petruk.

Dyakov I. M. Higher education as a factor for development in Africa // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2012. Issue 4. P. 82–87.

The article deals with an issue of higher education and its potential influence on the development of Sub-Saharan Africa. It compares the influence exercised by other levels of education, primary and secondary education in particular. Different aspects of development are taken into consideration. Practical recommendations are given in the end of the article.

Keywords: Sub-Saharan Africa, higher education, education in Africa, economic development.

Zelenyev E. I. Geoculture vs chronoculture // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2012. Issue 4. P. 88–94.

The binary opposition chronoculture/geoculture introduces a special evaluation scale which poses a question of culture of the modern world being formed between two poles. The pole of chronoculture symbolizes universal values rooted mostly in the western pattern of cultural development, with its emphasis on spiritual independence of individual. The geoculture pole, on the contrary, indicates preservation of local cultural specificity.

Keywords: Geoculture, image of the world.

Kirillova A. A. The lampstand “mənōrā” and its elements // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2012. Issue 4. P. 95–103.

This article deals with the analysis of the term mənōrā, which was used in Ancient Hebrew as a name of a lampstand. Some elements of the lampstand in question, such as ner, and gābiaʿ, are studied as well. In this research the initial text data is analyzed, the Bible translations are considered thoroughly, and it also presents an attempt to trace the history of the word formation bases on the main principles of the comparative linguistics.

This research may be of some value for scholars due to the fact that at the present moment there are only two articles which deal with the above terms, and both of them were written in the 1st half of the 20th century. One of these articles is ‘The Pottery Vessels in the Old Testament’ by A. M. Honeyman (1939), and the other one is ‘The Ceramic Vocabulary of the Old Testament’ by J. L. Kelso (1948). It was Honeyman who tried to make some conclusions on the issue of etymology; however, it must be noted

that the range of languages which he took into consideration was limited. This research is an attempt to go into the history of these terms arising in the Ancient Hebrew as deeply as possible, and the data picked from different Semitic languages is studied as thoroughly as the author's qualification allows. Perhaps, this research will contribute to more in-depth understanding of the Bible.

Keywords: the Bible, the Ancient Hebrew, the Semitic languages, comparative linguistics.

Rybakov V.M. **Bribe and similar crimes in traditional Chinese law** // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2012. Issue 4. P. 104–110.

The article analyzes one of the aspects of the Chinese empire's wide experience in counteraction to the corruption on the bureaucratic level. By the time of creation of the T'ang dynasty code "T'ang lü shu yi" (653) this experience had dated back centuries ago. Among six kinds of the crimes against property, stipulated by the T'ang criminal law, four were connected with illegal activities of the officials. Most intolerable among them which lead to the most severe punishment was so-called "taking bribe with subverting the law". It consists in distorting a legal course of business by the authorized representative of an official for the benefit of somebody in order to obtain illegal profit from him. Some officials' crimes, connected with criminal enrichment, were considered in T'ang law as the nearest analogues of "taking bribe with subverting the law" and were penalized on the same basis. The variations of such punishments allow to classify some key elements of "taking bribe with subverting the law", and also to evaluate ideological and psychological hierarchy of such elements.

Keywords: Traditional societies, criminal law and culture, efficiency of officials.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Боголюбова Наталья Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных гуманитарных связей факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: nmbog1@rambler.ru

Боголюбов Алексей Михайлович, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела Востока Государственного Эрмитажа; e-mail: okimono@yandex.ru

Дьяков Игнатий Михайлович, магистр востоковедения и африканистики (Санкт-Петербургский государственный университет), магистр политической экономики (University College London); e-mail: ignaty.dyakov@gmail.com

Желтов Александр Юрьевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой африканистики Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: ajujeltov@mail.ru

Зеленев Евгений Ильич, профессор, доктор исторических наук, декан Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: secretary@orient.pu.ru

Илюшина Милана Юрьевна, старший преподаватель кафедры истории стран Ближнего Востока Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: aspirant_vf@mail.ru

Кириллова Анастасия Александровна, аспирант кафедры иудаики Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: kirillova.avangardpkf@gmail.com

Корнильева Татьяна Игоревна, аспирант Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: t-kornilyeva@yandex.ru

Ли Суйань, научный сотрудник Института истории Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян КНР (Харбин); e-mail: lisui_an@yahoo.com.cn

Рыбаков Вячеслав Михайлович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института восточных рукописей РАН; e-mail: Ouyangtsev@mail.ru

Самойлов Николай Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории общественного развития стран Азии и Африки Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: samoylov_nikolay@mail.ru

Суворов Михаил Николаевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры арабской филологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: soumike@mail.ru

Тептюк Павел Сергеевич, аспирант Института восточных рукописей РАН; e-mail: sunhealth@yandex.ru

Фирсова Варвара Сергеевна, научный сотрудник библиотеки РАН; e-mail: varuhanya@yandex.ru

Фролова Марина Владимировна, соискатель ученой степени кандидата филологических наук кафедры филологии стран Юго-Восточной Азии, Кореи и Монголии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: m.v.frolova@gmail.com

Шухман Екатерина Олеговна, соискатель отдела Ближнего и Среднего Востока (сектор Ближнего Востока) Института восточных рукописей РАН; e-mail: choukhman@inbox.ru

Юлгушева Адия Халиловна, аспирант Института восточных рукописей РАН; e-mail: mactoub@mail.ru

ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«ВЕСТНИК САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»
в 2012 году

СЕРИЯ 13: ВОСТОКОВЕДЕНИЕ, АФРИКАНИСТИКА

	Вып.	Стр.
Россия и Восток		
<i>Alshinawi A. Malta — Russia. On the Diplomacy of EU's Small States</i>	(2)	3–9
<i>Бочаров В. В. Африка и Россия как субъекты культурального развития</i>	(3)	3–14
<i>Желтов А. Ю. Россия и Африка — история и современность</i>	(4)	3–13
<i>Рахимова С. К. История изучения тюркского эпического фольклора в России</i>	(1)	3–10
<i>Самойлов Н. А., Ли Суйань. Образ Советского Союза в китайских учебниках 1950-х годов</i> ..	(4)	14–22
<i>Старовойтова Е. О. 1881–1905 годы в истории российско-китайских отношений</i>	(2)	10–17
Языкознание		
<i>Дубровина М. Э. Опыт сравнительного анализа глагольных имен в турецком и якутском языках</i>	(3)	15–23
<i>Зарипов И. Р. Морфологическая структура простой глагольной основы в арабском литературном языке</i>	(1)	11–19
<i>Кутафьева Н. В. Составные глаголы с имплицитным значением количества в японском языке</i>	(2)	18–27
<i>Матушкина Н. А. К вопросу о категории номинализации действия в агглютинативных языках</i>	(2)	28–33
<i>Передня А. Д. Категория склонения в древнеуйгурском языке</i>	(1)	20–26
<i>Смирнова М. О. История формирования тибетской лингвистической традиции</i>	(2)	34–41
<i>Телицин Н. Н. К вопросу о разграничении причастий в древнеуйгурском языке</i>	(1)	27–38
<i>Ульмезова Л. М. Имена действия (субстантивные формы глагола) в карачаево-балкарском языке</i>	(3)	24–28
<i>Ульмезова Л. М. Категория аспектуальности в карачаево-балкарском языке</i>	(1)	39–47
<i>Ульмезова Л. М. О термине «сослагательное наклонение» в тюркских языках (на примере карачаево-балкарского и турецкого языков)</i>	(2)	42–46
<i>Янсон Р. А. Периодизация бирманской фонологической системы. Часть II: Финали</i>	(1)	48–57
История и источниковедение		
<i>Алексеев К. В., Гроховский П. Л., Сизова А. А., Смирнова М. О., Туранская А. А., Ямпольская Н. В., Яхонтова Н. С. Типология и способы перевода буддийской терминологии (на материале интерактивной базы данных «Буддийская терминология монгольских переводных сочинений»)</i>	(2)	47–59
<i>Алескерова Н. Э. Тезкере «Ламазат-и Хульвийе-аз-Ламазат-и Ульвийе» Махмуда Джамаладдина ал-Хульви — основной источник, посвященный шайхам суфийского братства Халватийа</i>	(3)	29–35
<i>Врадий С. Ю. «Карта России (Агук Ёджидо)» — первое корейское описание Приморья. Часть 2</i>	(2)	60–67
<i>Врадий С. Ю. «Карта России (Агук Ёджидо)» — первое корейское описание Приморья. Часть 1</i>	(1)	58–68
<i>Е Байчуань, Чжан Боно. Современный этап изучения истории династии Цин: источниковая база</i>	(1)	69–74
<i>Илюшина М. Ю. Тратат аль-Бакламиши об искусстве стрельбы из лука</i>	(4)	23–28
<i>Илюшина М. Ю. «Божественные касиды...» султана аль-Гури</i>	(2)	68–75
<i>Мыльникова Ю. С. «Фунюй ши яньцзю»: историографический обзор жанра</i>	(2)	76–84
<i>Пылев А. И. Суфизм у среднеазиатских тюрок в Караханидский период (XI–XII вв.): основные черты и крупнейшие представители</i>	(1)	75–84

Пылева А. И. Подготовка, организация и последствия государственного переворота в Сиаме в XVII веке: анализ причин поражения геополитической стратегии Франции.....	(3)	36–45
Пылева А. И. Деятельность французских католических миссионеров в контексте геополитической стратегии Франции в Сиаме в XVII в.	(1)	85–93
Тептюк П. С. Две рукописи макал ал-‘Аббаса (XVI век)	(2)	85–89
Фирсова В. С. Индийцы в Японии: прошлое и настоящее	(4)	29–36
Шухман Е. О. Первое издание конкорданции к Еврейской Библии (По экземплярам из коллекции Института восточных рукописей РАН)	(4)	37–45
Юлгушева А. Х. Род бану Хаджадж в политической истории ал-Андалуса.....	(4)	46–53
Яфиа Юсиф Джамиль, Мокрушина А. А. Рукописи, посвященные грамматике арабского языка (четыре рукописи из коллекции библиотеки Восточного факультета СПбГУ).....	(1)	94–101

Литературоведение

Завьялова О. Ю. Этнопсихологические характеристики и система ценностей народов манден (анализ устной традиции)	(2)	90–95
Иванова Ю. В. Историческая личность в произведениях Ариёси Савако	(3)	46–52
Корнильева Т. И. Шаньшу как жанр китайской литературы	(4)	54–60
Ляхович А. В. Поэзия как фактор политической жизни у хауса	(2)	96–101
Максудов У. О. Арабские пословицы и поговорки: возникновение и развитие паремиологических словарей в арабской литературе.....	(1)	102–109
Найденова Н. С. Эволюция образа африканского интеллигента сквозь призму франкоязычного художественно-публицистического дискурса	(3)	53–62
Суворов М. Н. Реализм и модернизм в художественной прозе стран Аравии.....	(4)	61–68
Суворов М. Н. Специфика просветительского этапа в развитии современной художественной прозы стран Аравии.....	(3)	63–71
Тептюк П. С. Вариативность канона макамы в позднем средневековье («Законоведная макама ал-‘Аббаса», XVI век)	(4)	69–75
Филочкина А. В. Вступление в брак эпической героини: сопоставление древнеиндийского эпоса с другими эпосами мира	(1)	110–117
Фролова М. В. Яванская мифология в современном индонезийском романе Буди Сарджоно «Ньяи Роро Кидул — богиня Южных морей».....	(4)	76–81

Геокультурные пространства и коды культур Азии и Африки

Алексеев А. К., Иванова В. В. Общее и особенное в практиках паломничества (<i>зийарат</i>) в Турции и Центральной Азии.....	(3)	72–81
Борисова А. А. Японские традиционные искусства и действия изэмото в период Мэйдзи (1868–1912)	(2)	102–107
Воздиган К. М. Народное искусство мадхубани и Малая традиция индуизма.....	(3)	82–91
Джамиль Абу-Аджадж. Развитие женского образования у бедуинов Израиля.....	(1)	118–123
Дьяков И. М. Проблема высшего образования в контексте развития африканского континента.....	(4)	82–87
Завьялова О. Ю. Этнические константы и особенности поведения народов манден (анализ устной традиции).....	(3)	92–102
Зеленев Е. И. Геокультура и хронокультура: противостояние.....	(4)	88–94
Кириллова А. А. Светильник менора и его элементы	(4)	95–103
Мыльникова Ю. С. Правовой статус матери и мачехи в системе традиционных отношений танского Китая	(1)	124–128
Редькин О. И. Арабская письменность: до или после ислама?	(2)	108–116
Рыбаков В. М. Взятка и подобные взятке преступления в традиционном китайском праве ..	(4)	104–110
Рыбаков В. М. Уголовное преследование бесконтактных покушений на личность по законам династии Тан. Часть 2	(2)	117–124
Рыбаков В. М. Уголовное преследование бесконтактных покушений на личность по законам династии Тан. Часть 1	(1)	129–137
Семенова В. Н. Эфиопская сакральная живопись второй половины XX века: возможные перспективы исследования	(2)	125–131

Международные отношения, политика и экономика стран Азии и Африки

- Балаян Б. Т. Армения: рынок лизинговых услуг..... (1) 138–145
- Кривохиж С. В. «Мягкая сила» и публичная дипломатия в теории и внешнеполитической практике Китая..... (3) 103–112
- Пугачева Е. В. Итоги политического кризиса в Таиланде: возвращение клана Таксина Чинавата (3) 113–120
- Пугачева Е. В. Анализ причин политической нестабильности в современном Таиланде: Таксин Чинават и таиландская демократия (1) 146–153

Обзоры и рецензии

- Боголюбов А. М., Боголюбова Н. М. Россия и Восток. Особенности межкультурного взаимодействия в эпоху Нового времени. Рецензия на коллективную монографию РОССИЯ и ВОСТОК: Феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время. Коллективная монография / отв. ред. Н. Н. Дьяков, Н. А. Самойлов. СПб.: СПбГУ, Восточный факультет; Изд-во «Студия НП-Принт», 2011. 392 с. (4) 111–116
- Герасимов И. В. Рецензия на статью: Freitag U., Gershoni I. The Necessity for Historical Investigation into Arab Responses to Fascism and Nazism // Geschichte und Gesellschaft. Zeitschrift für historische Sozialwissenschaft. Heft 3 Juli — September 2011. “Arab Encounters with Fascist Propaganda 1933–1945”. 2011. 37 Jahrgang. S. 311–331 (2) 132–135
- Дьяков Н. Н. Протестные движения в арабских странах. Предпосылки, особенности, перспективы. Материалы конференции «Круглого стола». Центр цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН (30 мая 2011 года) / отв. ред. И. В. Следзевский, А. Д. Саватеев. URSS. М., 2012. 124 с. (4) 117–119
- Самойлов Н. А., Румынская И. Г. Рецензия на книгу: Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. + доп. том / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока РАН. Том 6 (дополнительный): Искусство / ред. М. Л. Титаренко и др. М.: Восточная литература, 2010. 1031 с. (3) 121–123

In memoriam

- Академик М. Н. Боголюбов — учитель, наставник, друг..... (2) 139–140
- Памяти профессора Юрия Ашотовича Петросяна (1930–2011) (2) 136–138
- Харатишвили Г. С. Захар Корганов (Зураб Корганашвили). В память о первом (?) грузинском студенте Санкт-Петербургского университета (1817–1821)..... (1) 154–156

CONTENTS

Russia and the East

<i>Zhel'tov A. Yu.</i> Russia and Africa: history and modernity	3
<i>Samoylov N. A., Li Suian.</i> Image of the Soviet Union in the 1950s Chinese text-books	14

History and source studies

<i>Iliushina M. Yu.</i> Al-Baklamishi's treatise on archery	23
<i>Firsova V. S.</i> Indians in Japan: Past and Present.....	29
<i>Shukhman E. O.</i> The first edition of the concordance of Biblia Hebraica (Based on the exemplars from the collection of Institute of Oriental Manuscripts of Russian Academy of Sciences)	37
<i>Yulgusheva A. H.</i> The family of Banu Hajjaj in the political history of al-Andalus	46

Literary studies

<i>Kornilyeva T. I.</i> Shanshu as a Chinese literature genre	54
<i>Suvorov M. N.</i> Realism and modernism in the fiction prose of Arabia.....	61
<i>Teptyuk P. S.</i> The Variations of the maqāma canon in the late Middle Ages («The Legal maqāma» of al-'Abbās (16th cent.)	69
<i>Frolova M. V.</i> Javanese mythology in the modern Indonesian novel "Nyai Roro Kidul — the Queen of the South Seas" by Budi Sardjono	76

Geocultural spaces and codes of the cultures of Asia and Africa

<i>Dyakov I. M.</i> Higher education as a factor for development in Africa.....	82
<i>Zelenev E. I.</i> Geoculture vs chronoculture.....	88
<i>Kirillova A. A.</i> The lampstand "mənōrā" and its elements	95
<i>Rybakov V. M.</i> Bribe and similar crimes in traditional Chinese law.....	104

Reviews

Review of the book: Russia and the Orient: Phenomenology of Interaction and Identification in Modern Times / ed. by N. Dyakov and N. Samoylov. SPb: "NP-Print", 2011. 392 p.	111
Review of the book: The Protest Movements in the Arab Countries. Premises, Characteristics, Prospects. Proceedings of the Round Table Conference. Center for Civilization and Regional Studies. Institute of Africa, Russian Academy. 30 May, 2011 / ed. I. V. Sledzevskiy, A. D. Savateev. URSS. Moscow, 2012. 124 p.....	117

Abstracts.....	124
-----------------------	-----

Authors	128
----------------------	-----

List of the articles.....	129
----------------------------------	-----

XXVII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ И ИСТОРИОГРАФИИ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ
«ЛОКАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ И ГЛОБАЛЬНАЯ ПЕРСПЕКТИВА»
«ТРАДИЦИОНАЛИЗМ И РЕВОЛЮЦИОНИЗМ НА ВОСТОКЕ»

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ СПбГУ, 24–26 АПРЕЛЯ 2013 ГОДА

СЕКЦИИ

- Источниковедение, историография арабских стран
- Источниковедение, историография Афганистана и Ирана
- Источниковедение, историография Турции
- Источниковедение, историография народов Кавказа
- Источниковедение, историография Центральной Азии
- Источниковедение, историография Индии и ЮВА
- Источниковедение, историография Китая
- Источниковедение, историография Японии и Кореи
- Монголоведение, тибетология, буддология
- Секция африканистов: «Чтения памяти Д.А. Ольдерогге»
- Источниковедение, историография Древнего Востока
- Языки стран Азии и Африки
- Литература стран Азии и Африки
- Источниковедение, историография ислама в России
- «Куда идет Восток?»: круглый стол по проблеме «восточных революций» и перспективам развития современного Востока
- Секция СНО: «Школа молодого востоковеда»

УСЛОВИЯ УЧАСТИЯ

Для участия в работе конференции необходимо заполнить электронную Регистрационную форму на сайте Восточного факультета (<http://conference.ci.spbu.ru>) и приложить к ней тезисы доклада объемом до 2000 знаков.

Последний день подачи заявок для участия в конференции: 31 января 2013 г. Информация о результатах рассмотрения поданной заявки будет отправлена по e-mail в течение месяца с момента отправки Регистрационной формы, но не позднее, чем за 2 месяца до начала конференции.

Возмещение транспортных расходов и расходов на проживание участникам конференции не предусматривается, однако Оргкомитет может забронировать места в гостинице (заявка на бронирование мест заполняется в соответствующем разделе Регистрационной формы).

ИНФОРМАЦИЯ ПО ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА ТЕЗИСОВ

Текст тезисов в виде отдельного файла (только в формате *.doc или *.rtf) должен быть приложен к Регистрационной форме. Если автор использует специальные диакритические шрифты, необходимо приложить их также к Регистрационной форме в виде архива с файлами шрифтов в формате *.ttf. Шрифт — Times New Roman (при необходимости могут быть добавлены диакритические шрифты, основанные на шрифтах группы Таймс); размер шрифта — 12 пт, междустрочный интервал — одинарный, абзац — выравнивание по ширине, отступ первой строки — 0,75 см.

Подробная информация о Конференции,
объявления, программа и другие сведения
будут размещены на сайте Восточного факультета
(http://orient.spbu.ru/science/conference/conference_170.html)
E-mail Оргкомитета: conf2013@orient.spbu.ru
Тел./факс: (812) 328–77–32



САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ОСНОВАН В 1724 ГОДУ.
1824 – ГОД ВЫХОДА В СВЕТ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ УНИВЕРСИТЕТА

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ, ПОСТУПИВШИХ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК СПбГУ»

- Все научные статьи, поступившие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.
- Ответственный редактор и ответственный секретарь серии определяют соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляют ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.
- Рецензенты уведомляются о том, что присланные им материалы являются собственностью авторов и содержат сведения, не подлежащие разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей.
- Сроки рецензирования определяются ответственным секретарем серии.
- В рецензии должно быть указано: а) соответствует ли содержание статьи ее названию, б) в какой мере статья соответствует современным достижениям в рассматриваемой области науки; даны: в) оценка формы подачи материала, г) целесообразность публикации статьи, д) детальное описание достоинств и недостатков статьи.
- Рецензирование проводится анонимно. Автору статьи предоставляется возможность ознакомиться с текстом рецензии. Нарушение анонимности возможно лишь в случае заявления рецензента о плагиате или фальсификации материалов, изложенных в статье.
- Если рецензия содержит рекомендации по исправлению и доработке статьи, ответственный секретарь серии направляет автору текст рецензии с предложением учесть рекомендации при подготовке нового варианта статьи или аргументировано их опровергнуть. Переработанная автором статья повторно направляется на рецензирование.
- В случае, когда рецензент не рекомендовал статью к публикации, редколлегия может направить статью на переработку с учетом сделанных замечаний, а также направить её другому рецензенту. Текст отрицательной рецензии направляется автору.
- Окончательное решение о публикации статьи принимается редколлгией серии и фиксируется в протоколе заседания редколлгии.
- После принятия редколлгией серии решения о допуске статьи к публикации ответственный секретарь серии информирует об этом автора и указывает сроки публикации. Текст рецензии направляется автору.
- Оригиналы рецензий хранятся в редколлгии серии в течение пяти лет.



САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ОСНОВАН В 1724 ГОДУ.
1824 – ГОД ВЫХОДА В СВЕТ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ УНИВЕРСИТЕТА

КАК СОСТАВИТЬ РЕЗЮМЕ (SUMMARY)

Резюме — один из видов сокращенной формы представления научного текста. Назначение резюме — привлечь внимание читателя, пробудить читательский интерес минимальными языковыми средствами: сообщением сути исследования и его новизны. И то и другое должно быть указано в резюме, а не подразумеваться. Все научные статьи в журнале должны иметь авторские резюме.

Резюме (summary) — особый жанр научного изложения текста, определяющий структуру его содержания. Жанровое отличие резюме от статьи подразумевает отличие в форме изложения. Если в статье должна быть логика рассуждения и доказательства некоего тезиса, то в резюме — констатация итогов анализа и доказательства. Таким образом, формулировки в тексте резюме должны быть обобщенными, но информативными, т.е. построены по предикатам («что сказано»), а не по тематическим понятиям («о чем сказано»).

Существуют требования к объему резюме и структуре содержания. Для статей, публикуемых в журнале «Вестник Санкт-Петербургского университета», оптимальный объем авторского резюме на русском и английском языках — 500-900 знаков с пробелами.

В мире принята практика отражать в авторских резюме краткое содержание статьи. Иногда в резюме сохраняется структура статьи — введение, цели и задачи, методы исследования, результаты, заключение (выводы).

Некачественные авторские резюме в статьях повторяют по содержанию название статьи, насыщены общими словами, не излагают сути исследования, недопустимо короткие.

Резюме всегда сопровождается ключевыми словами. Ключевое слово — это слово в тексте, способное в совокупности с другими ключевыми словами представлять текст. Ключевые слова используются главным образом для поиска. Набор ключевых слов публикации (поисковый образ статьи) близок к резюме. Тексты резюме с ключевыми словами должны быть представлены на русском и английском языках.

Качественное авторское резюме на английском языке (summary) позволяет:

- ознакомиться зарубежному ученому с содержанием статьи и определить интерес к ней, независимо от языка статьи и наличия возможности прочитать ее полный текст;
- преодолеть языковой барьер ученому, не знающему русский язык;
- повысить вероятность цитирования статьи зарубежными коллегами.

То же касается авторских резюме на русском языке, но — для российских ученых и ученых, читающих на русском языке. Качественные авторские резюме — необходимость в условиях информационно перенасыщенной среды.



САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ОСНОВАН В 1724 ГОДУ.
1824 – ГОД ВЫХОДА В СВЕТ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ УНИВЕРСИТЕТА

ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ

Одним из ключевых показателей, широко используемым во всем мире для оценки работы исследователей и научных коллективов, является индекс цитирования и импакт-фактор журнала, в котором были опубликованы статьи. Оценить влияние ученого или организации на мировую науку, определить качество проведенных научных исследований дают возможность статистические данные баз данных по цитированию журнальных публикаций.

Что такое индекс цитирования? Это специализированный информационный продукт, в котором собирается и обрабатывается полная библиографическая информация о журнальных статьях, аннотации и пристатейные списки цитируемой в статьях литературы. Такая база позволяет находить как публикации, цитируемые в отдельно взятой статье, так и публикации, цитирующие эту статью. Таким образом, пользователь может проводить эффективный масштабный поиск библиографии, охватывающей весь фронт публикаций по интересующей его теме или предмету.

Импакт-фактор журнала — один из формальных критериев, по которому можно сопоставлять уровень научных исследований в близких областях знаний. При присуждении грантов, выдвижении на научные премии (включая Нобелевскую) эксперты непременно обращают внимание на наличие у соискателя публикаций в журналах с высоким импакт-фактором. Импакт-фактор журнала — это дробь, знаменатель которой равен числу статей, опубликованных этим журналом в течение заданного периода (обычно это период в два года), а числитель — число ссылок (сделанных за этот же период в различных источниках) на указанные выше статьи. При этом подразумевается, что чем выше значение импакт-фактора, тем выше научная ценность, авторитетность журнала.

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) — интегрированная информационно-аналитическая система по научным публикациям. РИНЦ создается Научной электронной библиотекой LIBRARY.RU в рамках проекта, инициированного Федеральным агентством по науке и инновациям (Роснаука). В РИНЦ включаются наиболее авторитетные российские научные журналы. РИНЦ — это механизм, позволяющий оценить уровень научного издания на основе формальных и объективных критериев. Основным таким критерием является относительный показатель цитирования статей, опубликованных в данном журнале, то есть, его импакт-фактор. Самое высокое значение импакт-фактора РИНЦ среди Вестников СПбГУ в 2010 г. — 0,197 — у серии 1 (Математика. Механика. Астрономия).

Согласно решению Президиума ВАК N 45.1-132 от 14.10.2008 г. все российские научные журналы, претендующие на включение в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, должны быть представлены и оценены в РИНЦ.

Обращаем ваше внимание на единый формат оформления пристатейных библиографических списков в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008 «Библиографическая ссылка» *. Более подробную информацию можно получить на сайте www.elibrary.ru.

*Информация приводится по http://elibrary.ru/projects/events/conf_vak_rinc/icons/regl.Pdf



САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ОСНОВАН В 1724 ГОДУ.
1824 – ГОД ВЫХОДА В СВЕТ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ УНИВЕРСИТЕТА
